

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

ЕВРЕИ
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

CoRpus

Юрий Слёзкин
Эра Меркурия

«Corpus (АСТ)»

2004

УДК 94
ББК 63.3(0)

Слёзкин Ю. Л.

Эра Меркурия / Ю. Л. Слёзкин — «Corpus (АСТ)», 2004

Исследование историка Юрия Слёзкина, автора монументального “Дома правительства”, посвящено исторической судьбе евреев российской черты оседлости – опыту выживания вечно чуждых (и тщательно оберегающих свою чуждость) странников-“меркурианцев” в толще враждебных (и вечно культивирующих свою враждебность) “титульных” наций. Этот опыт становится особенно трагическим в XX веке, в эпоху трех “мессианских исходов” – “в Соединенные Штаты, оплот бескомпромиссного либерализма; в Палестину, Землю обетованную еврейского национализма; и в города СССР, свободные и от либерализма, и от племенной исключительности”. Те, кто остался дома, исчезли в огне нацистского “окончательного решения”, но и Советский Союз (судьбам и исходу советского еврейства отведено особое место в книге) оказался мало похож на Землю обетованную...

УДК 94
ББК 63.3(0)

© Слёзкин Ю. Л., 2004
© Corpus (АСТ), 2004

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава 1	9
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юрий Слёзкин
Эра Меркурия
Евреи в современном мире

© Yuri Slezkine, 2004

© С. Ильин, наследники, перевод на русский язык, 2005

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

В детстве я был близок обеим бабушкам. Одна, Ангелина Ивановна Жданович, родилась в семье помещика, училась в Институте благородных девиц, закончила актерскую школу Малого театра и была застигнута Красной армией во Владикавказе в 1920 году. Она гордилась своими запорожскими предками и потеряла все, что имела, в революции. На старости лет она жила в мире со своим прошлым и своей страной. Другая, Берта (Брохе) Иосифовна Костринская, родилась в черте оседлости, не закончила школы, сидела в тюрьме за революционную деятельность, эмигрировала в Аргентину, а в 1931 году вернулась в Россию строить социализм. На старости лет она гордилась своими еврейскими предками и считала всю свою жизнь ужасной ошибкой. Эта книга посвящается ее памяти.

Предисловие

Я благодарен друзьям и коллегам, которые прочитали книгу в рукописи: Маргарет Лавинии Андерсон, Эндрю Е. Баршаю, Дэвиду Билу, Виктории Е. Боннелл, Роджерсу Бру-бейкеру, Амиру Вайнеру, Марии Волькенштейн, Константину Гуревичу, Джону Джерде, В. М. Живову, Виктору Заславскому, Реджинальду Е. Зельнику, С. А. Иванову, Вен Чин Йе, Иоахиму Клейну, Марии Липман, Лизе Литтл, Тиму Макдэниелу, Элизабет Макгуайр, Мар-тину Малии, Джоэлю Мокиру, Норману М. Наймарку, Бенджамину Натансу, Эрику Нейману, Ирине Паперно, Игорю Примакову, Н. В. Рязановскому, П. Ю. Слёзкину, Рональду Григору Суни, Эдварду У. Уокеру, Шейле Фитцпатрик, Габриэле Фрайтаг, Григорию Фрейдину, Бен-джамину Харшаву, Дэвиду А. Холлингеру, Ирвину Шайнеру, Джеймсу Дж. Шихану, Теренсу Эммонсу и Джону М. Эфрону. Большинство из них не согласилось с некоторыми из моих доводов, некоторые не согласились с большинством, и никто (за исключением Лизы Литтл, которая обещала делить все радости и невзгоды, и П. Ю. Слёзкина, у которого нет выбора) не отвечает ни за одну из ошибок и опечаток. Двое коллег заслуживают особой благодар-ности: Габриэле Фрайтаг, чьи работы и вопросы подвигли меня на написание этой книги, и Бенджамин Харшав, чья книга, *Language in Time of Revolution*, подсказала композицию последней главы и концепцию “Еврейского столетия”. Семинары в Чикагском и Стэнфорд-ском университетах привели к существенным переработкам текста. Лекции в Беркли, Гар-варде, Вассаре, Йеле и Пенсильванском университете увенчались полезными дискуссиями. Иштван Деак, Табита М. Каного, Брайан Е. Кассоф, Питер Кенез, Г. В. Костырченко, Мэтью Лено, Этан М. Поллок, Фрэнк Е. Сысын, Фредерик Уэйкман, Дэвид Фрик, Донгуй Хи, Джам-шид К. Чокси и Эндрю К. Янош ответили на разнообразные вопросы.

Деньги на исследование и написание были предоставлены Национальным фондом гума-нитарных наук (*National Endowment for the Humanities*), Мемориальным фондом Джона Сай-мона Гуггенхайма (*John Simon Guggenheim Memorial Foundation*) и Центром изучения бихеви-ористских наук (*Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences*), который также обеспечил хорошую погоду и живой обмен мнениями. Элеонора Гилбурд была несравненным научным ассистентом; Джэррод Тэнни помог подготовить рукопись к печати; Вассарский колледж, Пинар Батур и Джон Ван дер Липпе сделали осенний семестр 2002 года столь же приятным, сколь и продуктивным; исторический факультет Калифорнийского университета в Беркли остается замечательным местом работы, а Реджи Зельник был самым лучшим на свете колле-гой.

Введение

Современная эра – еврейская эра, а XX век – еврейский век. Модернизация заключается в том, что все становятся подвижными, чистоплотными, грамотными, говорливыми, интеллектуально изоциренными и профессионально пластичными горожанами; в том, что культивируются люди и символы, а не поля и стада; в том, что богатства ищут ради образования, образования – ради богатства и того и другого – ради их самих; в том, что князья и крестьяне превращаются в учителей и торговцев, наследственные привилегии сменяются приобретенным престижем, а место сословий занимают отдельные личности, малые семьи и начитанные племена (нации). Модернизация – это когда все становятся евреями.

У одних князей и крестьян получается лучше, у других хуже, но никто не способен стать лучшим евреем, чем сами евреи. В век капитала они – самые предприимчивые предприниматели, в век отчуждения – самые опытные изгнанники, а в век специализации – самые искусные профессионалы. Некоторые из старейших еврейских специальностей – коммерция, юриспруденция, медицина, толкование текстов и культурное посредничество – стали самыми важными (и наиболее еврейскими) из всех современных занятий. Древность евреев стала причиной их образцовой современности.

Основной религией современного мира является национализм: вера, которая отождествляет новое общество со старой общиной и позволяет недавно урбанизированным князьям и крестьянам чувствовать себя на чужбине как дома. Каждое государство должно быть племенем, каждое племя – государством. Каждая земля обетованна, каждый язык – Адамов, каждая столица – Иерусалим, и каждый народ избран (и древен). Век национализма – это когда каждая нация становится еврейской.

В Европе XIX столетия (где зародился век национализма) величайшим исключением из правила повсеместного национального строительства были сами евреи. Наиболее успешные из всех современных племен, они оказались и наиболее уязвимыми. Главные триумфаторы века капитализма, они стали главными жертвами века национализма. Больше всех нуждавшиеся в защите государства, они получали ее меньше всех, поскольку ни одно из европейских национальных государств не могло стать олицетворением еврейской нации. В большинстве европейских государств имелись граждане, сочетавшие беспримерные социальные успехи с безысходной племенной чуждостью. Время евреев было также веком антисемитизма.

Все главные современные (антисовременные) пророчества были решениями еврейского вопроса. Фрейдизм, учение по преимуществу еврейское, провозгласил одиночество “эмансипированной личности” неизбежной частью человеческой природы и предложил курс лечения, основанный на применении к человеческой душе принципа либеральных сдержек и противовесов (управляемое несовершенство). Сионизм, наиболее эксцентричная разновидность национализма, исходил из того, что лучший способ преодоления еврейской уязвимости состоит не в том, чтобы все стали как евреи, а в том, чтобы евреи стали как все. Марксизм самого Карла Маркса начался с положения о том, что окончательное освобождение мира от еврейства возможно лишь посредством полного уничтожения капитализма (поскольку капитализм есть неприкрытое еврейство). И, разумеется, нацизм, самый последовательный из всех видов национализма, настаивал на том, что создание подлинной национальной общности возможно лишь посредством полного уничтожения евреев (поскольку еврейство есть неприкрытый космополитизм).

Одна из причин, по которой XX век стал еврейским, состоит в том, что попытка нацистов уничтожить евреев привела к канонизации нацизма в качестве абсолютного зла и превращению евреев в универсальных жертв. Другие причины связаны с распадом российской черты оседлости и тремя последовавшими за этим мессианскими исходами: в Соединенные Штаты,

оплот бескомпромиссного либерализма; в Палестину, Землю обетованную еврейского национализма; и в города СССР, свободные и от либерализма, и от племенной исключительности.

Эта книга представляет собой попытку рассказать историю еврейского века и объяснить его истоки и значение. Глава 1 рассматривает жизнь еврейской диаспоры в сравнительно-историческом контексте; глава 2 описывает превращение крестьян в евреев, а евреев во французов, немцев и прочих; глава 3 посвящена еврейской революции как части революции русской, а глава 4 следует за дочерьми Тевье-молочника в Соединенные Штаты, Палестину и – в особенности – в Москву. Книга заканчивается в конце еврейского века – но не в конце еврейской эры, Эры Меркурия.

Отдельные главы сильно различаются по жанру, стилю и размеру. Читателям, которым не понравится глава 1, может понравиться глава 2 (и наоборот). Тем, кому не понравятся главы 1 и 2, может понравиться глава 3. Читатели, которым не понравятся главы 1, 2 и 3, вряд ли получат пользу от продолжения чтения.

И наконец, эта книга в такой же мере о евреях, в какой – о еврейской эре. Словом “евреи” обозначаются в ней члены традиционных еврейских общин (евреи по рождению, вере, названию, языку, занятиям, самоописанию и формальному статусу), а также их дети и внуки (кем бы они ни были по вере, названию, языку, занятиям, самоописанию и формальному статусу). Главная цель повествования – показать, что произошло с детьми Тевье, независимо от того, как они относились к Тевье и его вере. Главные герои повествования – те из детей Тевье, которые оставили его и его веру и были – на время и по этой причине – забыты прочими членами семьи.

Глава 1

Сандалии Меркурия

Евреи и другие кочевники

*Арес вздремнул, и вновь война
Немедленно объявлена
Меж теми, кто поклоны
Шлет юному Гермесу хитрецу,
И теми, кто поверил, как отцу,
Павлину Аполлону.*

У. О. Оден. Под чьей лирой

В общественном и экономическом положении евреев средневековой и новой Европы не было ничего необычного. Многие аграрные и пастушеские общества включают в себя общины чужаков, выполняющих обязанности, которыми коренные жители заниматься не хотят или не могут. Смерть, деньги, болезни, торговля, магия, дикая природа и внутреннее насилие часто являются ремеслом людей с чуждыми богами, корнями и языками (или считающихся таковыми). Подобного рода специализированные иностранцы могут использоваться от случая к случаю – как личные рабы, писцы, купцы и наемники – или находиться под рукой постоянно, в виде демографически закрытых эндогамных племен. Их могут допускать – или принуждать – к выполнению определенных работ, потому что они этнические чужаки, или превращать в этнических чужаков, потому что они специализируются на выполнении определенных работ, – так или иначе, они сочетают возобновляемую этничность с опасными занятиями. В Индии такие самовоспроизводящиеся, но не самодостаточные сообщества образуют сложную символическую и экономическую иерархию; в других местах они ведут шаткое, а временами призрачное существование парий в отсутствие освященной религией кастовой системы.

В средневековой Корее народности коли сачук и хуа-чук чаеин использовались как плетельщики, сапожники, охотники, мясники, колдуны, палачи, телохранители, шуты, танцоры и кукловоды. В Японии Асикага и Токугава одно племя (эта) занималось забоем животных, публичными казнями и похоронными услугами, а другое (хинин) монополизировало нищенство, проституцию, жонглерство, натаскивание собак и заклинание змей. В Африке начала XX века сомалийские иебиры практиковали магию, хирургию и обработку кож; фуга Южной Эфиопии специализировались на лицедействе, резьбе и гончарстве; а бродячие кузнецы сахеля, Сахары и Судана были среди прочего менялами, ювелирами, могильщиками, музыкантами, скототорговцами, специалистами по обрезанию и посредниками при улаживании конфликтов. Европейские “цыгане” и “странники” – наследственные лошадиные барышники, предсказатели судеб, бродячие торговцы, ювелиры, музыканты, трубочисты, лудильщики, точильщики, старьевщики, сборщики металлолома и “социальные мусорщики” (специалисты по воровству и нищенству).

Большинство кочевых занятий подобного рода сопровождалось меновой торговлей, и некоторые постоянные чужаки превратились в профессиональных купцов. Шейх-мохаммади из Восточного Афганистана кочевали по традиционным путям сезонных миграций, торгуя необходимыми земледельцам промышленными товарами; хумли-хиампа из Западного Непала меняли тибетскую соль на непальский рис; яо, обитавшие в окрестностях озера Малави, осво-

или важный участок торгового пути вдоль побережья Индийского океана; а коороко из Васулу (ныне Мали) прошли путь от парий-кузнецов до оптовых торговцев орехом кола¹.

Некоторые изгои без труда превращаются в капиталистов. Еврейские, армянские и несто-рианские (ассирийские) предприниматели использовали свой опыт бродячих правонарушителей при создании успешных коммерческих корпораций в то время, как большинство их соотечественников, занятых в сфере обслуживания, оставались социально маргинальными мясниками, кузнецами, сапожниками, цирюльниками, носильщиками, коробейниками, извозчиками и ростовщиками. В мировой трансконтинентальной торговле доминировали диаспоры, пользовавшиеся политической и военной поддержкой, – греческая, финикийская, мусульманская, венецианская, гнуэзская, голландская и британская (среди прочих), – однако место для незащищенных и предположительно нейтральных чужаков находилось всегда. Точно так же как бродячему торговцу шейх-мохаммади разрешалось продать браслет скрытой от мужских глаз пуштунке или примирить двух воинов, не подвергая их честь опасности, еврей-предприниматель мог безнаказанно пересекать христианско-исламскую границу, брать на откуп крупные армейские подряды и заниматься запретным, но всегда нужным “ростовщичеством”. В XVI и XVII веках армянские купцы руководили мощной торговой сетью, соединявшей Османскую, Сефевидскую, Могольскую, Российскую и Голландскую империи посредством специально обученных коммерческих агентов, стандартных договоров и подробных руководств по международным ценам, тарифам и системам мер и весов. В XVIII веке интересы российской и османской дипломатий квалифицированно представляли балтийские немцы и греки-фанариоты².

Чужеродность могла быть полезной и внутри сообщества. Не вступая в браки, драки и дружеские союзы с окружающим населением, профессиональные парии являлись символическими эквивалентами евнухов, монахов и безбрачных либо потомственных священников, поскольку они оставались вне традиционной сети соседских обязательств, кровной дружбы и родовой вражды. Инаданы, строго эндогамные оружейники и ювелиры Сахары, могли отправлять важные ритуальные функции на туарегских свадьбах, жертвоприношениях, церемониях наречения детей и празднованиях военных побед, поскольку на них не распространялись принятые у туарегов требования чести, правила уклонения от общения и законы брачной политики. Купцы-навары служили бедуинам руала для обмена деликатной информацией с соседями; армянские “амира” обеспечивали османский двор надежными откупщиками, казначеями и производителями пороха; а еврейские арендаторы и “шинкари” позволяли польским землевладельцам выжимать доходы из крепостных, не жертвуя при этом риторикой патриархальных отношений³.

¹ David Nemeth. *Patterns of Genesis among Peripatetics: Preliminary Notes from the Korean Archipelago*, in Aparna Rao, ed. *The Other Nomads: Peripatetic Minorities in Cross-Cultural Perspective*. Cologne: Boehlau Verlag, 1987, 159–178; George de Vos and Hiroshi Wagatsuma. *Japan's Invisible Race: Caste in Culture and Personality*. Berkeley: University of California Press, 1966, 20–28; Michael Bollig. *Ethnic Relations and Spatial Mobility in Africa: A Review of the Peripatetic Niche*, in Rao, *The Other Nomads*, 179–228; James H. Vaughn, Jr. *Caste Systems in the Western Sudan*, in Arthur Tuden and Leonard Plotnicov, eds. *Social Stratification in Africa*. New York: Free Press, 1970, 59–92; Sharon Bohn Gmelch. *Groups That Don't Want In: Gypsies and Other Artisan, Trader, and Entertainer Minorities* // *Annual Review of Anthropology*, 15 (1986): 307–330; Asta Olesen. *Peddling in East Afghanistan: Adaptive Strategies of the Peripatetic Sheikh Mohammadi*, in Rao, *The Other Nomads*, 35–64; Hanna Rauber-Schweizer. *Trade in Far West Nepal: The Economic Adaptation of the Peripatetic Humli-Khyampa*, in Rao, *The Other Nomads*, 65–88; Philip D. Curtin. *Cross-Cultural Trade in World History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, 19. Вслед за большинством антропологов я пользуюсь термином “цыгане”, поскольку не все группы, обычно объединяемые им, говорят на романи или являются “рома” по самообозначению.

² Curtin, *Cross-Cultural Trade*, 186–206; Bruce Masters. *The Origins of Western Economic Dominance in the Middle East: Mercantilism and the Islamic Economy in Aleppo, 1600–1750*. New York: New York University Press, 1988, 82–89; John A. Armstrong. *Mobilized and Proletarian Diasporas* // *American Political Science Review* 70, № 2 (June 1976): 400; John A. Armstrong. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982, 210.

³ Ernest Gellner. *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983, 102; Dominique Casajus. *Crafts and Ceremonies: The Inadan in Tuareg Society*, in Rao, *The Other Nomads*, 291–310; William Lancaster and Fidelity Lancaster. *The Function of Peripatetics in Rwala Bedouin Society*, in Rao, *The Other Nomads*, 311–322; Hagop Barsoumian. *Economic Role of the Armenian Amira*

Развитие европейского колониализма и вторжение коммерческого капитала в немонетарные системы обмена привели к появлению новых чужаков-специалистов. В Индии парсы Бомбея и Гуджарата стали основными коммерческими посредниками между европейцами, внутренними областями Индии и Дальним Востоком. Потомки зороастрийцев, бежавших в VIII веке из исламизованного Ирана, они образовали замкнутое, эндогамное и политически автономное сообщество, которое оставалось вне индуистской кастовой системы и обладало относительно большей экономической маневренностью. Начав как бродячие торговцы, ткачи, плотники и поставщики алкоголя, с появлением в XVI столетии европейцев они перешли на финансовое посредничество, ростовщичество, судостроение и международную торговлю. К середине XIX века парсы стали ведущими банкирами, промышленниками и профессионалами Бомбея, а также лучшими в Индии знатоками английского языка и западных социальных норм.

Во второй половине XIX века более двух миллионов китайцев последовали за европейским капиталом в Юго-Восточную Азию (где у них и ранее имелись многочисленные колонии), Индийский океан и обе Америки. Некоторые ехали в качестве неквалифицированных рабочих, однако очень многие (включая прежних “кули”) быстро перешли в сектор услуг и со временем заняли господствующее положение в торговле и промышленности Юго-Восточной Азии. В Восточной Африке нишу “посредников” между европейской элитой и туземными земледельцами и скотоводами заняли индийцы, которые прибыли после 1895 года на строительство Угандийской железной дороги и вскоре монополизировали розничную торговлю, конторские должности и “свободные” профессии. Индусы разных каст, мусульмане, сикхи, джайны и католики из Гоа стали *baniyas* (торговцами). Так же поступили ливанские и сирийские христиане (и некоторые мусульмане), отправившиеся в Западную Африку, Соединенные Штаты, Латинскую Америку и на Карибские острова. Многие из них начинали как торговцы вразнос (“коральщики” африканского “буша” или *mescates* внутренних территорий Бразилии), затем открывали постоянные магазины и со временем переходили в промышленность, транспорт, политику, банковское дело, операции с недвижимостью и индустрию развлечений. И куда бы ливанцы ни приезжали, их главными конкурентами были армяне, греки, евреи, индийцы или китайцы – и не только они⁴.

Class in the Ottoman Empire // Armenian Review, 31 (March 1979): 310–316; Hillel Levine. *Economic Origins of Antisemitism: Poland and Its Jews in the Early Modern Period*. New Haven: Yale University Press, 1991, 59–73.

⁴ Edna Bonacich. *A Theory of Middleman Minorities* // American Sociological Review, 38, no. 5 (October 1973): 583–594; Paul Mark Axelrod. *A Social and Demographic Comparison of Parsis, Saraswat Brahmins and Jains in Bombay*. Ph. D. diss., University of North Carolina at Chapel Hill, 1974, 26–39, 60; Charles A. Jones. *International Business in the Nineteenth Century: The Rise and Fall of a Cosmopolitan Bourgeoisie*. Brighton: Wheatsheaf, 1987, esp. 50 and 81–84; T. M. Luhrmann. *The Good Parsi: The Fate of a Colonial Elite in a Postcolonial Society*. Cambridge: Harvard University Press, 1996, 78–91; D. Stanley Eitzen. *Two Minorities: The Jews of Poland and the Chinese of the Philippines* // Jewish Journal of Sociology 10, № 2 (December 1968): 221–240; Daniel Chirot and Anthony Reid, eds. *Essential Outsiders: Chinese and Jews in the Modern Transformation of Southeast Asia and Central Europe*. Seattle: University of Washington Press, 1997, см. в особенности предисловие редакторов; Joel Kotkin. *Tribes: How Race, Religion, and Identity Determine Success in the New Global Economy*. New York: Random House, 1993, 170–180; Thomas Sowell. *Migrations and Cultures: A World View*. New York: Basic Books, 1996; Edgar Wickberg. *Localism and the Organization of Overseas Migration in the Nineteenth Century*, in Gary G. Hamilton. *Cosmopolitan Capitalists*. Seattle: University of Washington Press, 1999, 35–55; Yuan-li Wu and Chun-hsi Wu. *Economic Development in Southeast Asia: The Chinese Dimension*. Stanford: Hoover Institution Press, 1980; Linda Y. C. Lim and L. A. Peter Gosling, eds. *The Chinese in Southeast Asia*, vols. 1 and 2. Singapore: Maruzen Asia, 1983; Lynn Pan. *Sons of the Yellow Emperor: A History of the Chinese Diaspora*. Boston: Little, Brown, and Company, 1990, 23–152; Agehananda Bharati. *The Asians in East Africa: Jayhind and Ururu*. Chicago: Nelson-Hall, 1972, 11–22, 36, 42–116; Pierre L. van den Bergh. *The Ethnic Phenomenon*. New York: Praeger, 1987, 135–156; Dana April Seidenberg. *Mercantile Adventurers: The World of East African Asians, 1750–1985*. New Delhi: New Age International, 1996; Albert Hourani and Nadim Shehadi, eds. *The Lebanese in the World: A Century of Emigration*. London: Center for Lebanese Studies, 1992; William K. Crowley. *The Levantine Arabs: Diaspora in a New World* // Proceedings of the Association of American Geographers 6 (1974): 137–142; R. Bayly Winder. *The Lebanese in West Africa* // Comparative Studies in Society and History 4 (1961–1962): 296–333; H. L. van der Laan. *The Lebanese Traders in Sierra Leone*. The Hague: Mouton, 1975.

Все эти группы были вторичными производителями, специализировавшимися на предоставлении товаров и услуг окружающему их земледельческому или пастушескому населению. Их главными ресурсами были люди, а не природа; их основной специальностью были “иностранские дела”. Они были потомками – или прародителями – Гермеса (Меркурия), бога всех тех, кто не пасет стада, не возделывает землю и не живет мечом; покровителя посредников, переводчиков и перебежчиков; защитника мастерства, искусства и хитроумия.

В большинстве традиционных пантеонов существуют боги-плуты, аналогичные Гермесу, и в большинстве человеческих обществ имеются члены (гильдии или племена), которые обращаются к этим богам за помощью и поддержкой. Область их деятельности огромна, но внутренне последовательна, потому что всегда сосредоточена вдоль границ. Имя Гермеса происходит от греческого “груда камней”, и ранний его культ был связан с пограничными столбами. Протеже Гермеса общаются с духами и чужаками в качестве гонцов, жрецов, купцов, мастеров, проводников, гробовщиков, глашатаев, целителей, искусителей, переводчиков, провидцев, магов и бардов. Все эти занятия тесно связаны между собой, поскольку жрецы были гонцами, гонцы – жрецами, а искусные ремесленники – искусителями (и купцами, которые тоже были гонцами и жрецами). На Олимпе и далеко за его пределами производители и присвоители пищи уважали, боялись и презирали их. То, что они привозили из других миров, было часто чудесным и всегда опасным: Гермес служил единственным проводником в Аид; Прометей, еще один искусный покровитель ремесленников, принес людям самый чудесный и опасный из всех даров; Гефест, божественный кузнец, сотворил Пандору, первую женщину и источник всех бед и соблазнов; а еще двумя римскими богами границы (помимо Меркурия) были Янус, двуликий покровитель начинаний, имя которого означает “дверь, вход”, и Сильван, надзирающий за миром дикой природы (*silvaticus*), раскинувшимся за порогом⁵.

Можно отмечать героизм и смекалку, а можно чуждость и лукавство – так или иначе всем приверженцам Гермеса свойственно меркурианство, или непостоянство. Применительно к народам это означает, что все они странники и скитальцы – от полностью кочевых цыганских таборов до коммерческих сообществ, разделенных на лавочников и коммивояжеров, и до постоянно оседлых народов, считающих себя изгнанниками. Они могут не знать родины, подобно ирландским “странникам” или шейх-мохаммади, потерять ее, подобно армянам и евреям, или не иметь с ней политических связей, как уехавшие за моря ливанцы или индийцы; их главное свойство – постоянная, профессиональная чужеродность (яванское слово “купец”, *wong clagang*, означает “иностранец”, “странник” или “бродяга”). Их мифы о собственном происхождении и символическом предназначении неизменно отличаются от мифов их клиентов, а их (временные) пристанища обычно не похожи на жилища их оседлых соседей. Еврейский дом на Украине не походил на соседнюю крестьянскую хату не потому, что его архитектура была еврейской (таковой не существует), а потому, что его никогда не красили, не латали и не украшали. Он не был частью ландшафта; он был скорлупой, в которой скрывалось подлинное сокровище – дети Израилевы и их память. Все кочевники определяют себя в генеалогических терминах; большинство “кочевых посредников” настаивает на генеалогическом принципе, находясь в окружении аграрных обществ, которые сакрализуют пространство. Все они народы времени, а не места; народы одновременно “бездомные” и “исторические”, “безродные” и “древние”⁶.

⁵ Norman O. Brown. *Hermes the Thief: The Evolution of a Myth*. Madison: University of Wisconsin Press, 1947; Marcel Detienne and Jean-Pierre Vernant, *Cunning Intelligence in Greek Culture and Society*. Hassocks, Sussex: Harvester Press, 1978; Laurence Kahn. *Hèrmus passe ou les ambiguïtés de la communication*. Paris: François Maspero, 1978; W. B. Stanford. *The Ulysses Theme: A Study in Adaptability of a Traditional Hero*. Dallas: Spring Publications, 1992.

⁶ George Gmelch and Sharon Bohn Gmelch. *Commercial Nomadism: Occupation and Mobility among Travellers in England and Wales*, in Rao, *The Other Nomads*, 134; Matt T. Salo. *The Gypsy Niche in North America: Some Ecological Perspectives on the Exploitation of Social Environments*, Rao, *The Other Nomads*, 94; Judith Okely. *The Traveller-Gypsies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 58–60; Curtin, *Cross-Cultural Trade*, 70; Clifford Geertz. *Peddlers and Princes: Social Change and Economic*

Каковы бы ни были источники отличий, наибольшее значение имеет сам факт их существования. Поскольку только чужаки могут заниматься определенными опасными, чудесными и постыдными профессиями, успешное функционирование меркурианцев зависит от того, как долго им удастся быть чужаками. Согласно Брайану Л. Фостеру, в начале 1970-х годов народ мон в Таиланде был разделен на крестьян-рисоводов и торговцев-речников. Крестьяне называли себя тайцами, редко говорили по-монски и утверждали, что на самом деле говорят на нем еще реже; торговцы называли себя мон, часто говорили по-монски и утверждали, что на самом деле говорят еще чаще. Крестьяне не были уверены, что их предками были мон; торговцы были совершенно уверены, что их клиенты-крестьяне таких предков не имели (иначе они не стали бы их клиентами). И те и другие соглашались, что заниматься торговлей не жульничая невозможно и что быть жуликом – значит нарушать правила крестьянского общежития. “В самом деле, торговец, который решит соблюдать традиционные запреты и обязательства, быстро обнаружит, что вести доходное дело ему вряд ли удастся... Он не сможет никому отказать в кредите и никогда не соберет долгов. Если он будет строго придерживаться существующих норм поведения, то о получении прибыли ему придется забыть”⁷.

Как сказано в аналогичном предписании более раннего периода, “не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею” (Второзаконие 23: 19–20). Это означает среди прочего, что если ты хочешь отдавать в рост, то тебе придется быть иноземцем (или подвергнуться одомашниванию с применением разнообразных методов “клиентелизации” и “кровного братания”).

С точки зрения сельского большинства, все искусства искушают, а всякий коммерсант корыстен (английские слова *merchant* – “купец”, “коммерсант” и *mercenary* – “корыстный”, “наемник” – происходят, как и имя самого Меркурия, от *merx*, “товары”). И разумеется, Гермес был вором. Соответственно, европейских купцов и ремесленников обычно выделяли в особые городские общины; в некоторых горных деревнях современного Эквадора владельцы магазинов – протестанты; а один китайский торговец, которого Л. А. Питер Гослинг наблюдал в малайской деревне, “во всем походил на малайца и скрупулезно соблюдал малайские обычаи, включая ношение саронга, тихую и вежливую малайскую речь и скромное и учтивое поведение. Однако в пору сбора урожая, когда он выходил в поле, чтобы забрать ту часть жатвы, под которую ранее давал кредит, он одевался по-китайски, в шорты и майку, говорил отрывисто и вообще вел себя, по словам одного малайского крестьянина, «совсем как китаец»”⁸.

Noblesse oblige, и потому многие иноземцы-меркурианцы взяли себе за правило – если не вменили в добродетель – жить в чужих монастырях по своему уставу. Китайцы огорчают малайцев своей “грубостью” (*icasar*); инаданы изумляют туарегов отсутствием чувства собственного достоинства (*takarakayt*); японские буракумины уверяют, что неспособны сдержи-

Modernization in Two Indonesian Towns. Chicago: University of Chicago Press, 1963, 43–44; Mark Zborowski and Elizabeth Herzog, eds. *Life Is with People: The Culture of the Shtetl*. New York: Schocken Books, 1952, 62; Armstrong, *Nations before Nationalism*, 42; Daniel J. Elazar. *The Jewish People as the Classic Diaspora*, in Gabriel Sheffer, ed. *Modern Diasporas in International Politics*. London: Croom Helm, 1986, 215.

⁷ Brian L. Foster. *Ethnicity and Commerce* // *American Ethnologist* 1, № 3 (August 1974): 441. See also Cristina Blanc Szanton. *Thai and Sino-Thai in Small Town Thailand: Changing Patterns of Interethnic relations*, in Lim and Gosling, eds., *The Chinese in Southeast Asia* 2: 99–125.

⁸ Benjamin Nelson. *The Idea of Usury: From Tribal Brotherhood to Universal Otherhood*. Chicago: University of Chicago Press, 1969; Max Weber. *Ancient Judaism*. Glencoe, 111: Free Press, 1952: 338–345; Curtin, *Cross-Cultural Trade*, 5–6; Alejandro Portes. *Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview*, in Alejandro Portes, ed. *The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship*. New York: Russell Sage Foundation, 1995, 14; L. A. Peter Gosling. *Changing Chinese Identities in Southeast Asia: An Introductory Review*, in Lim and Gosling, *The Chinese in Southeast Asia* 2: 4. Очень хорошее обсуждение, включающее две приведенные выше цитаты (и многие другие), содержится в работе Mark Granovetter. *The Economic Sociology of Firms and Entrepreneurs*, in Portes, *The Economic Sociology of Immigration*.

вать эмоции; а еврейские лавочники Европы редко упускали случай поразить гоев своей назойливостью и многословием (“Жена, дочь, слуга, собака – все так и голоса вам в уши”, – злорадно цитирует Зомбарт). Цыгане в особенности ежечасно нарушают общепринятые правила поведения, оскорбляя чувства своих клиентов. Они могут “тушеваться”, когда находят это выгодным, но чаще всего они подчеркивают свою чужеродность с помощью резких речей, броских манер и ярких красок – нередко посредством изощренных публичных демонстраций вызывающей неуместности⁹.

Подобные спектакли тем обиднее для коренного населения, что многие обидчики – женщины. В традиционных обществах чужеземцы смешны, опасны или отвратительны потому, что они нарушают нормы; самые же важные нормы – те, что регулируют половую жизнь и половое разделение труда. Чужеземные женщины всегда либо угнетены, либо распущенны – и нередко “прекрасны” (вследствие их угнетенности и распущенности, а также потому, что они – главная причина и главная награда большинства военных кампаний). Не все иностранцы странны в равной степени, но нет иностранцев страннее странников внутренних, для которых нарушение норм – профессия, призвание и символ веры. Торговцы среди пайщиков, кочевники среди крестьян и племена среди наций, они являются зеркальными отражениями своих хозяев – причем временами делают это намеренно и напоказ, в качестве профессиональных шутов, предсказателей будущего и карнавальных исполнителей.

Распространенное среди аборигенов мнение, что меркурианские женщины и мужчины имеют склонность меняться местами, – не только вариация на тему “извращенности иноземцев”, но и наблюдение, основанное на реальных профессиональных различиях. Купцы и кочевники часто отводят женщинам более заметные роли, чем крестьяне и воины, а некоторые из кочевых посредников живут преимущественно за счет женского труда (сохраняя, однако, патриархальную политическую организацию). Канджары Пакистана, которые специализируются на изготовлении игрушек, пении, танцах, нищенстве и проституции, получают основную часть годового дохода от работы женщин. То же самое верно в отношении цыган Европы, профессионально занимающихся пророчеством и попрошайничеством. В обоих этих случаях, а также в еврейских общинах Восточной Европы женщины играют важную роль в связях с внешним миром (как исполнительницы, рыночные торговки или посредницы при переговорах) и нередко считаются сексуально вызывающими и социально агрессивными – впечатление, которое они порой сознательно усиливают¹⁰.

Той же цели служит демонстративная невоинственность мужчин, которая является непременным условием для вступления в должность внутреннего иноземца и обязательным показателем устойчивой чуждости (отказ от драки, как и отказ от гостеприимства, – эффективный способ уклонения от межкультурных контактов). Буракумины, инаданы и цыгане могут быть “страстными” или “порывистыми”, но никто не ждет от них воинской чести. Чтобы оставаться конкурентоспособными функциональными евнухами, монахами, исповедниками или шутами, они не должны производить впечатление полноценных мужчин. Василий Розанов, один из наиболее красноречивых российских антисемитов, говорит о еврейской “женственности, прилепленности и прямой привязанности, почти влюбчивости; во-первых, лицом к лицу с тем человеком, с каким каждый из них имеет дело, и, во-вторых, вообще к окружающему племени, обстановке, природе и быту (укоры пророков, да и очевидность)”¹¹. Гермес столь же слаб,

⁹ Donald L. Horowitz. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985, 119; Casajus, *Crafts and Ceremonies*, 303; de Vos and Wagatsuma, *Japan's Invisible Race*, 231; Werner Sombart. *The Jews and Modern Capitalism*. London: T. Fisher Unwin, 1913, 138; Gmelch, *Groups That Don't Want In*, 322–323.

¹⁰ Joseph C. Berland, *Kanjar Social Organization*, in Rao, *The Other Nomads*, 253; Gmelch, “Groups That Don't Want In”, 320–321; Anne Sutherland. *The Body as a Social Symbol among the Rom*, in John Blacking, ed. *The Anthropology of the Body*. London: Academic Press, 1977, 376.

¹¹ Тайна Израиля: “Еврейский вопрос” в русской религиозной мысли конца XIX – первой половины XX в. (СПб.: София,

сколь умен (ум компенсирует слабость); Гефест хром, уродлив и комически неумел во всем, кроме своего мастерства; провидцы-кузнецы германских мифов – горбатые карлики с огромными головами. И все ассоциируются с распутством и супружескими изменами. Три образа: бесстрастная нейтральность, циничное донжуанство и женский эротизм – сочетаются в различных пропорциях и применяются в разной степени, но всех их отличает разительное отсутствие мужественности.

* * *

Впрочем, иноземцы славны не столько манерами, сколько делами, а главными заботами любого общества являются прием пищи и производство потомства. Чужаки (враги) – это люди, с которыми не садятся за стол и не вступают в браки; безнадежные чужаки (варвары) – это люди, которые едят всякую мерзость и блудят, точно дикие звери. Наиболее распространенный способ превратить чужака в друга – разделить с ним трапезу и “кровь”; наиболее верный способ остаться чужаком – отказаться и от того, и от другого¹².

Все кочевые посредники эндогамны, и многие из них соблюдают пищевые ограничения, которые делают братание с соседями и клиентами невозможным (а выполнение опасных и постыдных функций – вообразимым). Когда один из сынов Израилевых “привел к братьям своим Маданитянку”, Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, “взял в руку свою копье и вошел вслед за Израильянином в спальню и пронзил обоих их, Израильянина и женщину, в чрево ее: и прекратилось поражение сынов Израилевых” (Книга Чисел 25: 1–18). Мужчинам часто удается избежать наказания, однако в традиционных еврейских и цыганских общинах брак женщины с чужаком считается непоправимым осквернением и приводит к изгнанию и символической смерти. Во времена, когда все боги были ревнивы, в поступке Финееса не было ничего необычного; странной является приверженность эндогамии в обществе победившего универсализма.

Пищевые табу менее опасны, но более заметны как межевые знаки. Ни один еврей не может воспользоваться гостеприимством нееврея и сохранить свою чистоту в чуждом окружении; ремесленников и музыкантов, живших среди марги Западного Судана, легко узнавали по особым ковшикам для воды, которые они носили с собой во избежание осквернения; а английские “странники”, получающие большую часть пищи от оседлого населения, живут в постоянном страхе инфекции (предпочитая консервированные и упакованные продукты, не загрязненные “нестранниками”). Джайны формально не включались, как и парсы, в индуистскую кастовую систему, однако поистине “странным народом” их сделала приверженность доктрине неприменения насилия к живым существам (*ahimsa*). Помимо строгого вегетарианства, доктрина требует отказа от еды, в которой могут заводиться черви и мелкие насекомые (картофель, редис и т. п.), и исходит из того, что всякий физический труд, в особенности труд землепашца, содержит в себе угрозу осквернения. Что бы ни стояло на первом месте – изменение профессиональной специализации или аскетический вызов индуизму – джайны, бывшие поначалу воинами, превратились в банкиров, ювелиров, ростовщиков, промышленников и торговцев. Стремление к ритуальной чистоте привело к тем же последствиям, что и эмиграция в Восточную Африку¹³.

Противопоставление чистоты и скверны лежит в основе всякой нравственности, будь то традиционные различия (между частями тела, частями света, естественными сферами,

1993), 251. Все переводы без атрибуции сделаны автором.

¹² Yuri Slezkine. *Naturalists versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity* // *Representations* 47 (Summer 1994): 174, 180–182; Max Weber. *Ancient Judaism*. Glencoe, 111: Free Press, 1952, 351–355.

¹³ Vaughn, *Caste Systems*, 77–79; Sutherland, *The Body*, 378–380; Okely, *The Traveller-Gypsies*, 83–85; Axelrod, *A Social and Demographic Comparison*, 51–54, 61–62.

сверхъестественными силами и человеческими видами) или различные пути спасения, духовные либо политические. Так или иначе, “грязь” и “чуждость” (людей или вещей) обыкновенно связаны – и неизменно опасны. Универсалистские идеологии попытались избавиться от чуждости, дав ей иную интерпретацию (провозгласив, в случае одной из них, что “не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека”¹⁴). Полного успеха они не добились (мир по-прежнему полон старомодными сыроедящими чужаками), но грязь и чуждость стали менее страшными и потенциально преодолимыми – если не считать профессиональных иностранцев, чья вера и доля неотделимы от чуждости. Большинство традиционных евреев, цыган и других кочевых посредников разделяют эту точку зрения; не убежденные универсалистской риторикой, они сохраняют разделение мира на две отдельные сущности, одна из которых ассоциируется с чистотой (поддерживаемой при помощи ритуалов), а другая – со скверной. Если среди христиан и мусульман слова, обозначающие чужаков, иноземцев, язычников, варваров и неверных, конкурируют друг с другом и не всегда относятся к одной общей категории, еврейские и цыганские понятия “гой” и “гажо” позволяют воспринимать всех неевреев или нецыган как одно чуждое племя, состоящее из отдельных гоев и гажо. Христиане и мусульмане, переходящие на кочевое посредничество, проявляют склонность к эндогамии и таким “национальным”, чуждым миссионерства церквям, как грегорианская (армянское слово “одар” аналогично “гою” и “гажо”), несторианская, маронитская, мелькитская, коптская, ибадийская и исмаилитская.

Все они – избранные народы в том смысле, что открыто боготворят самих себя и принципиально отмежевываются от всех прочих. Существуют и другие такие сообщества, но мало кто столь же последователен. Многие аристократические сословия, к примеру, традиционно (и иногда убедительно) возводят свое происхождение к кочевым воинам, подчеркивают свою чуждость как дело “чести”, практикуют строгую эндогамию и соблюдают сложные ритуалы избегания. Жрецы (священники) также устранились от базовых форм социального взаимодействия, образуя самовоспроизводящиеся касты или вовсе отказываясь от воспроизводства. Однако и те и другие, как правило, делят имя, место и бога (а порой и трапезу или жену) с теми, чей труд присваивают благодаря монополии на доступ к земле и душеспасению. Кроме того, многие из них принадлежат к универсалистским идеологиям, ограничивающим этическую обособленность и поддерживающим крестовые походы, депортации, миссионерскую активность и другие виды борьбы с отличиями.

У “меркурианцев” подобных обязательств не существует, а самые бескомпромиссные из них, такие как цыгане и евреи, сохраняют радикальный дуализм и очистительные запреты на протяжении многих веков проповедей и преследований. Черный шелковый шнур, который правоверные евреи носят на поясе, чтобы отделить верхнюю часть тела от нижней, аналогичен “ограде” (эй-рув), обращавшей все местечко в один общий дом для соблюдения чистоты субботы, а также незримому, но жизненно важному барьеру, который повсеместно обозначает гойско-еврейскую границу. Цыганские средства защиты от скверны еще более существенны и многочисленны, поскольку в отсутствие письменной традиции на них лежит основное бремя этнической дифференциации. Быть цыганом значит непрерывно сражаться со скверной (*marime*) – задача тем более серьезная, что цыгане по роду их деятельности не могут не жить среди гажо, которые являются главным источником и воплощением заразы (и тем более парадоксальная, что отдельно взятые гажо живут среди цыган в качестве слуг, исполняющих нечистую работу). На смену религиозным предписаниям приходят “гигиенические” – так, во всяком случае, может показаться, когда цыгане отбеливают стены своих жилищ или используют бумажные полотенца, чтобы поворачивать ручки кранов и открывать двери в общественных уборных. Евреи, которых часто обвиняют в неопрятности, всегда вызывали

¹⁴ Матфей 15:11.

подозрение и восхищение соседей своей приверженностью телесной чистоте. И даже на Индийском субконтиненте, где все этносоциальные группы окружают себя сложными очистительными табу, парсы выделяются интенсивностью заботы о личной гигиене и строгостью запретов, связанных с менструальным циклом¹⁵.

* * *

Следом за чистотой и скверной существенным признаком чуждости является язык. Слово “варвар” значит “пустомеля” или “заика”, а славянский термин “немец” (“немой”) первоначально относился ко всем иноземцам. Большинство “меркурианцев” выступают в роли варваров и “немцев”, где бы они ни жили (иногда ценою значительных усилий). Если они не говорят на языке, который является иностранным для окружающего населения, они создают его сами. Так, некоторые европейские цыгане говорят на “романи”, морфологически продуктивном языке индийской группы, родственном языкам “дом” Ближнего Востока и восходящем к языку индийской касты торговцев, кузнецов и актеров. (Впрочем, романи необычен в том отношении, что он не выводим из определенного регионального диалекта и чрезвычайно богат морфосинтаксическими заимствованиями, что позволяет некоторым ученым называть его языком “слияния” и отказывать ему в грамматической связности и независимости¹⁶.) Многие другие цыгане говорят на своеобразных языках “пара-романи”, в которых лексикон романи сочетается с грамматикой (фонологией, морфологией и синтаксисом) языков окружающего большинства. Существуют среди прочих английская, испанская, баскская, португальская, финская, шведская и норвежская разновидности романи; все они остаются непонятными для окружающего населения и по-разному описываются лингвистами: как бывшие диалекты романи, преобразованные посредством “массированных грамматических замещений”; как креольские языки, произведенные от “пиджинов” (упрощенных, гибридных языков контакта), которыми первые иммигранты-рома пользовались для общения с местными изгоями; как “смешанные диалекты”, созданные цыганскими общинами, утратившими грамматически продуктивный романи, но сохранившими доступ к нему (через старых соплеменников и новых иммигрантов) в качестве инструмента “отчуждения”; как “смешанные языки” (местная грамматика, иммигрантский словарь), порожденные соединением двух языков-прародителей; и наконец, как этнолекты и криптолекты, сознательно создаваемые носителями стандартных местных языков при помощи широко доступных терминов, происходящих из романи и других источников¹⁷.

Каково бы ни было их происхождение, языки “пара-романи” используются исключительно кочевыми посредниками, обычно заучиваются в отрочестве и передаются из поколения в поколение как эмблемы групповой принадлежности и тайные коды. Согласно информантам

¹⁵ См. в особенности: Sutherland, *The Body*, and Luhrmann, *The Good Parsi*, 102; Max Weber, *The Sociology of Religion*. Boston: Beacon Press, 1963, 109; David Nemeth, *Gypsy Taskmasters, Gentile Slaves*, in Matt T. Salo, ed. *The American Kalderas: Gypsies in the New World*. Hackettstown, N. J.: Gypsy Lore Society, North American Chapter, 1981, 29–41.

¹⁶ См.: Okely, *The Traveller-Gypsies*, 8–19; and Paul Wexler, *The Case for the Relexification Hypothesis in Romani*, in Julia Horvath and Paul Wexler, eds. *Relexification in Creole and Non-Creole Languages*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997, 100–161. Очень полезный обзор см. в: Yaron Matras, *Para-Romani Revisited*, in Yaron Matras, ed. *The Romani Element in Non-Standard Speech*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998, 1–27.

¹⁷ Основные аргументы (в указанном порядке) см. в работах: (1) Sarah Grey Thomason and Terrence Kaufman, *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1988), 103f; (2) Ian F. Hancock, *The Social and Linguistic Development of Angloromani* // Working Papers in Sociolinguistics, № 38 (December 1977): 1–42; also Ian F. Hancock, *Is Anglo-Romanes a Creole?* // Journal of the Gypsy Lore Society 49, № 1–2 (1970): 41–44; (3) Norbert Boretzky and Birgit Igl, *Romani Mixed Dialects*, in Peter Bakker and Maarten Mous, eds. *Mixed Languages: Fifteen Case Studies in Language Intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994, 35–68; and Norbert Boretzky, *Der Romani-Wortschatz in den Romani-Misch-Dialekten (Pararomani)*, in Matras, *The Romani Element*, 97–132; (4) Peter Bakker and Maarten Mous, *Introduction*, and Peter Bakker, *Michif, The Cree/French Mixed Language of the Métis Buffalo Hunters in Canada*, in Bakker and Mous, *Mixed Languages*, 1–11 and 13–33; and (5) Jakob Ladefoged, *Romani Elements in Non-Standard Scandinavian Varieties*, in Matras, *The Romani Element*, 133–164.

Асты Олесен из числа шейх-мохаммади, их дети лет до шести-семи говорят по-персидски, а затем осваивают адургари, “на котором мы говорим, когда чужим не следует знать, о чем идет речь”. То же самое верно в отношении “тайных языков” фуга и ваата – кочевых посредников Южной Эфиопии¹⁸.

Когда язык, незнакомый окружающему населению, недоступен, а заимствуемые из местного языка элементы недостаточны, “варварство” и “немота” речи обеспечиваются различными формами лингвистического камуфляжа: произнесением задом наперед (целых слов или отдельных слогов), заменой гласных, подстановкой согласных, префиксацией, суффиксацией, парафразированием, словесной игрой и т. п. Инаданы делают свою речь непонятной путем добавления приставки *от-* и суффикса *-ак* к некоторым существительным языка тамачеков [тамаджеки, тамашеки]; халаби (кузнецы, целители и актеры долины Нила) преобразуют арабские слова добавлением суффикса *-eishi* или *-elheid*; в речи английских цыган (англоромани) слова *about* (о, относительно), *bull* (бык) и *tobacco smoke* (табачный дым) превращаются в *aboutas*, *bullas* и *fogas*; а в языке шельта вместо ирландских *do* (два) и *dorus* (дверь) произносится *od* и *rodus*, а вместо английских *solder* (пять) и *supper* (ужин) – *gawder* и *grupper*¹⁹. Шельта – язык ирландских “странников”, который состоит из видоизмененного ирландско-гаэльского лексикона, встроенного в грамматическую структуру английского языка. Основная его функция – непрозрачность для непосвященных, и, согласно сообщению собирателя Джона Сэмпсона, который в 1890 году повстречал в ливерпульской таверне двух “лудильщиков”, функцию свою он выполнял успешно:

Эти люди не затруднялись никакими предрассудками касательно личного достоинства или опрятности, а речь их была во всех смыслах испорченной. Этимологически ее можно описать как вавилонскую, образцовый жаргон ночлежки, составленный из шельта, “быстрого арго”, рифмованного сленга и романи. Говорили они на этом наречии с поразительной беглостью и, по-видимому, с немалой для себя выгодой²⁰.

Подобным образом принижались и языки еврейской диаспоры, на которых их носители говорили со столь же поразительной беглостью и еще большей для себя выгодой (в смысле удовлетворения всего спектра познавательных и коммуникативных нужд). Свои первоначальные языки евреи утратили относительно рано, но пока они оставались кочевыми посредниками, они нигде не переняли в неизменном виде язык окружающего населения. Где бы они ни появлялись, они создавали или приносили с собой свои собственные национальные языки, так что существовали еврейские варианты (иногда не один) арабского, персидского, греческого, испанского, португальского, французского, итальянского и многих других языков. Некоторые гебраисты считают, что это были не “варианты”, а отдельные языки – *Judezmo*, например, а не “иудеоиспанский”, или *Yahudic*, а не “иудеоарабский” (подобно тому как специалисты по цыганским языкам противопоставляют “англоромани” “романи-английскому”). Идиш, который обычно классифицируется как германский язык или диалект немецкого, разительно отличается от своих “родственников” тем, что содержит чрезвычайно высокий процент негерманских грамматических элементов, не может быть возведен к региональному диалекту (Соломон Бирнбаум называет его “синтезом разнообразного диалектического материала”) и является монопольным достоянием профессионально специализированной и рели-

¹⁸ Olesen, *Peddling in East Afghanistan*, 36; Bollig, *Ethnic Relations*, 204, 214.

¹⁹ Casajus, *Crafts and Ceremonies*, 308–309; Bollig, *Ethnic Relations*, 214; Hancock, *The Social and Linguistic Development*, 29; Anthony P. Grant, *Shelta: The Secret Language of Irish Travellers Viewed as a Mixed Language*, in Bakker and Mous, *Mixed Languages*, 135–136; R. A. Stewart Macalister. *The Secret Languages of Ireland, with Special Reference to the Origin and Nature of the Shelta Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1937, 132.

²⁰ Цитируется в Macalister, *The Secret Languages*, 134–135.

гиозно изолированной общины, где бы ни жили ее члены²¹. Нет оснований полагать, что первые еврейские переселенцы в Рейнскую область когда-либо говорили на одном диалекте со своими соседями-христианами; напротив, романские (по всей видимости) языки, на которых они говорили в момент иммиграции, сами были специфически еврейскими²².

Некоторые ученые считают, что идиш – это романский или славянский язык, в словаре которого произошли массивные замещения (“релексификация”), или особая разновидность креольского языка, произошедшего от “гибридизированного” немецкого и впоследствии “обогащенного заимствованиями”²³. Две канонические истории идиша отвергают его германское происхождение, не предлагая альтернативы в рамках общепринятой номенклатуры (отличной от “еврейских языков”): Бирнбаум называет его “синтезом” семитских, арамейских, романских, германских и славянских “элементов”, а Макс Вейнрейх описывает его как “язык-сплав”, образованный из четырех “детерминант” – древнееврейского, лоеза (иудеофранцузского и иудеоитальянского), немецкого и славянского. Согласно Джошуа А. Фишману, идиш – “многокомпонентный” язык “диаспорически-еврейского” типа, который часто рассматривается его носителями (и другими хулителями) как несовершенный, но который никогда не был гибридным (*pidgin*), поскольку никогда не проходил через стадию стабильного редуцирования и не служил языком межгруппового общения²⁴. Креолисты говорят об идише как об исключении или не говорят о нем вовсе; идишисты относят его к смешанным языкам, не объясняя, что это такое; главный теоретик “смешанных языков” не считает его достаточно смешанным; а большинство общих лингвистов включают идиш в германскую генетическую группу, не обсуждая особенностей его генезиса²⁵.

Ясным представляется одно: когда у кочевых посредников нет наречия, чуждого окружающему населению, они создают новые языки способами, которые не похожи ни на генетическую эволюцию (передачу от поколения к поколению), ни на гибридизацию (упрощение и ролевое ограничение). Языки эти так же подвижны и необыкновенны, как и их носители. Они не умещаются ни в одну из существующих языковых “семей”. Их *raison d'être* – увековечение отличий, сознательное сохранение странности, а значит, чуждости. Все они – особые тайные языки неумоимо хитроумного Меркурия. Арго еврейских скототорговцев (и раввинов) средневековой Германии содержало гораздо больше древнееврейских слов, чем речь их соплеменников, потребности общения которых были не столь эзотеричны. С иронией – и немалой проницательностью – они называли его *Loshen-Koudesh* (“священный язык / коровий язык”) и пользовались им, как идишем в миниатюре, на больших расстояниях. (Вне еврейского мира идиш, как и романи, был важнейшим источником “блатных” словарей Европы. Русские слова “блатной”, “феня” и “фраер” – еврейского происхождения²⁶.) Но главной причиной странности меркурианских языков была религия, то есть “культура”, то есть кочевое посредничество как образ жизни. Как писал Макс Вейнрейх, “«наше – значит, не чужое» простира-

²¹ Solomon A. Birnbaum. *Yiddish: A Survey and Grammar*. Manchester: Manchester University Press, 1979, 76, 106.

²² Max Weinreich. *History of the Yiddish Language*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 95–124.

²³ Paul Wexler. *The Ashkenazic Jews: A Slavo-Turkic People in Search of a Jewish Identity*. Columbus: Slavica, 1993, 59–60 and passim; Dell Hymes. *Introduction*, in Dell Hymes, ed. *Pidginization and Creolization of Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971, 76, 77–78, 86–87 (цитата взята со с. 86); см. также: Ian F. Hancock. *Recovering Pidgin Genesis: Approaches and Problems*, in Albert Valdman ed. *Pidgin and Creole Linguistics*. Bloomington: Indiana University Press, 1977, 277–294, esp. 289–290, and Ian F. Hancock, *Appendix: Repertory of Pidgin and Creole Languages*, там же, 385.

²⁴ Birnbaum, *Yiddish*, 82 and passim; Weinreich, *History of the Yiddish Language*, 29, 350–351, 599f and passim; Joshua A. Fishman. *Yiddish: Turning to Life*. Amsterdam: John Benjamins, 1991, 19–35, 189–201.

²⁵ О категории “смешанных языков” см.: Bakker, *Michif*, 25–26. Нет сомнения, что с точки зрения грамматического строя и словарного запаса идиш – германский язык; уникальными (среди германских языков) являются история его возникновения и функционирование.

²⁶ Matras, *Para-Romani Revisited*, 21; Yaron Matras. *The Romani Element in German Secret Languages*, in Matras, *The Romani Element*, 193–194; Hancock, “Recovering Pidgin Genesis”, 290.

ется гораздо дальше, чем слова отвращения или слова отличия”. Нечистые “гойские” термины не годились для обозначения не только мерзости и святости, но и деторождения, милосердия, семьи, смерти и большей части жизни. Одна из молитв Субботы начинается словами: “Тот, кто отличает святое от нечестивого”, а завершается словами: “Тот, кто отличает святое от святого”. В пределах еврейского – и цыганского – мира “все закоулки жизни святы, одни больше, другие меньше”, а потому тайные слова множились и преображались, пока сам язык не стал тайным, подобно народу, которому он служил и который славил²⁷.

* * *

Помимо более или менее тайных наречий, некоторые кочевые посредники располагают формально сакральными языками и алфавитами, которые служат для поддержания постоянной связи с богом, домом, прошлым и спасением (древнееврейский и арамейский у евреев, авестанский и пахлави у парсов, грабар у армян, сирийский у несториан). В некотором смысле все кочевые посредники (включая заокеанских китайцев и восточноевропейских немцев) обладают такими языками, поскольку любой “литературный” язык сакрален в той степени, в какой он поддерживает связь говорящих на нем людей с их (новым) богом, домом, прошлым и спасением. Иначе говоря, все меркурианцы многоязычны (Гермес был богом красноречия). Как профессиональные чужаки, равно зависящие от культурных отличий и экономической взаимосвязанности, они обладают по крайней мере одним внутренним языком (сакральным, тайным или и тем и другим) и по крайней мере одним внешним. Все они дипломаты, переводчики и мистификаторы, а те из них, кто владеет грамотой, обычно гораздо грамотнее хозяев, поскольку грамотность, как и язык вообще, является ключом как к сохранению самобытности, так и к выполнению коммерческой (сочетательной) функции.

Но и здесь отличие первично. Успешное выполнение сочетательной функции (посреднической, переводческой, переговорной) зависит от увековечения отличий, а отличия приводят к странным союзам: где бы ни жили меркурианцы, их отношения с клиентами строятся на взаимной неприязни, подозрительности и презрении. Даже в Индии, где все общество состоит из эндогамных, экономически специализированных, страшящихся осквернения чужаков, парсы чувствуют себя более чуждыми и чистыми, чем все остальные²⁸. Взаимная антипатия оседлых производителей и кочевых посредников повсеместна, неизбежна и в конечном счете связана с опасностью осквернения. “Они” едят всякую гадость, плохо пахнут, живут в грязи, плодятся как кролики и вообще постоянно – и непоправимо – смешивают чистое с нечистым (отчего становятся предметом сексуального любопытства). Любые контакты с ними – особенно через пищу (гостеприимство) и кровь (супружество) – опасны и потому запретны – и потому желанны. И потому запретны. Подобные страхи редко симметричны: нарушитель границы по определению изгой, а значит, всегда опасен и плохо приручим. В сложных обществах с прочно укоренившимися универсальными идеологиями эти взаимоотношения могут меняться: нарушители границ сохраняют страх перед повседневным осквернением и кровосмешением (шикса – “нееврейка” – означает “нечистая”), а принимающее их большинство все чаще интерпретирует чуждость в религиозных и политических терминах. Однако стержнем антимеркурианской риторики остается боязнь заразиться, а главным проводником заразы по-прежнему являются кровь и пища: произнесение колдовских заклинаний, наводящих порчу на урожай, использование крови младенцев для приготовления ритуальной пищи или угроза “чистоте крови” (*limpieza de sangre*) христианской Испании.

²⁷ Weinreich, *History of the Yiddish Language*, 199, 605.

²⁸ Luhrmann, *The Good Parsi*, 47–59.

Асимметрия этим не ограничивается. Принимающие общества имеют на своей стороне численное превосходство, воинскую этику, силу оружия, а иногда государство. Кроме того, они относительно самодостаточны в экономическом отношении – не в такой степени, как полагали Фердинанд и Изабелла накануне изгнания евреев из Испании, но в несравненно большей степени, чем кочевые посредники, которые полностью зависят от своих клиентов. И наконец, их мнения друг о друге представляют собой взаимно дополняющие противоположности, на которых строится мировая гармония: свое – чужое, оседлое – кочевое, телесное – разумное, мужское – женское, постоянное – изменчивое. С течением времени относительная ценность отдельных элементов может меняться, но оппозиции остаются прежними (Гермес обладал всеми теми качествами, за которые будут ненавидеть – и уважать – цыган, евреев и заокеанских китайцев)²⁹.

И что важнее всего, мнения эти по большей части справедливы. Не в смысле реальности определенных поступков или применимости культурных обобщений к отдельным личностям, а в той мере, в какой они описывают культурные ценности и экономическое поведение одного общества в терминах другого. Конкретные формулировки могут меняться, но смысл базовых оппозиций остается прежним. Мнение, что кочевые посредники держатся замкнуто, помогают друг другу, привержены иным ценностям, настаивают на различиях и сопротивляются ассимиляции, разделяется обеими сторонами (и превращается в обвинение лишь в тех немногочисленных обществах, в которых ассимиляция считается добродетелью). Чуждость – их профессия; замкнутость – средство поддержания чуждости; а взаимопомощь – способ выживания и залог общей судьбы.

Даже причины их чуждости не были предметом споров. Европейский антисемитизм часто объясняют еврейскими истоками христианства и последующим изображением необращенных евреев в роли богоубийц (“этническим” толкованием крика толпы: “Кровь Его на нас и на детях наших”). Суждение это справедливо во многих отношениях (второе пришествие Христа связано с концом изгнания евреев), но верно и то, что до утверждения коммерческого капитализма, при котором Гермес стал верховным божеством, а некоторые разновидности кочевого посредничества – модными и даже обязательными, меркурианская жизнь повсеместно считалась – и самими кочевыми посредниками, и их клиентами – небесной карой за изначальное прегрешение.

Одна из групп “гриотов”, живущих среди народа малинке, была приговорена к вечным странствиям за то, что их предок, Саурахата, пытался убить пророка Мухаммеда. Инаданы были прокляты за то, что продали прядь волос пророка проходившему мимо арабскому каравану. Ваата (из Восточной Африки) вынуждены были кормиться за счет племени боран, потому что их предок опоздал на первое после сотворения мира собрание, на котором Бог небес раздавал домашний скот. Шейх-мохаммади рассказывают, что сыновья их предка так плохо себя вели, что он “проклял их всех и сказал: да не быть вам никогда вместе; и они рассеялись и пошли бродить по миру”. А Сиаун, пращур гхорбатов Афганистана, “сидел однажды на вершине холма, плетя решето, и проголодался. И появился кусок хлеба, сначала совсем близко, но потом, поскольку Бог гневался на нашего предка, все дальше и дальше, пока не скатился с этого холма и не закатился на другой, и Сиауну пришлось бежать за ним далеко-далеко. Вот почему мы, его потомки, должны скитаться по белу свету в поисках хлеба насущного (рузи)”. Одна из многих легенд, объясняющих образ жизни цыган, гласит, что Адам и Ева были до того плодовиты, что решили спрятать некоторых своих детей от Бога, который прогневался и обрек невидимок на вечную неприютность. Среди других объяснений упоминаются кровосмешение и отказ в гостеприимстве, но наиболее распространенная теория заключается в том, что цыгане выковали гвозди, которыми был распят Христос. По положительной версии той же

²⁹ Horowitz, *Ethnic Groups in Conflict*, 168–169.

легенды цыгане отказались выковать четвертый гвоздь и в награду получили разрешение воровать и свободу путешествовать, – но это, по всей видимости, более поздняя интерпретация (как и объяснение изгнанничества евреев притеснениями со стороны гоев). До утверждения господства светских индустриальных государств большая часть человечества исходила из того, что кочевое посредничество означает неприютность и что неприютность – проклятие. Жертвами самых знаменитых в западной традиции наказаний стали Прометей, самый искусный из мастеров, укравший Зевсов огонь; Сизиф, “самый хитрый из людей”, обманувший Смерть, и, разумеется, Одиссей/Улисс, самый еврейский из греков, матросы которого дали волю враждебным ветрам, не пускавшим его домой³⁰.

Согласно другому распространенному взгляду, меркурианцы лживы, алчны, коварны, напористы и грубы. Это тоже констатация факта в том смысле, что, с точки зрения крестьянина, пастуха, князя и священника, любой торговец, ростовщик и ремесленник есть злостный и намеренный нарушитель норм достойного поведения (в особенности если он – бормочущий басурманин без дома, роду и племени). “Среди бедуинов руала богатство – верблюды, добро, золото – не накапливается, а преобразуется в репутацию (честь). Среди странствующих торговцев, которых руала, с большим или меньшим на то основанием, считают посланцами города, богатство определяется количеством собственности в виде денег или вещей. Для руала владение богатством равнозначно отсутствию щедрости, что ведет к умалению чести и, следовательно, авторитета. Для горожан – и странствующих торговцев – обладание собственностью является признаком власти и влияния”³¹. Всякое экономическое разделение труда предполагает дифференциацию ценностей; вслед за разделением по половому признаку важнейшим является отделение производителей и присвоителей пищи от специалистов по предоставлению услуг. Аполлонийцы и дионисийцы – одни и те же люди: сегодня трезвые и степенные, завтра пьяные и разгульные. Последователи Гермеса не бывают ни степенными, ни разгульными – они известны как ловкачи и умельцы с тех пор, когда Гермес, едва появившись на свет, изобрел лиру, смастерил “неописуемые, невысказанные, изумительные” сандалии и украл у Аполлона стадо скота.

У Гермеса ничего, кроме хитроумия, не было. Аполлон, его старший брат и антипод, покровительствовал и скотоводству, и земледелию. В качестве бога производителей пищи он владел землей, направлял течение времени, защищал воинов и мореплавателей и вдохновлял истинных поэтов. Он был мужественным и вечно юным, атлетичным и артистичным, поэтичным и обстоятельным – самым универсальным из богов и самым боготворимым. Разница между Аполлоном и Дионисом (раздутая Ницше до устрашающих размеров) относительно невелика, потому что вино – лишь один из бесчисленных плодов моря и суши, которыми ведал Аполлон. (Дионисийцы – это аполлонийцы на празднике урожая.) Разница между аполлонийцами и меркурианцами – судьбоносное противостояние производителей пищи и создателей понятий и символов. Меркурианцы трезвы, но неосновательны.

Когда аполлонийцы превращаются в космополитов, они негодуют на упорство меркурианцев и обвиняют их в клановости, племенной исключительности и прочих грехах, которые недавно были добродетелями (и во многих случаях остаются таковыми). Подобные обвинения многим обязаны принципу зеркального отображения: если космополитизм – добродетель, значит, чужакам он несвойствен (если не считать чужаков из породы благородных дикарей, сохраняемых в виде укора и идеала). Однако еще большим они обязаны реальности: в сложных аграрных обществах (а их предшественники космополитизмом не интересовались) и, определенно, в современных государствах кочевые посредники обладают гораздо большей родовой

³⁰ Michael J. Casimir *In Search of Guilt: Legends on the Origin of the Peripatetic Niche*, in Rao, *The Other Nomads*, 373–390; Olesen, *Peddling in East Afghanistan*, 36; Okely, *The Traveller-Gypsies*, 216.

³¹ Lancaster and Lancaster, *The Function of Peripatetics*, 319.

солидарностью и внутренней сплоченностью, чем их оседлые соседи. Это справедливо в отношении всех кочевников, но мало кто может сравниться с кочевниками-меркурианцами, которые не обладают ни дополнительными ресурсами, ни механизмами принуждения. По словам Пьера ван ден Берге, “группы с густой сетью родственных связей и сильной структурой патриархальной власти, позволяющей удерживать разветвленные семьи в семейном бизнесе, имеют серьезные преимущества в посреднических занятиях перед группами, у которых такие характеристики отсутствуют”³².

Независимо от того, является ли “корпоративное родство” причиной или следствием кочевого посредничества, большинство кочевых посредников такой системой обладает³³. “Нации” ром состоят из родов (вица), которые подразделяются на большие семьи, нередко объединяющие свои доходы в ведении старейшин; кроме того, кочующие объединения (таборы) и территориальные ассоциации (кампании) распределяют между собой области, подлежащие эксплуатации, и организуют свою экономическую и социальную жизнь под руководством главы одного из семейств³⁴.

Индийцы Восточной Африки избежали некоторых профессиональных ограничений и социальных требований субконтинента (“мы все *baniyas*, даже те, у кого нет *dukas* [лавок]”), но сохранили эндогамию, очистительные запреты и большую семью в качестве экономической единицы³⁵. В Западной Африке все ливанские торговые предприятия были семейными. Это “означало, что клиенты (даже не отдавая себе в этом отчета) могли рассчитывать на преемственность и долгосрочность. Сын всегда возвращал долги отца и ожидал возврата выданных отцом кредитов. Сплоченность семьи была социальным фактором, создававшим основу экономического успеха ливанских торговцев: власть мужчины над его женой и детьми означала, что дело велось так же четко [и дешево!], как если бы его вел один-единственный человек, и так же широко, как если бы им занималась коммерческая группа”. Страхование от несчастных случаев, экспансия в новые сферы, различные формы кредитования и социального регулирования обеспечивались более крупными кланами, а иногда всей ливанской общиной в целом³⁶. Заокеанские китайцы получали доступ к капиталу, социальному обеспечению и рабочим местам, становясь членами эндогамных, централизованных и (по большей части) территориальных организаций, основанных на фамилии (клане), родной деревне, районе или диалекте. Эти организации формировали общества взаимного кредита, цеховые гильдии, клубы взаимопомощи и торговые палаты, которые структурировали экономическую жизнь, занимались сбором и распространением информации, улаживали споры, обеспечивали политическую поддержку и финансировали школы, больницы и различные виды общественной деятельности. Криминальные аналоги таких объединений (“гангстерские тонги”) представляли собой кланы поменьше или функционировали как фиктивные семьи со сложными ритуалами приема новых членов и хорошо налаженной системой социального обеспечения³⁷. (Все долговечные “мафии” являются либо ответвлениями сообществ кочевых посредников, либо успешными их имитациями.)

³² Van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 143. См. также: Bonacich, *A Theory of Middleman Minorities*, 586.

³³ О “корпоративном родстве” см.: William G. Davis, *Social Relations in a Philippine Market: Self-Interest and Subjectivity*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1973, 199–200; и Granovetter, *The Economic Sociology*, 143–146.

³⁴ Sutherland, *The Body*, 377–378; Matt T. Salo, *Gypsy Ethnicity: Implications of Native Categories and Interaction for Ethnic Classification*, 78–79; Ignacy-Marck Kaminski, *The Dilemma of Power: Internal and External Leadership. The Gypsy-Roma of Poland*, in Rao, *The Other Nomads*, 332–334.

³⁵ Bharati, *The Asians in East Africa*, 42, 149; van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 147–153.

³⁶ Van der Laan, *The Lebanese Traders*, 228–230, 241–244. Цитата взята со с. 229.

³⁷ Ivan H. Light, *Ethnic Enterprise in America: Business and Welfare among Chinese, Japanese, and Blacks*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1972, 45–61, 81–100; Linda Y. C. Lim, *Chinese Economic Activity in Southeast Asia: An Introductory Review* in Lim and Gosling, *The Chinese in Southeast Asia*, 1: 5; Eitzen, *Two Minorities*, 230; Pan, *Sons of the Yellow Emperor*, 111–127.

Клановость – это лояльность по отношению к ограниченному и хорошо очерченному кругу родичей (реальных или фиктивных). Такая лояльность создает внутреннее доверие и внешнюю неприступность, которые помогают кочевым посредникам выжить, а в некоторых случаях – сильно преуспеть в чуждом окружении. “Кредиты раздаются, а капиталы накапливаются в ожидании того, что обязательства будут выполняться; делегирование власти производится без опасения, что отдельные ее носители предпочтут собственные интересы общему делу”³⁸. В то же самое время чужаки легко определяются и надежно изолируются: “Иноземцу отдавай в рост”. Клановость – это лояльность с точки зрения постороннего.

Экономический успех, да и сама природа меркурианских занятий ассоциируются с еще одним широко распространенным и по существу точным отношением к их культуре: “Они думают, что они лучше всех, что они самые умные”. И, разумеется, они так думают и таковыми являются. Лучше быть избранным, чем неизбранным, какую бы цену ни пришлось заплатить. “Благословен ты, о Господь, Царь Вселенной, что не сотворил меня гоем”, – говорится в еврейской молитве. “Хорошо, что я потомок Иакова, а не Исава”, – писал Шолом-Алейхем³⁹. “Это такое чувство, которое появляется у тебя, если ты учишься в элитной школе и вдруг попадаешь в техникум, – объяснял один парс, обремененный чувством превосходства перед другими индийцами. – Ты гордишься тем, что учишься в элитной школе, но тебя смущает, что другие люди могут эту гордость заметить. Смущает, потому что ты думаешь, что они думают, что ты ощущаешь превосходство перед ними, а ты и ощущаешь, и знаешь, что это неправильно”⁴⁰.

Неправильным это стало совсем недавно. Меркурианцы обязаны своим выживанием чувству превосходства над аполлонийцами, которое основано на убеждении, что главной мерой сравнения является интеллект. Иаков был умнее волосатого Исава, а Гермес перехитрил Аполлона и насмешил Зевса, когда ему был всего день от роду (страшно подумать, что учинил бы он с пьяным Дионисом). Обе эти истории – и многие такие же – рассказывают сами потомки хитрецов и умельцев. Канджары презирают своих легковверных хозяев; ирландские “странники” считают, что их главным преимуществом перед оседлым населением является живость ума (“сообразительность”); фольклор ромов полон историй о том, как они обхитрили тугодумов – нецыган; а еврей из местечка готов был признать (когда был в хорошем настроении), что, говоря словами Мориса Самуэля, “в основе своей Иван – малый неплохой; глуповат, пожалуй, и грубоват, любит выпить и жену поколачивает время от времени, но, в сущности, добродушный... – пока начальство не начинает вертеть им как хочет”⁴¹.

По собственному их убеждению, а также по мнению окружающих, меркурианцы обладают качеством, которое у греков называлось метис, или “хитроумие” (с упором на “хитрость” или “ум” в зависимости от пристрастий говорящего). Качество это, находящееся в ведении Гермеса и полностью воплощенное на земле Одиссеем/Улиссом, представляет собой главное оружие слабого, самую сомнительную из добродетелей и полную противоположность как грубой силы, так и зрелой мудрости. Как пишут Марсель Детьенн и Жан-Пьер Вернан,

есть много видов деятельности, которые требуют, чтобы человек научился манипулировать враждебными силами, которые слишком мощны, чтобы управлять ими непосредственно, но которые можно использовать вопреки им самим, с помощью неожиданных, окольных средств. Сюда относятся среди прочего тактика воина, использующего хитрость, маскировку

³⁸ Granovetter, *The Economic Sociology*, 143; see also Bonacich, *A Theory of Middleman Minorities*, 586–587; and van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 139–144.

³⁹ Цитируется в: Albert S. Lindemann. *Esau's Tears: Modern Anti-Semitism and the Rise of the Jews*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 5.

⁴⁰ Luhrmann, *The Good Parsi*, 50.

⁴¹ Berland, *Kanjar Social Organization*, 249; Gmelch, *Groups That Don't Want In*, 314; Maurice Samuel. *The World of Sholom Aleichem*. New York: Alfred A. Knopf, 1943], 131.

и нападение из засады; искусство кормчего, направляющего свой корабль против ветров и течений; словесные уловки софиста, обращающего против противника его же лучшие доводы; умение банкира или торговца, которые, подобно фокусникам, делают большие деньги из ничего; предвидение политика, умеющего обогнать непредсказуемый ход событий; и ловкость рук, а также знание секретов ремесла, дающие искусному мастеру власть над вечно сопротивляющимся материалом. Именно в таких видах деятельности необходим метис⁴².

Мнения меркурианцев об аполлонийцах в конечном счете так же рациональны, как мнения аполлонийцев о меркурианцах. Кочевых посредников кормят, формируют и вдохновляют не мать-земля и не стада Аполлона, а люди. Торговцы, целители, барды или мастера, они всегда работали на клиента, который всегда прав – и всегда интересен. “Канджары очень много знают о человеческих ресурсах, которые они эксплуатируют, тогда как члены оседлых общин почти ничего не знают об обществе и культуре канджаров – их опыт ограничен ролью пассивной публики на хорошо продуманном представлении”⁴³. Певцам известны вкусы людей, предсказателям – их надежды (а значит, судьбы), торговцам – их нужды, врачам – их тела, а ворами – их привычки, тайники и жилища. “Отправляясь просить подаяния, ирландская «странница» облачается в шаль или в *rug* (клетчатый плед), которые общеизвестны как символы прошлой бедности Ирландии: берет с собой младенца или маленького ребенка, даже если его приходится одалживать у другой семьи; и просит совсем немного – «глоток» молока, например, или «кусочек» хлеба, – играя на сочувствии своих клиентов и придавая любому отказу обличье скарденности”⁴⁴.

Как специалисты по изучению людей, меркурианцы используют слова, деньги, понятия, эмоции и другие неосознаваемые объекты в качестве инструментов своего ремесла (в чем бы это ремесло ни состояло). Они знают цену гораздо большей части вселенной, чем землепашцы и скотоводы, и видят ценность гораздо большего числа занятий. Их мир обширнее и разнообразнее, потому что они говорят на разных языках, пересекают границы понятий и государств и носят “неописуемые, невысказанные, изумительные” сандалии, которые позволяют им быть в нескольких местах одновременно. Цыгане и евреи всегда в пути (так или иначе). Во “времена гетто”, пишет Джейкоб Катц, “ни одну общину, даже самую крупную, нельзя было назвать замкнутой и самодостаточной. Деловые операции соединяли представителей различных общин посредством переписки и личных контактов. Характерной особенностью экономической деятельности евреев было то, что они могли рассчитывать на деловые связи с еврейскими общинами самых отдаленных стран и городов... Евреи, сидевшие в лавках и поджидавшие покупателей, составляли скорее меньшинство, чем преобладающий тип”⁴⁵. Банкиры, торговцы, студенты ешибота и знаменитые раввины выезжали далеко за пределы крестьянского воображения.

Они путешествовали не только по суше и по воде. Некоторые из кочевых посредников были грамотными, то есть вдвойне кочевниками. Естественным продолжением искусства Меркурия по части красноречия и остроты стало его покровительство писателям (*Mercuriales viri*, или “люди Меркурия”, как называет их Гораций), а грамотные меркурианцы превратились в главных специалистов по манипулированию текстами. В традиционных обществах письменность была прерогативой жрецов и чиновников; среди грамотных меркурианцев каждый

⁴² Detienne and Vernant, *Cunning Intelligence*, 47–48.

⁴³ Berland, *Kanjar Social Organization*, 249.

⁴⁴ Gmelch, *Groups That Don't Want In*, 314.

⁴⁵ Jacob Katz. *Out of the Ghetto: The Social Background of Jewish Emancipation, 1770–1870*. Cambridge: Harvard University Press, 1973, 22.

мужчина – жрец. Евреи, парсы, армяне, восточноевропейские немцы и заокеанские китайцы и индийцы были не просто грамотнее своих клиентов: они остро сознавали свое преимущество в грамотности – и следовательно, в знаниях и интеллекте. Тем, чем являются ромы, навары и инаданы для устной культуры, грамотные меркурианцы являются для культуры письменной. Бизнесмены, дипломаты, врачи и психотерапевты суть грамотные купцы, гонцы, целители и гадалки. Некоторые из них состоят в кровном родстве.

Не приходится удивляться, что все они невысокого мнения об Иване. У тех, кто ценит живость, подвижность, богатство и любознательность, мало оснований уважать князей и крестьян. Те же, кто убежден, что физический труд почетен, насилие естественно, а чужаков следует либо кормить, либо калечить (или что чужаков вообще не должно быть), не очень любят кочевых посредников. И оттого на протяжении большей части истории человечества они жили бок о бок во взаимном презрении и подозрении – не потому что были невежественны и суеверны, а потому что имели возможность хорошо друг с другом познакомиться.

* * *

На протяжении большей части истории человечества в преимуществе одной из сторон не было сомнений. Меркурианцы знали об аполлонийцах больше, чем аполлонийцы о меркурианцах (и о самих себе), но знание это было оружием слабых. Гермесу приходилось хитрить, потому что Зевс и Аполлон были такие большие и сильные. Но одним лукавством не проживешь, и чаще всего он использовал свою лиру и свои сандалии, чтобы оповещать, потешать и прислуживать.

Со временем положение стало меняться. Зевса обезглавили, причем не один раз, или выставили дураком; Аполлон потерял лоск и самообладание; а Гермес пробрался на самый верх – не в том смысле, что инаданы победили туарегов, а в том смысле, что туареги начали подражать инаданам. Современность есть превращение всех до одного в кочевых посредников: подвижных, хитроумных, разговорчивых, профессионально гибких и социально отчужденных. Задача тем более трудная, что и туареги, и инаданы должны были стать похожими на армян и евреев, успеху которых на меркурианском поприще сильно способствовала привычка писать тексты (своим особым способом).

Некоторые “устные меркурианцы” (в том числе нигерийские ибо) успешно перешли на новые методы; другие (в первую очередь цыгане) продолжают обслуживать мир уличной культуры и неформального (и часто нелегального) предпринимательства. Некоторые группы аполлонийцев обнаружили способность к меркурианству; другие уклонялись, сопротивлялись или терпели неудачи. Но никто не остался в стороне, и никто так не преуспел в письменном (“современном”) меркурианстве, как письменные меркурианцы с многовековым опытом⁴⁶. Непропорционально высокому представительству армян и евреев в бизнесе и свободных профессиях Европы и Ближнего Востока соответствует роль китайцев в Юго-Восточной Азии, парсов в Индии, индийцев в Африке и ливанцев в Латинской Америке и на Карибских островах. Парсы, обратившись с появлением португальцев в коммерческих посредников, стали видными финансистами, промышленниками и городскими профессионалами британской Индии – включая самого известного и состоятельного из них, Джамсетжи Нуссерванджи Тата. Парсами были самый заметный индийский политик XIX столетия (“великий старик Индии”) Дадабхай Наороджи; идеолог радикального национализма Бхихайджи Рустом Кама; все три индийских члена британского парламента; первый индийский баронет; первый премьер-министр бомбейского округа; “Некоронованный король Бомбея”; “Картофельный король Бомбея”; основатель производства кофе в Восточной Индии; первый индиец, совершивший перелет из Европы

⁴⁶ Сравни: Gellner, *Nations and Nationalism*, 103–109; Kotkin, *Tribes*, *passim*.

в Индию; самые влиятельные масоны Индии; большинство индийцев – исполнителей западной музыки (включая со временем Зубина Мету и Фредди Меркьюри); и все до единого члены первой сборной Индии по крикету. В 1931 году 79 % всех парсов (и 73 % парсских женщин) были грамотными – в сравнении с 51 % индийских христиан и 19 % индусов и мусульман⁴⁷. Аналогичные списки можно составить для всех письменных меркурианцев (хотя некоторые из них предпочитают воздерживаться от участия в публичной политике).

Крошечное меньшинство, где бы они ни жили, арабоязычные иммигранты из Леванта (сирийцы, палестинцы и ливанцы, известные в Латинской Америке как “турки”) монополизировали розничную торговлю бассейна Амазонки во время каучукового бума начала XX столетия и со временем стали главной силой в экономической жизни Ямайки, Доминиканской Республики и Гондураса. Между 1919 и 1936 годами арабские предприниматели контролировали 67 % гондурасского импорта-экспорта, а к концу 1960-х годов на них работало соответственно 36 и 45 % промышленной рабочей силы Тегусигальпы и Сан-Педро-Сула. За последние два десятилетия по меньшей мере семеро глав государств Нового Света были ливанского происхождения: Хулио Сесар Турбай Аяла в Колумбии, Абдала Букарам и Хамил Магуад в Эквадоре, Карлос Роберто Факуссе в Гондурасе, Карлос Менем в Аргентине, Саид Муса в Белизе и Эдвард Сеага на Ямайке. В Соединенных Штатах потомки ливанских христиан в изобилии представлены в политической, экономической и культурной элите; один из них, Ральф Нейдер, претендовал в 2000 году на пост президента. В Сьерра-Леоне ливанцы (составляющие меньше 1 % населения) полностью контролируют самые производительные секторы экономики, включая торговлю золотом и алмазами, финансы, розничную торговлю, транспорт и операции с недвижимостью. При президенте Сиаке Стивенсе пятеро ливанских олигархов были де-факто правительством страны⁴⁸.

Индийская диаспора пережила Британскую империю (столь много сделавшую для ее распространения) и двинулась дальше, специализируясь в таких традиционно меркурианских (“еврейских”) видах деятельности, как торговля, финансы, медицина, недвижимость, ювелирное дело и индустрия развлечений. Несмотря на повсеместную дискриминацию, гоанцы, джайны, исмаили и гуджаратцы среди прочих сохранили господствующие позиции в экономической и профессиональной жизни Восточной Африки (включая 70–80 % всех производящих фирм постколониальной Кении). Джайны, самая “пуританская” и, вероятно, самая богатая община индийской диаспоры, по объему международной торговли алмазами уступают только евреям; обосновавшись в конце 1980-х в таких центрах алмазного бизнеса, как Нью-Йорк, Антверпен и Тель-Авив, они отвечают за треть всех мировых закупок негранных алмазов. В Соединенных Штатах индийцы (по преимуществу гуджаратцы) владеют примерно 40 % всех небольших мотелей и обширной сетью недорогих гостиниц в крупных городских центрах. В 1989-м совокупный глобальный капитал, вложенный заокеанскими индийцами в недвижимость, оценивался примерно в 100 миллиардов долларов. В то же самое время (в 1980-х) число студентов-индийцев в Соединенных Штатах выросло в четыре раза, превысив 26 000. К 1990 году в калифорнийской Кремниевой долине подвизалось 5000 индийских инженеров и несколько сотен миллионеров. Всего в Соединенных Штатах работало около

⁴⁷ Luhrmann, *The Good Parsi*, 91–95, 119; Jamsheed K. Choksy, *Evil, Good, and Gender: Facets of the Feminine in Zoroastrian Religious History*. New York: Peter Lang, 2002, 109.

⁴⁸ Dario A. Euraque. *The Arab-Jewish Economic Presence in San Pedro Sula, the Industrial Capital of Honduras: Formative Years, 1880s–1930s*, in Ignacio Klich and Jeffrey Lesser, eds. *Arab and Jewish Immigrants in Latin America: Images and Realities*. London: Frank Cass, 1998, 95, 109; Clark S. Knowlton. *The Social and Spatial Mobility of the Syrian and Lebanese Community in Sao Paulo, Brazil*, in Hourani and Shehadi, *The Lebanese in the World*, 292–293, 302–303; David Nicholls. *Lebanese of the Antilles: Haiti, Dominican Republic, Jamaica, and Trinidad*, in Hourani and Shehadi, *The Lebanese in the World*, 339–360; Crowley, *The Levantine Arabs*, 139; Nancie L. Gonzalez. *Dollar, Dove, and Eagle: One Hundred Years of Palestinian Migration to Honduras*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992, 93–100; Amy Chua. *World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability*. New York: Doubleday, 2003, 116, 149–150.

20 000 индийских инженеров и 28 000 врачей, включая 10 % всех анестезиологов. Однако крупнейшим бриллиантом в короне индийской диаспоры является старая имперская “метрополия”. В Лондоне находятся штаб-квартиры большого числа индийских коммерческих кланов, а в Великобритании в целом количество предпринимателей с Индийского субконтинента на 60 % превышает аналогичный показатель среди “белых” британцев. Их доля среди управленческого и профессионального персонала также непропорционально велика. В 1970-х годах показатель восхождения по лестнице социальной иерархии среди выходцев с субконтинента был в три раза выше, чем среди остального населения Британии⁴⁹.

Самую большую и разветвленную меркурианскую общину современного мира образуют заокеанские китайцы. Большинство из них живет в Юго-Восточной Азии, где они, столкнувшись с относительно незначительной рыночной конкуренцией, перешли с торговли вразнос, ростовщичества и мелкого ремесленничества на банковское дело, производство одежды, обработку сельскохозяйственной продукции и, наконец, к полному экономическому господству (отчасти скрытому с помощью подставных лиц). В конце XX века этнические китайцы (менее 2 % населения) контролировали около 60 % частной экономики Филиппин, включая, согласно Эми Чуа, “четыре главные авиалинии страны и практически все банки, отели, торговые центры и крупные конгломераты”. Они доминировали в грузоперевозках, строительстве, текстильной промышленности, операциях с недвижимостью, фармацевтической, производственной и компьютерной индустриях, а также в сетях оптовой торговли страны... и владели шестью из десяти англоязычных газет Манилы, включая самую крупнотиражную”. То же самое происходило в Индонезии (около 70 % частной экономики, 80 % компаний фондовой биржи Джакарты и все без исключения миллиардеры и крупнейшие корпорации страны), Малайзии (около 70 % рыночной капитализации) и Таиланде (67 из 70 наиболее мощных бизнес-групп, причем исключения составляют Военный банк, Бюро собственности короны и Таиландско-Индийская корпорация). В посткоммунистической Бирме и почти посткоммунистическом Вьетнаме этнические китайцы быстро вернули себе господствующее положение в экономике: в Рангуне и Мандалае они владеют большей частью отелей, магазинов и недвижимости, а в Хошимине контролируют примерно 50 % рыночной активности и доминируют в легкой промышленности, импорте-экспорте, торговых центрах и частном банковском деле. Постколониальная Юго-Восточная Азия стала частью международной экономической системы заокеанских китайцев со штаб-квартирами в Гонконге, на Тайване и в Калифорнии⁵⁰.

Почему некоторые недавние аполлонийцы готовы – и способны – переквалифицироваться в меркурианцев? Почему китайские и японские крестьяне, высаживаясь на новых берегах, превращаются в предпринимателей? Почему большинство индийцев разных каст в Африке стали *baniyas*? И почему бывшие ливанские крестьяне проигнорировали бесчисленные призывы бразильского правительства (которому требовались независимые фермеры для развития юга страны, сельскохозяйственные контрактники на замену рабам и промышленные рабочие при проведении индустриализации) и предпочли кочевую, полную опасностей жизнь торговцев в джунглях?

Некоторые авторы ищут ответы на эти вопросы в “протестантской этике” зороастризма, иудейства, иудаизма, конфуцианства и религии Токугава⁵¹. Трудность этого предприятия

⁴⁹ David Himbara. *Kenyan Capitalists, the State, and Development*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 1994, 45; Kotkin, *Tribes*, 103, 205–209, 229; Sowell, *Migrations and Cultures*, 310–311, 344; Chua, *World on Fire*, 113, 157–158.

⁵⁰ Chua, *World on Fire*, 3, 36–37, 43, 34–35; Bambang Harymurti, *Challenges of Change in Indonesia* // *Journal of Democracy* 10, № 4 (1999): 9–10; Kotkin, *Tribes*, 165–200; Sowell, *Migrations and Cultures*, 175–176.

⁵¹ См., к примеру: Robert E. Kennedy, Jr. *The Protestant Ethic and the Parsis* // *American Journal of Sociology* 68, № 1 (July 1962): 11–20; Balwant Nevaskar. *Capitalists without Capitalism: The Jains of India and the Quakers of the West*. Westport, Conn: Greenwood, 1971; Peter L. Berger and Hsin-Huang Michael Hsiao, eds. *In Search of an East Asian Development Mode!* New Brunswick, N. J.: Transaction Books, 1988; S. Gordon Redding. *Weak Organizations and Strong Linkages: Managerial Ideology and Chinese Family Business Networks*, in Gary G. Hamilton, ed. *Asian Business Networks*. Berlin: Walter de Gruyter, 1996, 27–42; Robert N. Bellah.

состоит в том, что кочевых посредников намного больше, чем потенциальных протестантов. Можно, вероятно, найти специфически меркурианские черты в племенном христианстве армянских грегориан и ливанских маронитов (большинство ранних арабских иммигрантов в Америку), однако едва ли удастся доказать, что православие снабдило османских греков особыми предпринимательскими навыками или что римский католицизм отвечает за непропорционально высокое представительство американских итальянцев в таких типично меркурианских занятиях, как сфера развлечений, организованная преступность и розничная торговля в городских гетто. Да и сам Макс Вебер мог смутить своих последователей, настаивая на строгом разграничении между современным капитализмом и племенным предпринимательством и утверждая, что “кальвинистские” элементы иудаизма были относительно поздней адаптацией к условиям изгнания, а не источником коммерческого вдохновения.

Другие исследователи отмечают влияние региональных коммерческих традиций на отношение различных обществ к экономической выгоде и меркурианскому образу жизни. Согласно Томасу Соуэллу, “экономически выгодное расположение Ближнего Востока, в течение столетий бывшего перекрестком торговых путей Европы и Азии, благоприятствовало процветанию торговых портов и торговых племен, самыми заметными из которых стали евреи, армяне и ливанцы”. То же самое, утверждает Соуэлл, справедливо и в отношении заокеанских китайцев, “которые вышли в основном из Южного Китая, плохо приспособленного к развитию промышленности, но богатого портами и жившего в значительной степени за счет торговли”. Та же схема применима к меркурианцам Индии и Восточной Азии – но вряд ли ко многим другим. Корейская и японская диаспоры, например, проявляют больше интереса к посреднической деятельности и занимаются ею более успешно, чем большинство эмигрантов из таких традиционных торговых регионов, как Средиземноморье или Балтика⁵².

Наиболее популярным объяснением успешного перехода в меркурианство является “корпоративное родство”, содействующее развитию внутреннего доверия, но ограничивающее число потенциальных претендентов на долю прибыли. Непотизм может быть благотворным для капитализма – при условии, что права и обязанности племянников четко осознаются и неукоснительно соблюдаются⁵³. Практически все меркурианские фирмы, принадлежащие армянам, корейцам, ливанцам, заокеанским индийцам и американским итальянцам, являются семейными предприятиями. Даже самые крупные коммерческие и промышленные империи заокеанских китайцев, со штаб-квартирами в Лондоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, похожи на банкирский дом Ротшильда в том отношении, что местными филиалами обыкновенно заправляют сыновья, братья, племянники или зятья основателя. Согласно этой теории, главной религией меркурианских общин является неукоснительная семейственность (которая на чужбине может распространяться на более крупные кланы и в конечном итоге на весь – избранный – народ). Если сущность конфуцианства – “апофеоз семьи”, то поведение многих итальянских иммигрантов в Америке можно объяснить тем, что Фрэнсис Фукуяма называет “итальянским конфуцианством”⁵⁴.

Tokugawa Religion: The Cultural Roots of Modern Japan; Sombart, *The Jews and Modern Capitalism*. New York: Free Press, 1985. Макс Вебер пытается доказать, что только христиане-протестанты могли *создать* современный капитализм, но при этом, очевидно, исходит из того, что, будучи созданным, капитализм находит некоторые религии (включая и приведенные в нашем списке) более подходящими, чем другие. См. его *Sociology of Religion*, гл. XV–XVI, и в особенности *Ancient Judaism*.

⁵² Sowell, *Migrations and Cultures*, 19, 375. Косвенные предположения того же рода см. в Bonacich, “A Theory of Middleman Minorities”, 588; Gonzalez, *Dollar, Dove, and Eagle*, 81–92; Curtin, *Cross-Cultural Trade*, *passim*.

⁵³ См. в особенности: Wong-Siu-lun, *Chinese Entrepreneurs and Business Trust*; S. Gordon Redding, *Weak Organizations and Strong Linkages: Managerial Ideology and Chinese Family Business Networks*; and Gary G. Hamilton. *The Organizational Foundations of Western and Chinese Commerce: A Historical and Comparative Analysis*, and *The Theoretical Significance of Asian Business Networks*, in Gary G. Hamilton, ed. *Asian Business Networks*. Berlin: Walter de Gruyter, 1996, 13–26, 27–42, 43–58 and 283–298; Davis, *Social Relations in a Philippine Market*, 199–200; Granovetter, *The Economic Sociology*, 143–146; van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 140–143.

⁵⁴ Francis Fukuyama. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press, 1995, 74, 85, 97–112.

Проблема социобиологического объяснения предпринимательского nepoтизма (предложенного Пьером ван ден Бергом) состоит в том, что некоторые из наиболее успешных меркурианских предприятий – немецкие и японские, а также сицилийская мафия – не являются клановыми. Их стратегия заключается в использовании семейных моделей и метафор для создания сплоченных и долговечных псевдосемей – в японском случае от группы учеников одного мастера до деловых партнерств зайбацу (“финансовых клик”). Одно очевидно: наилучшими претендентами на новые меркурианские роли являются сообщества, максимально похожие на старые меркурианские племена. Главным качеством, обязательным для всех соискателей, является сочетание внутренней сплоченности с внешней чуждостью: чем сильнее сплоченность, тем больше чуждость, и чем больше чуждость, тем сильнее сплоченность. Наилучшая же гарантия и того и другого – бескомпромиссная и идеологизированная семейственность (клановость), которая может быть биологической или псевдобиологической и которая может подкрепляться – или подменяться – острым чувством богоизбранности и культурного превосходства. Религиозные секты, не требующие безбрачия, превращаются в эндогамные племена; эндогамные племена, верящие в особую судьбу и судьбоносную чуждость, превращаются в религиозные секты⁵⁵.

* * *

Каково бы ни было происхождение недавних его вариантов, кочевое посредничество – старое и новое, письменное и устное – всегда было опасным занятием. Будучи безоружными чужаками, меркурианцы столь же уязвимы, сколь заметны, тем более что сегрегация по месту жительства (на лесных стоянках, в торговых кварталах и в этнических гетто) является необходимым условием их существования. В безгосударственных обществах их охраняют потусторонние силы и профессиональные монополии; во всех прочих их защищает – или не защищает – взимающая налоги элита, которая наживается на их предприимчивости.

История кочевых посредников – это история периодических погромов и государственного колебания между более или менее рациональным вымогательством и разного рода конфискациями, депортациями и экзекуциями. Европейских цыган считали столь же бесполезными, сколь опасными (музыка была единственным “богемным” занятием, которое можно было законодательно регулировать с выгодой для казны) и травили постоянно, пусть не всегда рьяно. Письменных меркурианцев считали столь же незаменимыми, сколь недостойными, а потому “одомашнивали” (путем предоставления государственной защиты и экономических монополий), одновременно оставляя чужими (путем сохранения физической сегрегации, религиозного самоуправления и административной автономии).

Залогом полезности меркурианцев было экономическое преуспевание; слишком явное преуспевание приводило к новым налогам, массовому насилию и жалобам со стороны туземных конкурентов. Временами соображения долгосрочной экономической пользы уступали нужде в деньгах и козлах отпущения или полностью отвергались в пользу религиозного универсализма и бюрократической симметрии. На Филиппинах в 1596 году депортировали 12 000 китайцев, в 1603-м вырезали 23 000, в 1639-м – еще 23 000, а в 1662-м – 20 000. В 1755-м все китайцы-нехристиане были изгнаны (а многие обращены в христианство); в 1764-м 6000 человек убиты, а в 1823-м введение особых налогов привело к массовым арестам и эмиграции⁵⁶.

Распространение национализма и коммунизма проложило дорогу к окончательному решению. Если каждой нации положено иметь собственное государство, а каждому государству

⁵⁵ Fukuyama, Там же, *passim*.

⁵⁶ Eitzen, *Two Minorities*, 223; см. также: Pan, *Sons of the Yellow Emperor*, 31–34.

предназначено стать воплощением определенной нации, то все внутренние чужаки – потенциальные предатели. Некоторым позволили ассимилироваться, но законных аргументов в пользу сохранения культурной чуждости и экономической специализации становилось все меньше. Если же пролетариям всех стран надлежало соединиться, а истинными пролетариями могли стать только промышленные рабочие (и их союзники из рядов “беднейшего крестьянства”), то кочевые посредники превращались в “лакеев буржуазии” или просто буржуев. Одни стали аполлонийцами меркурианского происхождения; другие – коммунистами; третьи – меркурианскими националистами и, если очень повезло, гражданами “возрожденных” Израиля и Армении (более аполлонийских, нежели сам Аполлон).

Летом 1903 года, вскоре после антиеврейских беспорядков в Кишиневе, правительство Гаити запретило иностранцам заниматься розничной торговлей и безучастно взидало на последовавшие за этим антилевантийские погромы. В течение двух лет местные газеты (включая специально созданную *L'Antisyrien*) поносили “левантийских чудовищ” и “потомков Иуды”, временами призывая к полному их “искоренению” (*extirpation*). Только давление со стороны иностранных держав (местные представители которых тоже относились к левантинцам без симпатии) помешало последовательному претворению в жизнь указов об изгнании. Около 900 беженцев покинули страну⁵⁷. В 1919 году ливанцы Фритауна (Сьерра-Леоне) провели восемь недель под официальной охраной в ратуше и двух соседних зданиях, пока их дома грабили и жгли. Британское Министерство по делам колоний рассмотрело вопрос о поголовном выселении ливанцев “в интересах мира и спокойствия”, но решило не лишать их защиты. Двадцать лет спустя комиссар будущего премьер-министра Таиланда по делам культуры сослался на антисемитскую политику Гитлера и заявил, имея в виду местных китайцев (к которым сам принадлежал), что “пора и Сиаму заняться делами своих евреев”. Как писал король Ваджиравудх в памфлете, озаглавленном “Евреи Востока”, “в том, что касается денег, китайцы начисто лишены морали и милосердия. Обманув вас, они не испытают ничего, кроме удовлетворения от собственной проницательности”⁵⁸.

Всеобщее осуждение попыток “искоренения” армян и ассирийцев в Турции и евреев и цыган в Европе не охладило антимеркурианского рвения. В новых африканских государствах “африканизация” предполагала среди прочего дискриминацию индийских и ливанских предпринимателей и государственных служащих. В Кении их преследовали как “азиатов”, в Танзании – как “капиталистов” и в обеих странах – как “кровососов” и “пиявок”. В 1972 году президент Уганды Иди Амин изгнал из страны 70 000 ограбленных индийцев, сказав на прощанье, что у них нет “никаких интересов, кроме личной выгоды любой ценой”. В 1982 году попытка переворота в Найроби повлекла за собой массовый индийский погром, во время которого было разграблено 500 магазинов и изнасиловано по меньшей мере двадцать женщин⁵⁹.

В постколониальной Юго-Восточной Азии мишенью национального строительства стали китайцы. В Таиланде им было запрещено заниматься 27 видами деятельности (1942), в Камбодже – восемнадцатью (1957), а на Филиппинах специальные законы об “иноземцах” лишили их возможности иметь во владении и передавать по наследству определенные виды собственности и заниматься большинством профессий (одновременно значительно затруднив процесс выхода из разряда “иноземцев”). В 1959–1960 годах запрет президента Сукарно на ведение

⁵⁷ Nicholls, *Lebanese of the Antilles*, 348–349; Brenda Gayle Plummer, *Race, Nationality, and Trade in the Caribbean: The Syrians in Haiti, 1903–1934* // *International History Review* 3, № 4 (October 1981): 517–539; Brenda Gayle Plummer, *Between Privilege and Opprobrium: The Arabs and Jews in Haiti*, in Klich and Lesser, *Arab and Jewish Immigrants*, 88–89.

⁵⁸ Van der Laan, *The Lebanese Traders*, 4–5; Winder, *The Lebanese in West Africa*, 300; Anthony Reid, *Entrepreneurial Minorities, Nationalism, and the State*, in Chirot and Reid, *Essential Outsiders*, 56, 69 n. 61. См. также: Kasian Tejapira, *Imagined Uncommunity: The Lookjin Middle Class and Thai Official Nationalism*, in Chirot and Reid, *Essential Outsiders*, 75–98.

⁵⁹ Van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 155; Bharati, *The Asians in East Africa*, 97–98; Seidenberg, *Mercantile Adventurers*, 203–204; Chua, *World on Fire*, 114. Амин цитируется по *Los Angeles Times*, August 14, 1972, процитированной в: Bonacich, *A Theory of Middleman Minorities*, 591.

иноземцами розничной торговли в сельских районах Индонезии привел к поспешному отъезду из страны почти 130 000 китайцев, а в 1965–1967 годах антикоммунистическая кампания генерала Сухарто сопровождалась массовыми погромами, депортациями, грабежом и дискриминацией китайского населения. Подобно многим другим меркурианцам, китайцы Юго-Восточной Азии были непропорционально многочисленны среди как коммунистов, так и капиталистов и нередко рассматривались коренными жителями как воплощение всех форм космополитической современности. В 1969 году в результате антикитайских волнений в Куала-Лумпуре погибло около тысячи человек; в 1975-м взятие Пол Потом Пномпеня привело к смерти примерно 200 000 китайцев (половины всего китайского населения – вдвое больше в процентном отношении, чем городских кхмеров); а в 1978–1979 годах сотни тысяч вьетнамских китайцев бежали из Вьетнама в ходе “лодочной” эмиграции. Конец века ознаменовал конец президента Сухарто, который закрыл китайские школы и запретил использование китайских иероглифов (за исключением одной контролируемой правительством газеты), не переставая полагаться на финансовую поддержку китайского бизнеса. Демонстрации, свергнувшие его режим, завершились массовыми антикитайскими беспорядками. По свидетельству одного очевидца, “сотни людей одновременно бросились к лавкам. Они выбили окна и двери, начался грабеж. Толпа вдруг словно обезумела. Захватив вещи, она принялась поджигать дома вместе с их жителями и насиловать женщин”. За два дня сгорело около 5000 домов, более 150 женщин подверглись групповому изнасилованию и более 2000 человек было убито⁶⁰.

Слова “антисинизм” нет ни в одном языке, кроме китайского (и даже в Китае этот термин, “пайхуа”, используется ограниченно и не является общепринятым). Наиболее распространенным способом описания роли – и участия – индонезийских китайцев является формула “евреи Азии”. А наиболее подходящим английским (французским, голландским, немецким, испанским, итальянским) названием для того, что произошло в Джакарте в мае 1988 года, является русское слово “погром”. В общественном и экономическом положении евреев средневековой и новой Европы не было ничего необычного, но есть нечто замечательное в том, как евреи стали символом кочевого посредничества, где бы оно ни практиковалось. Все меркурианцы были носителями городских навыков среди сельских трудов, и все письменные меркурианцы стали главными выдвиженцами и жертвами повсеместной победы города, однако только евреи – письменные меркурианцы Европы – превратились в универсальных представителей меркурианства и современности. Век Универсального Меркурианства стал Еврейским веком, потому что он начался в Европе.

⁶⁰ Pan, *Sons of the Yellow Emperor*, 213–214, 215–219; Chua, *World on Fire*, 36, 44–45; Mary F. Somers Heidhues. *Southeast Asia's Chinese Minorities*. Hawthorn, Victoria, Australia: Longman, 1974, 80–86; Garth Alexander. *Silent Invasion: The Chinese in Southeast Asia*. London: Macdonald, 1973, 130–143; Ben Kiernan, *Kampuchea's Ethnic Chinese under Pol Pot* // *Journal of Contemporary Asia* 16, № 1 (1986): 18–29; Wu and Wu, *Economic Development*, 39–40; Eitzen, *Two Minorities*, 224–225; Reid, *Entrepreneurial Minorities*, 61; Harymurti, “]Challenges of Change, 9–10. Последняя цитата взята из: Abidin Kusno. *Remembering/Forgetting the May Riots: Architecture, Violence, and the Making of Chinese Cultures in Post – 1998 Jakarta* // *Public Culture* 15, № 1 (2003): 149.

Глава 2

Нос Свана

Евреи и другие европейцы

Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились. “Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе”.

Н. В. Гоголь. Нос

Евреи эпохи диаспоры были инаданами Европы, армянами Севера, парсами христианского мира. Они были образцовыми, непревзойденными меркурианцами, поскольку занимались кочевым посредничеством в течение долгого времени и на обширных территориях; создали развернутое идеологическое оправдание меркурианского образа жизни и его окончательного преодоления; и владели полным набором традиционно посреднических профессий, от торговли вразнос и кузнечной работы до врачевания и финансов. Они были внутренними чужаками на все случаи жизни, последовательными антиподами всего аполлонийского и дионисийского, опытными поставщиками “хитроумия” в великом разнообразии форм и во всех слоях общества.

Но они не просто блестяще делали свое дело. Они стали исключением среди меркурианцев, поскольку в христианской Европе их чуждость была системной. Бог, праотцы и священные книги местных аполлонийцев по большей части еврейские, а величайшее еврейское преступление – и главное объяснение их меркурианской неприютности – состоит в том, что верные иудаизму евреи отвергли еврейского отступника от еврейской веры. Такой симбиоз не уникален (в некоторых частях Азии вся письменность и ученость имеют, как и кочевое посредничество, китайское происхождение), но вряд ли какое-либо племя изгнанников чувствовало себя в большей мере дома, чем евреи в Европе. Христианский мир начался с евреев и не мог без них закончиться.

Но главная причина превращения евреев в наистраннейших иностранцев заключается в том, что они занимались своим ремеслом на континенте, который стал всемирным центром меркурианства и преобразил большую часть человечества по своему образу и подобию. В век кочевого посредничества евреи стали избранным народом потому, что стали образцом “современности”.

А это означает, что все больше и больше аполлонийцев, сначала в Европе, а потом повсеместно, должны были стать похожими на евреев: подвижными, грамотными и быстрыми умом горожанами, гибкими в выборе занятий и внимательными к чужакам-клиентам (и потому борцами с нечистоплотностью, мужественностью и всеядностью). Новый рынок отличался от старого тем, что был анонимным и безродным: обмен происходил между чужаками, и все пытались, с разным успехом, играть в евреев. Наиболее успешными в этом отношении были протестанты Макса Вебера, открывшие чопорно безрадостный и морально безукоризненный способ быть евреями. Вдруг выяснилось, что можно сохранить добродетель, занимаясь “ростовщичеством” и покупая престиж за деньги, – в противоположность превращению богатства в социальный статус посредством щедрости, хищничества или обжорства. В то же время закат профессионального духовенства и божественных чудес заставил соискателей спасения обращаться к Богу непосредственно, читая книги, и добиваться праведности формально, выполняя правила. Церкви стали походять на синагоги (“школы”); специалисты по добродетели стали походять на учителей (раввинов); и каждый верующий превратился в монаха или священника (т. е. стал походять на еврея). Молитва Моисея – “О, если бы все в народе Господнем были пророками” (Числа 11:29) – была услышана.

Новый – современный – мир основывался на бесконечной погоне за богатством и ученостью, причем обе карьеры были открыты для талантов, как в гетто или местечке, а наиболее талантливые избирали традиционно меркурианские профессии: предпринимательство, медицину, юриспруденцию, науку и журналистику. Постепенное испарение “души” привело к культу чистоты тела, в результате чего диета снова стала ключом к спасению, а врачи начали соперничать со священнослужителями в качестве специалистов по бессмертию. Замена священных клятв и заветов письменными контрактами и конституциями превратила юристов в незаменимых хранителей и толкователей нового экономического, общественного и политического уклада. Увядание отцовской мудрости и аполлонийского достоинства (величайшего врага любознательности) возвысило былых вестников и глашатаев до положения всесильных оракулов истины и памяти (“четвертое” и “пятое” сословия). А натурализация вселенной сделала из каждого ученого потенциального Прометея.

Даже отказ от погони за богатством или ученостью вдохновлялся меркурианством. Удачно названная “богема” обжила периферию нового рынка, освоив новые формы попрошайничества и прорицательства, а также новые и более или менее неблагонадежные песни и пляски. Всецело зависимые от общества, полноправными членами которого они не являлись, богемные нонконформисты зарабатывали на жизнь, эпатируя своих покровителей на манер традиционных поставщиков опасных, нечистых и сверхъестественных услуг. Условиями членства являлись кочевое посредничество, нарочитое пренебрежение социальными условностями, чувство морального превосходства над принимающим обществом и отказ от унаследованных родственных обязательств. Для того чтобы высмеивать, подрывать и оправдывать общество евреев и протестантов, нужно было стать цыганом.

“Евреи и протестанты” – метафора тем более уместная, что в современной экономике существует два пути к успеху. Зомбарт связал капитализм с еврейством при помощи гипербол (и в конечном счете ценой компрометации главного аргумента); Вебер установил исключительную связь между протестантской этикой и духом капитализма, подчеркивая историческую обусловленность (и игнорируя, таким образом, современную еврейскую экономику); а ученые, озадаченные азиатскими “экономическими чудесами”, вынуждены были либо переосмыслить протестантскую этику, либо определить специфически азиатский, “семейственный” путь к капитализму⁶¹. На самом деле Европа с самого начала шла по обоим путям – семейственному и индивидуалистическому. В то время как евреи опирались на опыт сплоченного племени профессиональных чужаков, разного рода протестанты и их подражатели строили город на холме, привнося экономический расчет в жизнь нравственного сообщества и обращая бесчисленных чужаков в моральных субъектов (т. е. заслуживающих доверия клиентов) – или, как выразился Бенджамин Нельсон, превращая свояков в чужаков, а чужаков в свояков (и тем самым всех – в хорошо воспитанных незнакомцев)⁶².

Со времен Вебера принято считать, что “современный капитализм вырос на руинах племенной общности иудейского братства”⁶³. На самом деле они сосуществуют, не всегда мирно, как два фундаментальных принципа современной экономики: один строится на клановом принципе, другой культивирует рациональную личность, преследующую собственные экономические интересы в рамках формальной законности. Оба образа жизни можно освоить при помощи регулярных тренировок, идеологической поддержки и усердного самоотречения (смешанных в разных пропорциях). Первый требует сочетания клановости и меркантилизма, редко встречаемого за пределами традиционных меркурианских сообществ; второй – аскетизма и законопослушания, обычно недостижимых (и часто непостижимых) в обществах,

⁶¹ См. главу 1, ссылки 50 и 52, в особенности Hamilton, *The Organizational Foundations*.

⁶² Nelson, *The Idea of Usury*.

⁶³ Там же, xvi – xvii.

не затронутых протестантизмом или реформированным католицизмом. Первый “обращает непотизм на службу капитализму”, второй провозглашает – вопреки всякой очевидности, – что непотизм и капитализм несовместимы. Первый балансирует на грани закона и предпочитает держаться в тени; второй клеймит “коррупцию” и считает себя единственным представителем современности⁶⁴.

Евреи не обладали монополией на семейственность, однако нет сомнения, что залогом их экономического успеха было сочетание внутренней солидарности с внешней чуждостью – и что местные предприниматели были способны конкурировать с ними, лишь запретив семейную солидарность и узаконив чуждость. Хозяева могли подражать пришельцам, только отправив всех без исключения в изгнание. Шотландский протестант – не просто еврей, питающийся свининой, как говорил Гейне; он – еврей-одиночка, еврей без народа Израилева, единственное избранное существо⁶⁵.

Но и это еще не все. Племенной путь был не просто частью европейской современности наряду с протестантским; протестантский путь был сам в решающем смысле племенным. Новый рынок, новые права и новые личности были учреждены, очерчены, освящены и защищены новым национализированным государством. Национализм был предпосылкой и защитной реакцией современности; современность стала среди прочего новой версией семейственности. Протестантам и либералам не удалось создать мир, в котором “все люди – «братья» в том смысле, что каждый равен «другому»”⁶⁶. Вместо этого они построили новое общество на двух равновеликих столбах – малой семье, притворяющейся автономной личностью, и нации, притворяющейся малой семьей. Адам Смит и большинство его читателей не сомневались в том, что богатство принадлежит, в определенном смысле, “народам” (*the wealth of nations*), а потому не обращали особого внимания на то обстоятельство, что существуют другие народы.

Иначе говоря, европейцы подражали евреям не только в том, что становились современными, но и в том, что становились древними. Современность неотделима от “племенной общности иудейского братства” – и в том, что касается святости малой семьи, и в том, что касается избранности племени. В эпоху всеобщего меркурианства христиане осознали свою ошибку и начали с большей осторожностью относиться как к братству всех людей, так и к их разделению на священников и мирян. То, что началось как национализация божественного, закончилось как обожествление национального. Сначала выяснилось, что Библия может быть написана на национальном языке и что Адам и Ева разговаривали в раю по-французски, по-фламандски или по-шведски. А потом стало ясно, что у каждой нации есть свой собственный золотой век, свои собственные священные книги и свои собственные высокородные предки⁶⁷.

Ранние христиане, восстав против иудаизма, перенесли Иерусалим на небеса; современные христиане вернули его на землю и, по мере надобности, размножили. Как писал Уильям Блейк,

Дерзай, мой дух, неодолим,
Не спи, мой меч, доколе я
Не возведу Иерусалим

⁶⁴ Цитата взята из van den Berghe, *The Ethnic Phenomenon*, 140. См. также: Bonacich, *A Theory of Middleman Minorities*, 589.

⁶⁵ Heinrich Heine. *The Prose Writings of Heinrich Heine*, ed. Havelock Ellis. New York: Arno Press, 1973, 313.

⁶⁶ Nelson, *The Idea of Usury*, xvi.

⁶⁷ Hans Aarslef. *From Locke to Saussure: Essays on the Study of Language and Intellectual History*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982, 281–282; Maurice Olender. *The Languages of Paradise: Race, Religion, and Philology in the Nineteenth Century*. Cambridge: Harvard University Press, 1992, p. 1–5; R. H. Robins. *The History of Language Classification*, in Thomas A. Sebeok, ed. *Current Trends in Linguistics*, vol. 2. The Hague: Mouton, 1973, 7–11; Slezkine, *Naturalists versus Nations*, 84 and passim.

В зеленых Англии полях⁶⁸.

Национализм означал, что каждой нации надлежало стать еврейской. Все нации без исключения “изъявлены были за грехи наши” и “мучимы за беззакония наши” (Исайя 53:5). Каждый народ избран, каждая земля обетованна, и каждая столица – Иерусалим. Христиане могли отказаться от попыток возлюбить ближних своих, как самих себя, потому что они поняли, кто такие они сами (французы, фламандцы, шведы). Они уподобились евреям в том смысле, что сакрализировали любовь к самим себе и потеряли интерес к чудесам. Единственным чудом был подвиг избранного народа, к которому каждый член нации причащался через ритуалы и – все чаще – через чтение.

В большинстве стран Европы сакрализация и стандартизация национальных языков привели к канонизации авторов, которым приписывается их создание. Данте в Италии, Сервантес в Испании, Камюэнс в Португалии, Шекспир в Англии, а позже Гете (с Шиллером) в Германии, Пушкин в России, Мицкевич в Польше и многие другие стали объектами замечательно успешных культов (народных и официальных), поскольку они превратились в символы золотого века своих наций – или, вернее, в современную, невыразимо прекрасную и антропоморфную версию изначального единства этих наций. Они сформировали и освятили свои народы, воплотив их дух (в словах и в собственных судьбах), преобразовав миф в высокую культуру и обратив местное в универсальное, а универсальное в местное. Все они “изобрели человека” и “сказали всё”; все они – подлинные пророки современности, превратившие родную речь в язык рая⁶⁹.

Культивирование семейственности наряду с чуждостью (современность как всеобщее меркурианство) подразумевает неусыпную озабоченность чистотой тела. Цивилизация как борьба с запахами, секретами и “микробами” обязана меркурианской отчужденности не меньше, чем развитию науки, – факт, не прошедший мимо внимания цыган, которые приветствовали расфасованные продукты и одноразовую посуду как подспорье в борьбе с *marime*, и некоторых еврейских врачей, утверждавших, что табуирование “трефной” пищи, обрезание и другие традиционные обряды являются требованиями гигиены⁷⁰.

Меркурианская семейственность требует чистоты в не меньшей степени, чем меркурианская отчужденность. Современные государства стремятся к симметрии, прозрачности, безупречности и ограниченности с такой же ревностью, с какой традиционные евреи и цыгане соблюдали ритуальную чистоту и общинную автономию. Патриотизм и гражданственность родственны многовековым усилиям евреев сохранить самобытность в нечистом мире. С той важной разницей, что современные государства нечасто оказываются в положении презируемых и преследуемых меньшинств (хотя многие считают себя таковыми). В руках хорошо вооруженных, насквозь бюрократизированных и не полностью иудаизированных аполлонийцев меркурианская исключительность стала шумно агрессивной. В руках аполлонийцев с мессианскими наклонностями она смертоносна – особенно для меркурианцев. “Окончательное решение еврейского вопроса” имеет такое же отношение к традиции, как и к современности⁷¹.

* * *

Одновременно с мучительным превращением европейцев в евреев происходил исход евреев из юридической, ритуальной и социальной изоляции. В обществе, основанном на нечистых прежде занятиях, гетто для специалистов по этим занятиям теряли смысл – как для самих

⁶⁸ William Blake. *William Blake's Writings*, ed. G. E. Bentley, Jr. Oxford: Clarendon Press, 1978, 1: 318.

⁶⁹ See Harold Bloom. *Shakespeare: The Invention of the Human*. New York: Riverhead, 1998.

⁷⁰ Sutherland, *The Body*; John M. Efron. *Medicine and the German Jews: A History*. New Haven: Yale University Press, 2001.

⁷¹ Cf. Zygmunt Bauman. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press, 1989.

специалистов, так и для их клиентов. Тем временем новое государство делалось все более безразличным к религии, а значит, более “терпимым” к религиозным различиям – и потому более универсальным и одновременно более навязчивым. По мере того как еврейские общины утрачивали свою независимость, сплоченность и самодостаточность, индивидуальные евреи обретали юридическую защищенность и нравственную легитимность, не утрачивая своей меркурианской ориентации. Некоторые стали аполлонийцами или даже христианами, однако большинство вошло в новый мир, созданный по их образу и подобию, – мир, в котором всем полагалось носить Гермесовы сандалии.

Для большинства аполлонийцев, не отшлифованных “протестантской этикой”, надеть эти сандалии было не легче, чем сестрам Золушки натянуть на ногу хрустальную туфельку. Еврейский путь был гораздо более коротким. Евреи уже были горожанами (включая представителей городской жизни в “местечках” Восточной Европы) и не имели традиции сословного расслоения (“Все гетто было, так сказать, «третьим сословием»”). Социальный статус основывался на личных достижениях, личные достижения определялись ученостью и богатством, ученость приобреталась чтением и толкованием текстов, а богатство – общением с чужими людьми, а не с землей, животными или богами. В обществе беженцев вечные изгнанники чувствовали себя как дома (так, во всяком случае, какое-то время казалось)⁷².

В течение XIX столетия большинство евреев Центральной и Западной Европы переехало в большие города, чтобы принять участие в расковывании Прометея (как Дэвид Ландес назвал становление капитализма). Делали они это по-своему – отчасти потому, что другие пути оставались закрытыми, но в первую очередь потому, что их собственный путь не потерял своей эффективности (Прометей начинал как плут и комбинатор). Вышедшие из гетто евреи отличались высокой долей самостоятельной занятости и очевидной предрасположенностью к формированию экономически независимых семейных фирм. Большинство еврейских наемных рабочих работали в маленьких, принадлежавших евреям мастерских, а большинство еврейских банкирских домов, включая Ротшильдов, Блейхродеров, Тодеско, Штернов, Оппенгеймов и Зелигманов, представляли собой семейные фирмы (братья и кузены, часто женатые на кузинах, возглавляли филиалы в разных частях Европы, а свойственники и женщины, вышедшие замуж за пределами клана, исключались из прямого участия в деле). В начале XIX века 30 из 52 частных банков Берлина принадлежали еврейским семьям; сто лет спустя большинство из них стали акционерными компаниями с еврейскими управляющими, многие из которых состояли в прямом родстве с отцами-основателями и друг с другом. Крупнейшие из акционерных коммерческих банков, в том числе *Deutsche Bank* и *Dresdner Bank* в Германии, *Creditanstalt* Ротшильдов в Австрии и *Credit Mobilier* Перейров во Франции, были основаны при участии еврейских финансистов. (Из оставшихся частными – т. е. не акционерными – банков Веймарской Германии почти половина принадлежала еврейским семьям⁷³.)

⁷² Цитата о “третьем сословии” взята из: Sigmund Mayer. *Ein jüdischer Kaufmann 1831–1911: Lebenserinnerungen*. Leipzig, 1911, которая цитируется в: Steven Beller. *Vienna and the Jews 1867–1938: A Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989, 110. См. также с. 84–121.

⁷³ David S. Landes. *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969; Ландес говорит в первую очередь о становлении современной технологии, но его метафора приложима к современной эпохе в целом; Calvin Goldscheider and Alan S. Zuckerman. *The Transformation of the Jews*. Chicago: University of Chicago Press, 1984, 89; Arthur Ruppin. *The Jews in the Modern World*. London: Macmillan, 1934, 144–147; Ezra Mendelsohn. *The Jews of East Central Europe between the World Wars*. Bloomington: Indiana University Press, 1987, 28; Joseph Jacobs. *Jewish Contributions to Civilization: An Estimate*. Philadelphia: Jewish Publication Society in America, 1919, 239; Saul Friedlander. *Nazi Germany and the Jews: The Years of Persecution, 1933–1939*. New York: Harper Collins, 1997, 77; Donald L. Niewyk. *The Jews in Weimar Germany*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980, 15; William O. Mc-Cagg. *Jewish Wealth in Vienna, 1670–1918*, in Michael K. Silber, ed. *Jews in the Hungarian Economy 1760–1945: Studies Dedicated to Moshe Carmilly-Weinberger on His Eightieth Birthday*. Jerusalem: Magnes Press, 1992, 75, 79–89; Siegmund Kaznelson, ed. *Juden im deutschen Kulturbereich*. Berlin: Jüdischer Verlag, 1959, 720–759; Niall Ferguson. *The World's Banker: The History of the House of Rothschild*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1998, 7 and passim; Robert S. Wistrich. *Socialism and the Jews: The Dilemmas of Assimilation in Germany and Austria-Hungary*. East Brunswick, N. J.: Associated University Presses, 1982, 61, 180–181.

В Вене времен *fin de siècle* 40 % директоров публичных банков были евреями и все банки, кроме одного, управлялись евреями (в том числе представителями старых банкирских кланов) под прикрытием аристократических *Paradegoyim*. Между 1873 и 1910 годами, в разгар политического либерализма, доля евреев в правлении венской фондовой биржи (*Borsenrath*) оставалась на уровне примерно 70 %, а в 1921 году в Будапеште 87,8 % участников фондовой биржи и 91 % членов союза валютных маклеров составляли евреи, многие из которых получили дворянство (т. е. сами стали в некотором смысле *Paradegoyim*). В промышленной сфере существовали еврейские магнаты (такие как Ратенау в электротехнической промышленности, Фридландер-Фульды в угольной, Монды в химической и Баллины в судостроительной), регионы с высокой долей еврейской собственности (такие как Венгрия) и по преимуществу “еврейские” отрасли (текстильная, пищевая, книгопечатная), однако основным вкладом евреев в индустриальное развитие стало банковское финансирование. В Австрии из 112 промышленных директоров, занимавших в 1917-м более семи директорских мест одновременно, половину составляли евреи, связанные с крупнейшими банками, а в Венгрии межвоенного периода до 90 % всей промышленности контролировалось несколькими состоящими в близком родстве семьями еврейских банкиров. В 1912 году 20 % всех миллионеров Великобритании и Пруссии были евреями. В 1908–1910 годах евреи составляли 0,95 % населения Германии и 31 % богатейших семейств (с “коэффициентом представительства в экономической элите” большим, чем где бы то ни было в мире). В 1930 году около 71 % самых состоятельных венгерских налогоплательщиков (с доходами, превышающими 200 000 пенго) были евреями. Ну и разумеется, Ротшильды, “банкиры мира” и “цари евреев”, были самой богатой семьей XIX века⁷⁴.

В целом по Европе евреи составляли меньшинство среди банкиров, банкиры – меньшинство среди евреев, а еврейские банкиры слишком яростно конкурировали друг с другом и слишком часто сотрудничали с взаимно враждующими режимами, чтобы иметь постоянное и последовательное политическое влияние (Гейне назвал Ротшильда и Фульда “двумя раввинами от финансов, непримиримыми, как Гиллель и Шамай”). Но в целом очевидно, что европейские евреи достигли значительных успехов при новом экономическом порядке, что они были в среднем состоятельнее, чем неевреи, и что некоторым из них удалось преобразовать меркурианскую квалификацию и семейственность в значительную экономическую и политическую силу. Венгерское государство конца XIX – начала XX века было обязано своей относительной стабильностью поддержке мощной деловой элиты – небольшой, сплоченной, связанной родственными узами и в подавляющем большинстве еврейской. Новая Германская империя была построена не только “на крови и железе”, как утверждал Отто фон Бисмарк, но и на золоте и деловых способностях, большую часть которых поставлял банкир Бисмарка – и всея Германии – Герсон фон Блейхродер. Ротшильды разбогатели на спекуляциях правительственными долговыми обязательствами, так что, когда члены семьи высказывали определенные мнения, члены правительств слушали. В “Былом и думах” Герцена “его величество”

⁷⁴ McCagg, *Jewish Wealth in Vienna*, 74–91, William O. McCagg, *Jewish Nobles and Geniuses in Modern Hungary*. Boulder, Colo.: East European Quarterly, 1972, 16, 30, 42–43; Andrew C. Janos, *The Politics of Backwardness in Hungary*, 1825–1945. Princeton: Princeton University Press, 1982, 114, 225; Friedlander, *Nazi Germany and the Jews*, 80; Rupp, *The Jews in the Modern World*, 207–211; Kaznelson, *Juden im deutschen Kulturbereich*, 760–797; Mendelsohn, *The Jews of East Central Europe*, 244–245; Jacobs, *Jewish Contributions to Civilization*, 237–246; Cecil Roth, *The Jewish Contribution to Civilization*. New York: Harper and Brothers, 1940, 278–283; György Lengyel, *Hungarian Banking and Business Leaders between the Wars: Education, Ethnicity and Career Patterns*, in Silber, *Jews in the Hungarian Economy*, 230; Nathaniel Katzburg, *Hungary and the Jews: Policy and Legislation 1920–1943*. Ramat Gan: Bar-Ilan University Press, 1981, 30; W. D. Rubinstein, *The Left, the Right, and the Jews*. London: Croom Helm, 1992, 13, 27; данные W. D. Rubinstein’a о еврейском участии в различных экономических элитах см.: в Niall Ferguson, *The Cash Nexus: Money and Power in the Modern World, 1700–2000*. London: Allen Lane, 2001, 378; Wistrich, *Socialism and the Jews*, 59–61, 180–181; о Ротшильдах см. в: Ferguson, *The World’s Banker*, 3, 1034–1036.

Джеймс Ротшильд шантажом принуждает императора Николая I выпустить из страны деньги, которые отец русского социализма унаследовал от немецкой матери-крепостницы⁷⁵.

Деньги были одним средством продвижения, образование – другим. Деньги и образование были тесно связаны между собой, но сочетались в различных пропорциях. В Европе того времени считалось, что образование ведет к деньгам; только евреи почти поголовно полагали, что деньги ведут к образованию. Доля евреев в учебных заведениях, готовивших к профессиональным карьерам, была очень значительной; доля детей еврейских торговцев была беспримерно высока. В Вене конца XIX века евреи составляли около 10 % всего населения и около 30 % учащихся классических гимназий. Между 1870 и 1910 годами около 40 % выпускников всех гимназий центральной Вены были евреями; среди тех, чьи отцы занимались коммерцией, евреи составляли 80 %. В Германии 51 % еврейских ученых происходили от отцов-предпринимателей. Путь евреев из гетто вел через коммерческий успех к свободным профессиям⁷⁶.

Важнейшей остановкой на этом пути был университет. В 1880-х годах евреи составляли 3–4 % населения Австрии, 17 % студентов высших учебных заведений и треть студентов Венского университета. В Венгрии (5 % населения) они составляли четвертую часть всех студентов и 43 % студентов Будапештского технологического университета. В Пруссии в 1910–1911 годах их было менее 1 % населения, но около 5,4 % всех студентов и 17 % студентов Берлинского университета. В 1922 году в Литве 31,5 % студентов Каунасского университета были евреями (впрочем, благодаря государственной политике коренизации продолжалось это недолго). В Чехословакии доля евреев среди студентов университетов (14,5 %) в 5,6 раза превышала их долю среди населения страны в целом. При сравнении евреев и неевреев, занимавших схожее социальное и экономическое положение, разрыв уменьшается (хотя остается солидным); неизменно лишь то, что в большинстве стран Центральной и Восточной Европы количество неевреев, занимавших подобное социальное и экономическое положение, было чрезвычайно незначительным. В некоторых регионах Восточной Европы практически весь “средний класс” был еврейским⁷⁷.

Поскольку государственная служба оставалась в основном закрытой (а также по причине общего для евреев предпочтения самостоятельной занятости), большинство евреев-студентов избирали “свободные” профессии, созвучные их меркурианскому воспитанию и, как выяснилось, совершенно необходимые для функционирования современного общества: медицину, юриспруденцию, журналистику, науку, преподавание в вузах, искусство и “шоу-бизнес”. В Вене на пороге нового столетия евреями были 62 % всех адвокатов, половина докторов и дантистов, 45 % сотрудников медицинских факультетов и одна четвертая всех преподавателей вузов, а также от 51,5 до 63,2 % профессиональных журналистов. В 1920 году 59 % венгерских врачей, 50,6 % адвокатов, 39,25 % всех работавших в частном секторе инженеров и химиков, 34,3 % редакторов и журналистов и 28,6 % музыкантов назвали себя евреями по вероисповеданию. (Если добавить тех, кто перешел в христианство, показатели значительно возрастут.) В Пруссии 1925 года евреями были 16 % врачей, 15 % дантистов и четвертая часть адвокатов;

⁷⁵ Ruppin, *The Jews in the Modern World*, 151–153. Цитата из Гейне взята из: Jacobs, *Jewish Contributions*, 239–240; Janos, *The Politics of Backwardness*, Ch. 3; Ferguson, *The World's Banker*, 7–11, 505–507 and passim, в особенности 147 и 173; Fritz Stern, *Gold and Iron: Bismarck, Bleichroder, and the Building of the German Empire*. New York: Alfred A. Knopf, 1977; Александр Герцен. *Былое и думы*. М.: Художественная литература, 1969, 1: 643–651.

⁷⁶ Beller, *Vienna and the Jews*, 52–67. Efron, *Medicine and the German Jews*, 236–237. Cf. Lengyel, *Hungarian Banking and Business Leaders*. Среди еврейских отцов-предпринимателей Венгрии доля самостоятельно добившихся успеха людей, не имевших формального светского образования, была гораздо выше, чем среди неевреев. О непропорционально высоком представительстве евреев среди учащихся гимназий см.: Goldscheider and Zuckerman, *The Transformation of the Jews*, 86; и Victor Karady, *Les juifs de Hongrie sous les lois antisémites* // *Actes de la recherche en sciences sociales*, № 56 (March 1985): 28.

⁷⁷ Beller, *Vienna and the Jews*, 33–34; Goldscheider and Zuckerman, *The Transformation of the Jews*, 85–87; Efron, *Medicine and the German Jews*, 236; Maria M. Kovács. *Liberal Professions and Illiberal Politics: Hungary from the Habsburgs to the Holocaust*. Oxford: Oxford University Press, 1994), 18; Mendelsohn, *The Jews of East Central Europe*, 237.

в Польше межвоенного периода евреи составляли около 56 % частнопрактикующих врачей, 43,3 % частных преподавателей, 33,5 % адвокатов и нотариусов и 22 % журналистов, издателей и библиотекарей⁷⁸.

Из всех дипломированных профессионалов, служивших жрецами и оракулами новых истин, вестники и глашатаи были наиболее меркурианскими, наиболее маргинальными, наиболее заметными, наиболее влиятельными – и в наибольшей степени еврейскими. В Германии, Австрии и Венгрии начала XX века издателями, редакторами и авторами большинства национальных газет, не являвшихся специфически христианскими или антисемитскими, были евреи (впрочем, в Вене даже христианские и антисемитские газеты иногда издавались евреями). По словам Стивена Беллера, “в век, когда пресса была единственным средством массовой информации, культурным или не очень, либеральная пресса была по преимуществу еврейской”⁷⁹.

То же – чуть в меньшей степени – справедливо в отношении издательских домов, а также разнообразных публичных мест, в которых обмен известиями, пророчествами и редакторскими комментариями производился устно и бессловесно (посредством жеста, моды и ритуала). “Еврейская эмансипация” была среди прочего попыткой индивидуальных евреев найти нейтральное (или, по выражению Джейкоба Каца, “полунейтральное”) общество, в котором нейтральные субъекты получают равный доступ к нейтральной светской культуре. Как маркиз д’Аржан писал Фридриху Великому (прося за Моисея Мендельсона): “*Philosophe*, являющийся плохим католиком, просит *philosophe*, являющегося плохим протестантом, о даровании привилегии [проживания в Берлине] *philosophe*, являющемуся плохим евреем”. Быть плохим в глазах Бога совсем не плохо, поскольку Бог либо отошел от дел, либо принципиально не заботится о добре и зле. Для евреев первыми островками равенства и нейтралитета стали масонские ложи, члены которых придерживались веры “общей для всех тех, кто готов оставить свои частные мнения при себе”. Когда многие пришли к выводу, что других вер не осталось, некоторые частные мнения превратились в “общественное мнение”, а евреи стали специалистами по его формированию и распространению. В начале XIX века хозяйками самых влиятельных немецких салонов были еврейки, а евреи обоего пола стали заметной, а иногда и самой значительной частью “публики” в театрах, концертных залах, художественных галереях и литературных обществах. Большинство постоянных посетителей венских литературных кофеен – и большинство писателей и поэтов, чьи произведения там обсуждались, – были евреями. Модернизм Центральной Европы немыслим вне процесса еврейской эмансипации⁸⁰.

То же произошло в науке, еще одной опасной меркурианской специальности, тесно связанной с искусствами и ремеслами. Для многих евреев переход от изучения Закона к изучению законов природы оказался относительно гладким и чрезвычайно успешным. Новая наука о личности (названная в честь Психеи, “души” по-гречески, вечной жертвы жестокости Эроса) была делом почти исключительно еврейским; новая наука об обществе представлялась историком литературы Фридриху Гундольфу (урожденному Гундельфингеру) “еврейской сектой”;

⁷⁸ Goldscheider and Zuckerman, *The Transformation of the Jews*, 90; Beller, *Vienna and the Jews*, 38–39; Mendelsohn, *The Jews of East Central Europe*, 27, 101. См. также: Kovács, *Liberal Professions*, 17–19; and Katzburg, *Hungary and the Jews*, 30–31.

⁷⁹ Beller, *Vienna and the Jews*, 38–40 (цитата взята со с. 40); Friedlduider, *Nazi Germany and the Jews*, 79–80; Niewyk, *The Jews in Weimar Germany*, 36–38; Kaznelson, *Juden im deutschen Kulturbereich*, 131–146; Wistrich, *Socialism and the Jews*, 182–183.

⁸⁰ John Murray Cuddihy. *The Ordeal of Civility: Freud, Marx, Lévi Strauss, and the Jewish Struggle with Modernity*. New York: Basic Books, 1974, 8; Milton Himmelfarb. *The Jews of Modernity*. New York: Basic Books, 1973, 23; Katz, *Out of the Ghetto*, 42–56 (the quote is on p. 45), 84; Beller, *Vienna and the Jews*, 40–41; Hannah Arendt. *The Origins of Totalitarianism*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973, 59–62; Kaznelson, *Juden im deutschen Kulturbereich*, 862–914; Friedländer, *Nazi Germany and the Jews*, 79–80; Zygmunt Bauman. *Exit Visas and Entry Tickets: Paradoxes of Jewish Assimilation* // Telos, vol. 77 (1988): 52–53; Niewyk, *The Jews in Weimar Germany*, 33–41; István Deák. *Weimar Germany's Left-Wing Intellectuals: A Political History of the Weltbühne and Its Circle*. Berkeley: University of California Press, 1968, 27–28; Frederic V. Grunfeld. *Prophets – without Honour: A Background to Freud, Kafka, Einstein and their World*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1979, 26–29 and passim.

многие старые науки, в первую очередь физика, математика и химия, много выиграли от притока евреев. Пять из девяти нобелевских лауреатов из веймарской Германии были евреями, а один из них, Альберт Эйнштейн, стал наряду с Ротшильдом одной из главных икон современности. Вернее, Ротшильд остался призрачным символом “незримой руки”, а Эйнштейн стал истинной иконой – образом божества, ликом разума, пророком прометейства⁸¹.

* * *

Невиданный успех евреев в центральных областях человеческой жизни породил ожесточенные споры о его истоках. Идеолог расизма и певец “вольного и верного” Тевтона Хьюстон Стюарт Чемберлен отметил, что евреи стали “непропорционально важной и во многих сферах первостепенной составляющей нашей жизни”, и предложил несколько влиятельных объяснений. Во-первых, евреи от природы обладают “аномально развитой волей”, которая и породила их “феноменальную гибкость”. Во-вторых, их исторически сложившаяся вера не знала “отвлеченных непостижимых таинств”, политизировала отношения человека с Богом, уподобила нравственность слепому исполнению правил и породила всеразлагающий рационализм, гибельный для вольного и верного Тевтона. И наконец, самое главное: “иудаизм и его продукт, еврей” породили “идею физического расового единства и расовой чистоты” – нашедшую идеальное воплощение в Тевтонах и нуждавшуюся в защите от еврейского засилья. Будущий пророк нацизма обличал евреев за изобретение нетерпимости. “Для них грех – понятие национальное, тогда как отдельный человек «праведен», если он не преступает «закон»; спасение является не нравственным искуплением личности, а возрождением Государства; нам трудно это понять”⁸².

Известный еврейский историк и фольклорист Джозеф Джейкобс согласился с Чемберленом в том смысле, что между евреями и современностью существуют особые отношения, но был более высокого мнения и о евреях, и о современности. По его словам, еврейские “мыслители и мудрецы, обладая орлиным зрением, помышляли о судьбах всего человечества и трубным голосом возвещали проповедь надежды попраным людям всех рас. Закрепив за собой и своим народом долг и обязанности подлинной аристократии, они явили людям идеалы подлинной демократии, основанной на праве и справедливости”. Предложенное Джейкобсом объяснение отличается от теории Чемберлена большей четкостью и последовательностью. Считая религию важным, но не поддающимся научному анализу фактором, он приписывает успехи евреев “зародышевой плазме”:

Вполне вероятно, что определенное число евреев нашего времени произведет на свет больше “гениев” (творческих или нет, сказать не возьмусь), чем такое же число людей других рас. Очень может быть, к примеру, что в настоящее время немецкие евреи в количественном (не обязательно качественном) отношении стоят во главе европейского интеллекта.

Распространение высоких интеллектуальных способностей в несхожих регионах подтверждает теорию общего происхождения современных евреев, и, “если это так, желательность дальнейшего распространения еврейской зародышевой плазмы представляет интерес не для

⁸¹ Beller, *Vienna and the Jews*, 14–32; Niewyk, *The Jews in Weimar Germany*, 33–41; Kaznelson, *Juden im deutschen Kulturbereich*, passim; McCagg, *Jewish Nobles and Geniuses*, 15–16 and passim; David Nachmansohn, *German-Jewish Pioneers in Science 1900–1933: Highlights in Atomic Physics, Chemistry, and Biochemistry*. New York: Springer-Verlag, 1979. Гундольф цитируется по: Himmelfarb, *The Jews of Modernity*, 44; см. также: Cuddihy, *The Ordeal of Civility*, 8. О ротшильдовском мифе см.: Ferguson, *The World's Banker*, 11–28.

⁸² Houston Stewart Chamberlain. *Foundations of the Nineteenth Century*, vol. 1. New York: John Lane, 1912, 574, 492–493, 330, 238, 232, 254, 391.

одних только евреев”. Важным доказательством является очевидный успех “еврейских полукровок”:

Самого их существования, причем в большом числе, довольно, чтобы опровергнуть утверждение Чемберлена о расовом превосходстве германской зародышевой плазмы над еврейской⁸³.

Вернера Зомбарта зародышевая плазма не интересовала:

Теории расовых идеологов – это новая разновидность религии, пришедшая на смену старой еврейской или христианской религии. Что такое теория арийской, или германской, всемирно-исторической “миссии”, если не современная форма культа “избранного народа”?

На самом деле “еврейский гений” вырос из вечного кочевничества, сначала пастушеского, а затем торгового:

Только среди пастухов (но не среди земледельцев) могла зародиться идея прибыли и воплотиться в жизнь концепция неограниченного производства. Только среди пастухов могла возобладавать точка зрения, что в экономической деятельности значение имеет абстрактное количество товаров, а не то, пригодны ли они для использования.

Евреи – кочевники Европы:

“Кочевничество” – прародитель капитализма. Связь между капитализмом и иудаизмом становится, таким образом, более ясной.

Но главное не в этом. Книга Зомбарта была ответом Макс Веберу, и большинство его аргументов следовали за логикой Вебера. Капитализм невозможен без протестантской этики; иудаизм – больший протестант, чем протестантство (старше, крепче и чище); иудаизм – прародитель капитализма. “Вся религиозная система – не что иное, как контракт, заключенный между Иеговой и его избранным народом, контракт со всеми вытекающими из него последствиями и обязательствами”. У каждого еврея есть свой лицевой счет на небесах, и смысл жизни каждого еврея состоит в том, чтобы закрыть этот счет, следуя писанным правилам и не оставшись в долгу. Чтобы следовать правилам, их нужно знать, следовательно, “само их изучение стало средством достижения прижизненной святости”. Неослабное изучение правил и неукоснительное их соблюдение заставляет человека “обдумывать свои действия и осуществлять их в соответствии с велениями разума”. Религия как закон направлена на “подавление животных инстинктов человека, на обуздание его желаний и наклонностей и на замену эмоциональных порывов продуманными поступками; короче говоря, на «этическое укрощение человека»”. Следствием этого является светский аскетизм, вознаграждаемый земными богатствами, или пуританизм без свинины⁸⁴.

Рационализация жизни приучила еврея к образу жизни, который противоречит Природе (или сосуществует с нею), и следовательно, к капиталистической системе, которая тоже противоречит Природе (или сосуществует с нею). Что такое идея прибыли, что такое экономический рационализм, как не перенесение на экономическую деятельность тех правил, по которым еврейская религия формировала еврейскую жизнь? Чтобы капитализм мог развиваться, естественного человека необходимо было изменить до неузнаваемости, заменив его рационалистически мыслящим механизмом.

⁸³ Jacobs, *Jewish Contributions to Civilization*, 10, 56–57.

⁸⁴ Sombart, *The Jews and Modern Capitalism*, 321, 343, 209, 226–227.

Необходимо было произвести переоценку всех экономических ценностей. И каков же результат? *Homo capitalisticus*, близкий родственник *Homo Judaeus* – оба из одного рода *Homines rationalistici artificiales*⁸⁵.

Это было новой интерпретацией старой оппозиции, описанной Мэтью Арнольдом, – между дисциплиной, “самообузданием” и законопослушанием иудаизма и свободой, импровизацией и гармонией эллинизма⁸⁶. Арнольд считал оба начала необходимыми для цивилизованной жизни, но жаловался на дисбаланс в пользу иудаизма, порожденный Реформацией. Ницше (у которого Зомбарт позаимствовал большую часть терминологии) перенес эту жалобу в сферу добра и зла – и по ту ее сторону:

Евреи совершили поразительный подвиг переоценки ценностей, благодаря которому земная жизнь на пару тысячелетий обрела новую и опасную привлекательность; их пророки соединили воедино понятия “богатый”, “безбожный”, “порочный”, “неистовый” и “чувственный” и первыми использовали слово “мир” в уничижительном смысле. В этой переоценке ценностей (включающей в себя превращение слова “бедный” в синоним слов “святой” и “друг”) и заключается миссия еврейского народа: он знаменует утверждение рабской морали⁸⁷.

В созданном Ницше театре двух актеров эта переоценка ценностей равносильна победе “безнадежно посредственного и робкого человека” над воином и, таким образом, над Природой – та же, в сущности, метаморфоза, которую Вебер назвал источником буржуазной цивилизации, о которой “можно по праву сказать: специалисты без души, сенсуалисты без сердца; эти ничтожества воображают, будто они достигли невиданного уровня развития цивилизации”. Зомбарт примирил эти хронологии, обнаружив недостающее звено: иудейская этика породила современного еврея; современный еврей вызвал дух капитализма⁸⁸.

Зомбарт – как и Вебер – не любил капитализм; евреи при капитализме процветали; поэтому Зомбарт не любил евреев (как Вебер не любил пуритан). Мэдисон К. Питерс, знаменитый нью-йоркский проповедник и протестантский богослов, связывал современность со свободой, демократией, процветанием, прогрессом и аккуратно подстриженными ногтями – и потому очень любил и евреев, и пуритан. В сущности, писал он, между ними нет никакой разницы. Пуритане – это евреи, вернувшиеся “к библейским прецедентам для регулирования мельчайших деталей повседневной жизни”. Самое же главное заключается в том, что “иудейское содружество” послужило “нашим патриотическим жрецам” в качестве “руководства для американского народа в его титанической борьбе за благодеяния гражданских и религиозных свобод”. Согласно Питерсу, “еврейские деньги и еврейская поддержка позволили гениальному и бесстрашному генуэзскому мореплавателю бросить вызов опасностям неизведанных морей”, а еврейская энергия и еврейская предприимчивость помогли создать “блеск и величие, славу и богатство, престиж и процветание этих недоступных и неприступных земель”. И если приписанные евреям рационализм, усидчивость и чувство избранности – дурные черты, то, следовательно, дурны и “их бережливость и трудолюбие, их преданность возвышенным идеалам, их любовь к свободе и справедливости, их неутолимая жажда знаний, их непоколебимая преданность принципам своей расы и догматам своей веры”. И наконец, “еврей во всех обстоятельствах остается великим любителем мыла и воды, в особенности последней. Если есть малейшая

⁸⁵ Там же, 237–238.

⁸⁶ Matthew Arnold. *Culture and Anarchy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966, 129–144.

⁸⁷ Friedrich Nietzsche. *Beyond Good and Evil: Prelude to a Philosophy of the Future*, section 195, in *Basic Writings of Nietzsche*, trans. and ed. by Walter Kaufmann. New York: Modern Library, 1968, 298.

⁸⁸ Там же, section 11; Max Weber. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, trans. Talcott Parsons. London and New York: Routledge, 1995, 180–182.

возможность принять ванну, еврей ее примет”. Евреи суть олицетворение западной цивилизации – ее творцы и проводники, по праву пользующиеся ее благами. А самой характерной общей чертой евреев и западной цивилизации является живость ума, или интеллектуализм:

Единственный способ помешать еврейским ученым получить большинство научных наград – не допустить их к участию в соревновании⁸⁹.

Сторонники отождествления евреев с современностью судили о них в соответствии с традиционными аполлонийско-меркурианскими контрастами: естественное – искусственное, оседлость – кочевничество, тело – разум. То, что Зомбарт называл стерильным рационализмом, Джейкобс называл интеллектуальной одаренностью, но ни тот ни другой не подвергали сомнению важность этих понятий и неизменность их привязанностей. Евреи всегда ассоциировались с разумом, который всегда ассоциировался с современным миром, нравится он нам или нет. По словам Джона Фостера Фрезера (британского журналиста, которому нравились и евреи, и современный мир),

в том, что касается основных качеств, необходимых для формирования “человека нового времени”, – расторопности и знаний, – еврей превосходит христианина, не оставляя последнему иного выбора, как только признать, что в честном соревновании еврей почти наверняка выиграет.

Неудивительно поэтому, что американцы, которые превыше всего ценят честное соревнование, позаимствовали свои идеалы (демократию, бережливость и любовь к детям) “скорее от евреев, чем от собственных саксонских предков”, тогда как немцы, куда больше похожие на своих предков, вынуждены прибегать к *numerus clausus*, поскольку борьба “между сынами Севера, с их светлыми волосами и вялыми интеллектами, и сынами Востока, с их черными глазами и живыми умами, – борьба неравная”⁹⁰.

Зомбарт согласился с Фрезером, отметив, что “чем народ тугодумнее, тупоголовее и невежественнее в бизнесе, тем сильнее еврейское влияние на его экономическую жизнь”. Согласился с ним и британский историк и сионист Льюис Бернштейн Намир, который объяснял возникновение нацизма неспособностью немцев конкурировать с евреями:

Немец методичен, груб, созидателен преимущественно в механическом смысле, до крайности послушен властям, бунтарь и борец лишь по приказу сверху и с удовольствием проводит всю свою жизнь в роли крохотного винтика в машине;

тогда как “еврей восточной или средиземноморской расы – человек творческий, гибкий, независимый, беспокойный и недисциплинированный”, обеспечивающий необходимое, но редко признаваемое руководство культурной жизнью Германии. Подобные контрасты можно было наблюдать по всей Европе, особенно в восточной ее части и в первую очередь в Российской империи, где дистанция между аполлонийцами и меркурианцами чрезвычайно велика, а антиеврейские ограничения чрезвычайно суровы. Согласно Фрезеру,

если русский бесстрастно подумает, он наверняка признает, что его нелюбовь к еврею основана не столько на расе или религии – хотя и они играют немалую роль, – сколько на осознании того, что еврей его превосходит и что в соревновании умов еврей всегда выигрывает.

⁸⁹ Madison C. Peters. *Justice to the Jew: The Story of What He Has Done for the World*. New York: Trow Press, 1910, 24, 14, 29, 44, 66, 214, 207.

⁹⁰ John Foster Fraser, *The Conquering Jew* (London: Cassell, 1915), 30–31, 43, 35. О евреях и рационализме см. превосходную работу Steven Beller “«Pride and Prejudice» or «Sense and Sensibility»? How Reasonable Was Anti-Semitism in Vienna, 1880–1939?” in Chiriot and Reid, *Essential Outsiders*, 99–124.

Свойственные русскому человеку “простодушие, набожность, искренность братских чувств, наивное удивление, с которым он смотрит на мир” и прочие замечательные качества, столь ярко проявляющиеся в его музыке и литературе, достойны восхищения, “но посмотрите на русского в сфере коммерции, где требуется особая живость ума, и вы увидите, что картина получается неутешительная”⁹¹.

Живость может обернуться лукавством, а душевность – утешением вялого интеллекта. Главной темой споров оставался факт еврейского успеха, или “вездесущности”. Между полюсами теорий заговора с одной стороны и экспериментов с зародышевой плазмой – с другой самыми распространенными объяснениями были исторические и религиозные (“культурные”). Зомбарт, который оплакивал гибель “северных лесов, где зимой бледное солнце играет на изморози, а летом отовсюду несется пение птиц”, прославился как критик еврейского рационализма. Одним из самых влиятельных его (рационализма) защитников был плодовитый публицист и социолог Анатоль Леруа-Болье. “Мы часто дивимся разносторонности еврейских талантов, – писал он, – их поразительной способности ассимилироваться, быстроте, с которой они усваивают наши знания и методы”:

Мы ошибаемся. Они были подготовлены наследственностью, двумя тысячами лет интеллектуальной гимнастики. Взявшись за наши науки, они не вступают на неведомую территорию, а возвращаются в земли, уже освоенные их предками. История подготовила Израиль не только к войнам на фондовых биржах и осадам больших состояний, но и к научным битвам и интеллектуальным завоеваниям⁹².

Столь же ошибочны, согласно Леруа-Болье, разговоры об исключительно еврейском (и исключительно вредоносном) мессианстве – качестве, которое Чемберлен назвал “талантом планировать невозможные социалистические и экономические мессианские империи, не убедившись, что это не приведет к гибели цивилизации и культуры, которые мы с таким трудом создавали”. На самом деле еврейский Мессия принадлежит всем нам: “Мы знаем его имя, мы ожидаем его, мы взываем к нему во весь голос”. Имя его Прогресс – тот самый прогресс, который

дремал, ожидая своего времени, в еврейских книгах, пока Дидро и Кондорсе не явили его народам и не распространили по всему миру. Как только Революция провозгласила его и начала претворять в жизнь, евреи узнали в нем наследие своих предков.

Мессия явился, когда “с приближением нашего триколора рухнули кастовые барьеры и стены гетто”, и освобожденные евреи взошли на баррикады, возглавив всемирную борьбу с предрассудками и неравенством⁹³.

Марианна оказалась такой же еврейкой, как и Ротшильд с Эйнштейном, и большинство авторов полагали, что причины их возвышения кроются в еврейском прошлом. Приверженцы теорий заговора выводили еврейскую склонность к интригам из еврейской культурной традиции, а расовые гипотезы были ламаркианскими в том смысле, что предполагали наследование исторически приобретенных признаков. Но была и иная точка зрения – та, что предпочитала древности и преемственности безродность и бесприютность. В статье 1919 года, приспособившей эту традицию к радикально меркурианизованному миру, Торстейн Веблен утверждал, что “интеллектуальное превосходство евреев в современной Европе” является результатом раз-

⁹¹ Sombart, *The Jews and Modern Capitalism*, 254; L. B. Namier, *Introduction*, in Ruppin, *The Jews in the Modern World*, xx – xxi; Fraser, *The Conquering Jew*, 213.

⁹² Anatole Leroy-Beaulieu. *Israël chez les nations*. Paris: Calmann Lévy, 1893, 221.

⁹³ Chamberlain, *Foundations of the Nineteenth Century* 1: 482–483; Leroy-Beaulieu, *Israël chez les nations*, 341–342.

рыва с прошлым, а не его воскрешением. “Культурное наследие еврейского народа” может быть сколь угодно блестящим и древним, “однако достижения их предков никогда не приближались к границам современной науки и не имеют прямого отношения к научным достижениям современности”. Научный прогресс “предполагает определенную степень свободы от унаследованных истин, скептический дух, *Unbefangenheit*, высвобождение из мертвых объятий не подвергаемых сомнению условностей”. Причина превосходства “интеллектуально одаренного еврея” состоит в том, что он – самый свободный, самый маргинальный и потому самый оригинальный из ученых:

Еврей оказывается в авангарде современных научных изысканий, потому что он порывает со своими соплеменниками или, по крайней мере, сомневается в ценности племенных связей... Он становится возмутителем интеллектуального спокойствия, но лишь ценой превращения в интеллектуального странника, блуждающего по интеллектуальной ничейной земле в поисках пристанища, – места, лежащего дальше по дороге, за горизонтом. Вечный Жид встречает современного ученого и крепко жмет ему руку. Исцелив евреев от их бесприютности, сионизм положит конец их “интеллектуальному превосходству”⁹⁴.

Зомбарт сравнивал евреев с Мефистофелем, искушающим христианского Фауста; Веблен утверждал, что настоящим евреем был сам Фауст. Но и Зомбарт, и Веблен исходили из того, что между евреями и современностью существует особое родство, что евреи в каком-то смысле и *есть* современность. Каков бы ни был стандарт – рационализм, национализм, капитализм, профессионализм, грамотность, демократия, гигиена, отчужденность, малая семья или фаустианское прометейство, – евреи везде успели первыми и всё лучше всех поняли. Даже Заратустра, устами которого говорил Ницше, оказался Богом “евреев Индии”. Как писал парсийский поэт Адил Джуссавалла, “Ницше не знал, что сверхчеловек Заратустра приходился евреям родным братом”⁹⁵.

Мнение, что евреи состоят в особых отношениях с новой городской цивилизацией, разделялось большинством европейских интеллектуалов – от романтиков “северных лесов” до пророков Разума и триколора. Неудивительно поэтому, что два великих апокалиптических восстания против современности были и двумя окончательными решениями “еврейского вопроса”. Маркс отождествил капитализм с иудаизмом и попытался разрешить свой собственный еврейский вопрос посредством уничтожения капитализма. Гитлер открыл еврейские корни городского “разложения” и попытался укротить капитализм посредством истребления евреев⁹⁶.

* * *

Экономический и профессиональный успех евреев за стенами гетто сопровождался смягчением традиционных запретов в отношении “крови” и пищи и приобретением новых языков, обрядов, нарядов и родственников в рамках радикального перевоплощения, известного как “ассимиляция” (уподобление). Но кому уподоблялись евреи? Определенно не своим соседям крестьянам, которые и сами претерпевали мучительную “урбанизацию”, “модернизацию” и “секуляризацию”. И те и другие двигались в направлении полунейтральной современной

⁹⁴ Thorstein Veblen. *The Intellectual Pre-Eminence of Jews in Modern Europe* // *Political Science Quarterly* 34, № 1 (March 1919): 33–42. См. также: David Hollinger. *Why Are Jews Preeminent in Science and Scholarship? The Veblen Thesis Reconsidered* // *Aleph* 2 (2002): 145–163.

⁹⁵ A. Jussawalla, *Missing Person*, цитируется в: Luhrmann, *The Good Parsi*, 55.

⁹⁶ Karl Marx, “On the Jewish Question”, in *Early Writings*. New York: Vintage Books, 1975, 211–241; Adolf Hitler. *Mein Kampf*. Boston: Houghton Mifflin, 1962, 26–27, 59–60.

гражданственности, платя за это требуемую пошлину – отказ от “самих себя”. Евреи отрекались от своего имени и племени, чтобы сохранить меркурианскую специализацию и сообразительность; крестьяне расставались со всем своим образом жизни ради сохранения своих имен и племен. И те и другие заблуждались: евреи считали – разумно, но ошибочно, – что они отвергают нечто безнадежно устаревшее, а крестьяне полагали – абсурдно, но справедливо, – что смогут измениться, оставаясь самими собой. На заре Нового времени Генрих Наваррский мог сказать, что Париж “стоит мессы”, потому что религия не имела для него большого значения. Многие европейские евреи XIX века думали так же, забыв о том, что на дворе новая религия. Месса, это верно, стоила дешево, но Париж стал столицей национального государства и требовал более высокую цену. Новые государства были меркуриями в костюме Аполлона, и кому-то, а старым меркурианцам не следовало недооценивать важность переодевания.

Современный Век оказался Еврейским не только потому, что все стали чужаками, но и потому, что чужаки объединились в группы, основанные на общности судьбы и происхождения. Веберовский мир “механизированного оцепенения, приукрашенного своего рода судорожным самомнением” мог зародиться и воплотиться лишь в государствах, выдающих себя за племена. Чтобы сделать переход крестьян к городской жизни чуть менее мучительным, город должен был объявить себя – с достаточной искренностью и убедительностью – расширенным и улучшенным вариантом деревни, а не ее кровожадным губителем. Превращение крестьян во французов стало возможным, поскольку Франция символизировала не просто Прогресс, но и Отечество (*Patrie*)⁹⁷.

Сочетание патриотизма с прогрессом, или служение новому государству как старому племени (известное как национализм), стало новым опиумом для народа. Посторонние люди превратились в родственников на основании унифицированной и переосмысленной общности языков, истоков, предков и обрядов. Нация – это либо большая семья (основанная на кровном родстве, но распространившаяся так далеко за пределы человеческой памяти и жизненного опыта, что объять ее могла только метафора), либо малое христианство (некоторых чужаков полагалось любить как братьев, а некоторых ближних – как самого себя). Иудаизация аполлоновых хозяев обрекла евреев на новое изгнание: не успели они приготовиться к превращению в немцев (ибо кому нужны избранность и кошерность, если все и так становятся евреями?), как немцы сами стали “избранными”. Еврею стало так же трудно превратиться в немца, как немцу – превратиться в еврея. Христианство было открыто для всех через обряд крещения, но когда христианство воспринималось всерьез, всерьез воспринимался и иудаизм, а это означало, что крещение было актом вероотступничества. Когда же иудаизм стал необязательным для “просвещенных” и “ассимилированных”, а крещение стало более или менее формальной присягой на верность бюрократическому государству, само это государство стало национальным, а значит, ревниво разборчивым.

Мужчина, перешедший в иудаизм, всегда был одинокой и печальной фигурой, ибо нелегко “вообразить” свое место в чужом племени, связанном культом предков и множеством культурных и физических характеристик, служащих доказательством общности происхождения и гарантией будущей эндогамии. Еврейские кандидаты на обращение в немцев и венгров попадали в еще более затруднительное положение, поскольку принадлежность к немцам и венграм определялась мощным государством, которое провозглашало себя одновременно национальным и (более или менее) либеральным, единственным защитником прав и главным арбитром подлинности.

Наиболее распространенная стратегия “эмансипированных” и “ассимилированных” евреев состояла в том, чтобы содействовать делу либерализма, культивируя “нейтральность” в общественной жизни и “либеральное” образование и свободные профессии в своей собствен-

⁹⁷ Weber, *The Protestant Ethic*, 182.

ной. Евреи были не просто воплощениями Разума и Просвещения – они стали их наиболее горячими и последовательными поборниками. Они голосовали за либеральные партии, отстаивали индивидуальные свободы и преданно служили государствам, предоставлявшим им такую возможность. Империя Габсбургов была предметом лояльности и восхищения, поскольку, как писал Карл Шорске, “император и либеральная система предоставили евреям гражданское состояние, не требуя взамен национальности; они стали наднациональным народом многонационального государства, народом, унаследовавшим роль старой аристократии”⁹⁸.

Чтобы присоединиться к новой – либеральной – аристократии, необходимо было получить светское образование и приобрести профессиональные навыки. Именно так евреи и поступили – с прилежанием, достойным ешибота, и успехом, вызвавшим немало ревности и изумления. Отец Густава Малера в свободное от виноторговли время читал французских философов; отец Карла Поппера в свободное от юриспруденции время переводил Горация; а отец Виктора Адлера делил свое время между ортодоксальным иудаизмом и европейским Просвещением. Но самое главное – для них, для им подобных и для истории – это чьими отцами они были. Новая еврейская религия “либерального” образования была очень похожа на старую еврейскую религию – с той важной разницей, что она была гораздо либеральнее. Отошедшие от старой религии еврейские отцы – суровые или снисходительные, банкиры (как у Лукача) или галантерейщики (как у Кафки) – делали все возможное, чтобы воспитать свободных, безродно-космополитических сыновей: сыновей без отцов. Они замечательно преуспели: не многим поколениям патриархов удалось вырастить так много отцеубийц и могильщиков, как первому поколению еврейских либералов. И никто не понимал этого лучше, чем Зигмунд Фрейд и Карл Маркс⁹⁹.

Либерализм не работал, потому что нейтральные сообщества были не очень нейтральными. Университеты, “свободные” профессии, салоны, кофейни, концертные залы и художественные галереи Берлина, Вены и Будапешта наполнились евреями до такой степени, что либерализм и еврейство стали почти неразличимыми. Стремление евреев к космополитизму стало таким же семейным делом, как их стремление к богатству. Успех “ассимиляции” затруднял дальнейшую ассимиляцию, поскольку чем больше было светских и современных евреев, тем больше в них видели главных представителей светскости и современности. А это означало, что люди, которым с трудом давались светскость и современность или которые противились им по причинам аполлонийского и дионисийского толка, с готовностью откликались на риторику политического антисемитизма. Кэти Лейхтер так вспоминает свои университетские дни в Вене времен *fin de siècle*: “С моими [еврейскими] подругами я обсуждала смысл жизни, делилась мыслями о книгах, поэзии, природе и музыке. А с дочерьми государственных чиновников я играла в дочки-матери”. Кэти Лейхтер стала социологом и социалисткой; некоторые из чиновничьих дочерей стали антисемитками¹⁰⁰.

Но главным образом либерализм не работал потому, что его нельзя было воплотить в жизнь – ни в смысле создания взаимозаменяемых автономных граждан, ни тем более в аполлонийском Вавилоне Центральной и Восточной Европы. Тот факт, что язык либерализма ни для кого не является родным и что Человек, который обладает Правами, обладает также гражданством и семейными привязанностями, легко забывается, когда живешь в государстве, которое более или менее успешно уподобляет себя и семье, и вселенной. Куда труднее забыть о нем в обреченной христианской империи или в молодом национальном государстве. С одной стороны, никто не говорил по-австро-венгерски; с другой, не все сразу привыкли к мысли,

⁹⁸ Carl E. Schorske. *Fin de siècle Vienna*. New York: Alfred A. Knopf, 1980, 129; Pierre Birnbaum. *The Jews of the Republic: A Political History of State Jews in France from Gambetta to Vichy*. Stanford: Stanford University Press, 1996.

⁹⁹ Beller, *Vienna and the Jews*, 100–101.

¹⁰⁰ Bauman, *Exit Visas and Entry Tickets*, 52–55; Лейхтер цит. по: Beller, *Vienna and the Jews*, 186. См. также: Birnbaum, *The Jews of the Republic*.

что чешский язык может являться носителем высокой культуры. Евреям, которые не хотели говорить на языке партикуляризма (то есть, для большинства, на идише), приходилось выбирать среди доступных языков универсализма. Главными же достоинствами потенциального универсализма (французского, немецкого, венгерского, русского) было наличие престижной культурной традиции и существование государства, придававшего этой традиции силу и убедительность. У эсперанто – рожденного в Белостоке еврейским школьником Людвиком Заменхофом – не было никаких шансов дожить до зрелости. Универсализм нуждался в национальном государстве не меньше, чем нация.

* * *

Современный Век начался не с евреев. Они вступили в него поздно, имели мало отношения ко многим из важнейших его эпизодов (таким как научная и промышленная революции) и с трудом приспособились к его многочисленным требованиям. Приспособились они лучше всех и в результате преобразили мир, но при акте творения и при раннем распределении ролей они не присутствовали.

По общепринятому мнению, одним из ранних эпизодов в истории нового времени был Ренессанс, или возрождение богоподобного Человека. Но Ренессанс не просто создал культ Человека – он создал культы конкретных людей, миссия которых состояла в том, чтобы сочинить новые священные писания и наделить осиротевшее и обожествленное человечество новой формой, новым прошлым и новым языком, пригодным для нового Рая. Данте, Камюэнс и Сервантес сознавали себя пророками нового века, знали, что их труд вдохновляется свыше и обречен на “бессмертие”, знали, что, переписывая “Одиссею” и “Энеиду”, они создают новую Библию. И пока христианство охраняло свою монополию на доступ к иному миру, Современный Век стал политеистическим – или, вернее, вернулся к олимпийской олигархии, при которой различные боги пользуются всеобщим признанием (“Западный канон”), но покровительствуют разным группам. Данте, Камюэнс и Сервантес определили и воплотили золотой век своего народа, его национальный язык и национальный путь к спасению. Этнический национализм, подобно христианству, имеет содержание, а большинство национальных Книг Бытия имеет автора. Сервантес может быть изобретателем романа и предметом повсеместного восхищения и подражания, но только в испанском мире ему поклоняются восторженно и трагически, как подлинному богу; только в испанской культуре каждый претендент на святость должен принять участие в нескончаемом диалоге между Дон Кихотом и Санчо Пансой¹⁰¹.

В Англии век Шекспира совпал с эпохой великих открытий, или эрой Универсального Меркурианства. Таков всякий золотой век, но Англия вырвалась вперед, став первой протестантской нацией, первой нацией чужаков, первой нацией, которая заменила Бога собою – и своим Бардом. Будучи английским национальным поэтом, Шекспир стал “изобретателем человека”. Ренессанс встретился с Реформацией, или, как выразился Мэтью Арнольд, “эллинизм вернулся в мир и снова стал перед лицом иудаизма, иудаизма обновленного и очищенного”¹⁰².

В этом смысле Французская революция была попыткой догнать лидеров коротким путем – попыткой построить нацию чужаков, создав мир братьев. Согласно Эрнесту Геллнеру, “Просвещение было не просто светским продолжением и воплощением Реформации. Оно стало попыткой нереформированных понять природу их отставания в свете успехов, достиг-

¹⁰¹ Иной взгляд на европейский канон содержится в: Harold Bloom. *The Western Canon: The Book and School for the Ages*. New York: Harcourt Brace & Company, 1994.

¹⁰² Arnold, *Culture and Anarchy*, 141.

нутых реформированными. *Philosophes* были аналитиками французской отсталости”¹⁰³. Франция – единственная европейская нация без освященного и неоспоримого национального поэта; единственная нация, чей национальный герой – рациональный Человек. Она – тоже племя, разумеется, с “прародителями галлами” и культом национального языка, – но серьезность ее гражданских обязательств уникальна в Европе. Рабле, Расин, Мольер и Гюго не смогли сместить Разум и вынуждены были – с большими для себя неудобствами – уживаться с ним и друг с другом.

С тех пор Англия и Франция представляют собой две модели национальной государственности: строительство собственного племени чужаков во главе с собственным бессмертным Бардом или борьба за полное и окончательное преодоление племенного строя. Английский путь к национализму был всеобщим первым выбором. Перед старыми “ренессансными нациями” с готовыми современными пантеонами и золотыми веками (Италия Данте, Испания Сервантеса, Португалия Камоэнса) стояла лишь меркурианская (“буржуазная”) половина задачи; новые протестантские нации (Голландия, Шотландия, Дания, Швеция и, возможно, Германия) могли не спеша искать подходящего барда; всем остальным пришлось воевать на двух фронтах и, когда приходилось туго, прибегать к французскому варианту. Романтизм был возрождением Ренессанса и порой лихорадочного сочинения библий. Тем, кто трудился в тени уже канонизированного национального божества (Вордсворту и Шелли, к примеру), пришлось довольствоваться статусом полубогов; перед другими все дороги были открыты. Новые романтические интеллигенции к востоку от Рейна выросли в атмосфере “ненависти к самим себе”, поскольку родились в эпоху заката христианского универсализма и быстро обнаружили, что принадлежат к бессловесным, единообразным и неизбранным племенам (а возможно, и к незаконнорожденным государствам). Петр Чаадаев говорил за всех, когда сказал о России:

Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя... Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили.

Слова его, по выражению Герцена, прогремели как “выстрел, раздавшийся в темную ночь”, и вскоре все проснулись и взялись за дело. Гете, Пушкин, Мицкевич и Петефи стали национальными Мессиями при жизни и были официально канонизированы вскоре после смерти. На свет появились новые современные нации: несомненно избранные, а значит, бессмертные, готовые взяться за Историю вообще и Век Меркурианства в частности¹⁰⁴.

Евреи, которые хотели жить в мире равных и неотчуждаемых прав, должны были присоединиться к одной из таких традиций. Чтобы стать членом нейтрального сообщества, необходимо было принять национальную веру. Большинство евреев так и поступили, причем в гораздо больших количествах, чем те, кто принял христианство, потому что признание Гете Спасителем не казалось вероотступничеством, а смена культурной принадлежности была более осмысленным и достойным актом, чем крещение. После победы национализма и установления национальных пантеонов христианство стало формальным пережитком или частью национальной мифологии. Можно было быть хорошим немцем или венгром, не будучи хорошим христианином (а в идеально либеральной Германии или Венгрии религия в традиционном смысле

¹⁰³ Ernest Gellner. *Plough, Sword and Book: The Structure of Human History*. Chicago: University of Chicago Press, 1989, 115. См. также его *Nations and Nationalism*, passim.

¹⁰⁴ П. Я. Чаадаев. *Избранные сочинения и письма* (М.: Правда, 1991), 27, 32. См. также: Peter Uwe Hohendahl. *Building a National Literature: The Case of Germany, 1830–1870*. Ithaca: Cornell University Press, 1989, esp. 140–73.

стала бы частным делом, “отделенным от государства”), но нельзя было быть хорошим немцем или венгром, не поклоняясь национальному канону.

Это и была настоящая новая церковь: церковь, которую невозможно отделить от государства, не лишив государство всякого смысла; церковь, которая тем более мощна, что ее принимают как должное; церковь, в которую евреи могли вступить, полагая, что они пребывают в нейтральном пространстве и поклоняются Равенству и Прогрессу. В США иммигрант-еврей мог стать американцем “Моисеевой веры”, поскольку американская государственная идеология не основана на общности происхождения и культе народности. В Центральной и Восточной Европе начала XX века это было немыслимо, потому что национальная вера сама была “Моисеевой”.

Войдя в новую церковь, евреи приступили к молитве. Поначалу популярным был немецкий обряд, однако с укреплением других национальных канонов многие евреи обратились в венгерскую, русскую и польскую веру. Книжный шкаф Осипа Мандельштама воспроизводит эту историю хронологически, генеалогически (через судьбу отца и матери) и, с точки зрения русского поэта, иерархически:

Нижнюю полку я помню всегда хаотической: книги не стояли корешок к корешку, а лежали как руины: рыжие Пятикнижия с оборванными переплетами, русская история евреев, написанная неуклюжим и робким языком говорящего по-русски талмудиста. Это был повергнутый в пыль хаос иудейский...

Над иудейскими развалинами начинался книжный строй, то были немцы: Шиллер, Гете, Кернер – и Шекспир по-немецки, – старые лейпцигско-тюрингские издания, кубышки и коротышки в бордовых тисненых переплетах, с мелкой печатью, рассчитанной на юношескую зоркость, с мягкими гравюрами, немного на античный лад: женщины с распущенными волосами заламывают руки, лампа нарисована как светильник, всадники с высокими лбами, и на виньетках виноградные кисти. Это отец пробивался самоучкой в германский мир из талмудических дебрей.

Еще выше стояли материнские русские книги – Пушкин в издании Исакова – семьдесят шестого года. Я до сих пор думаю, что это прекрасное издание, оно мне нравится больше академического. В нем нет ничего лишнего: шрифты располагаются стройно, колонки стихов текут свободно, как солдаты летучими батальонами, и ведут их, как полководцы, разумные, четкие годы включительно по тридцать седьмой. Цвет Пушкина? Всякий цвет случаен – какой цвет подобрать к журчанию речей?¹⁰⁵

Любовь эмансипированных евреев к Гете, Шиллеру и прочим пушкиным – а также к северным лесам, которые они представляли, – была искренней и нежной. (Германия отличалась тем, что имела “богов-близнецов”, как называл их Мандельштам. Они и поныне вместе – в их веймарском мавзолее.) “Ночами вижу я Германию / И нет мне сна”, – писал Гейне в своем парижском изгнании, – и не только с иронией. “Разве мы не выросли на германских легендах? – спрашивал Мориц Гольдштейн более полувека спустя. – Разве не шумит в нас германский лес?” Ответом было “да”: в еврейских домах Германии и далеко за ее пределами полки с Шиллером стояли рядом с “рыжими Пятикнижиями с оборванными переплетами” – и всё чаще над ними. Любовь эта была такой страстной, а отождествление – настолько полным, что скоро евреи начали преобладать среди жрецов национальных культов: как поэты, актеры, живописцы,

¹⁰⁵ Осип Мандельштам. *Сочинения в двух томах*, т. 2. М.: Художественная литература, 1990, 14–15.

читатели, толкователи и хранители. “Мы, евреи, управляем духовным достоянием” Германии, писал Мориц Гольдштейн¹⁰⁶.

Роль евреев в управлении духовным достоянием Германии создавала некоторые трудности. Прежде всего потому, что Германия не исчерпывалась духовным достоянием. По словам Гершома Шолема, “для многих евреев встреча с Фридрихом Шиллером была более реальной, чем встреча с настоящими немцами”. Но кто такие настоящие немцы? Согласно Францу Розенцвейгу, это “налоговый инспектор, студент-бурш, мелкий чиновник, тупой крестьянин, педантичный школьный учитель”. Желая стать немцами должны были – если смели и умели – присоединиться к ним, слиться с ними, стать ими¹⁰⁷. “Мы узнаем русский народ по его культуре, – писал в 1903 году Владимир Жаботинский, – главным образом по его писателям, то есть по лучшим, высшим, чистейшим проявлениям русского духа”.

И именно потому, что быта русского мы не знаем, не знаем русской обыденщины и обывательщины, – представление о русском народе создается у нас только по его гениям и вождям, и картина, конечно, получается сказочно прекрасная. Не знаю, многие ли из нас любят Россию, но многие, слишком многие из нас, детей еврейского интеллигентного круга, безумно и унизительно влюблены в русскую культуру, а через нее и в весь русский мир¹⁰⁸.

Это, если воспользоваться выражением Сиднея Болкоски, “искаженное изображение”. Не только потому, что “глупый Иван” оставался – по крайней мере в местечках – главным еврейским представлением об их нееврейских соседях, но и потому, что налоговые инспекторы, мелкие чиновники и тупые крестьяне и сами только-только начали узнавать, кто их гении и за что их любить.

Значение национализма и назначение государственных систем всеобщего образования состоит в том, чтобы убедить состоящих в неопределенном родстве сельских аполлонийцев, что они принадлежат к избранному племени, которое гораздо больше, чем местное сообщество совместных обрядов и обедов, и гораздо меньше, чем более или менее универсальное христианство с бесчисленными ближними. Налоговые инспекторы, мелкие чиновники и тупые крестьяне должны были усвоить – заодно с еврейскими детьми, о которых писал Жаботинский, но с гораздо большим трудом, – что “весь русский мир” является отражением русской культуры и что у русской культуры, как у любой другой, есть свои фольклорные истоки, свой золотой век, свой Шекспир и – не в последнюю очередь – свое могучее государство, которое все это славит и защищает. Никто не любил “обыденщину” и “обывательщину” ради них самих, и никто не собирался превращаться в тупого крестьянина (разве что в летнее время, во время студенческих каникул).

Выходцам из “интеллигенции” было так же трудно слиться с “народом”, как беженцам из гетто, поскольку и те и другие привыкли смотреть на “настоящих немцев” глазами Фридриха Шиллера. Тем временем “народ” скреб затылок, недоумевая, как сочетать подлинность с образованностью. Национализм, подобно всем великим религиям, основывается на абсурдной доктрине, и так уж получилось, что две зоны высокой культуры, в которых жило большинство европейских евреев, не сумели к ней приспособиться. В Германии налоговый инспектор, сту-

¹⁰⁶ Grunfeld, *Prophets without Honor*, 6 (“Denk ich an Deutschland in der Nacht / Dann bin ich um den Schlaf gebracht”); Гольдштейн цит. по: Michael Löwy. *Redemption and Utopia: Jewish Libertarian Thought in Central Europe*. Stanford: Stanford University Press, 1992, 31, и Friedlander, *Nazi Germany and the Jews*, 78; Beller, *Vienna and the Jews*, 150–151. См. также: Janos, *The Politics of Backwardness*, 117–118.

¹⁰⁷ Gershom Scholem. *On Jews and Judaism in Crisis: Selected Essays*. New York: Schocken Books, 1976, 79; Beller, *Vienna and the Jews*, 151; Розенцвейг цит. по: Sidney M. Bolkosky. *The Distorted Image: German Jewish Perceptions of Germans and Germany*, 1918–1935. New York: Elsevier, 1975, 16.

¹⁰⁸ Владимир (Зеев) Жаботинский. *Избранное*. Jerusalem: Biblioteka Aliia, 1992, 28.

дент-бурш, мелкий чиновник, педантичный школьный учитель и тупой крестьянин восстали против невозможных требований современности, отождествив их с евреями и учинив самый жестокий в истории человечества погром; в России выходцы из интеллигенции (многие из них евреи) пришли к власти и попытались воплотить в жизнь бескомпромиссный вариант “французской модели”, учинив самое жестокое в истории человечества избиение налоговых инспекторов, студентов-буршей, мелких чиновников, педантичных школьных учителей и тупых крестьян. Особенно тупых крестьян.

Главная трудность для евреев состояла не в том, что они слишком сильно любили Пушкина (невозможно жить в России и слишком сильно любить Пушкина), а в том, что у них это слишком хорошо получалось. Это была та же трудность, с которой столкнулись еврейские врачи, юристы и журналисты, – только на этот раз речь шла о “духовном достоянии нации”. Согласно Жаботинскому, в Одессе накануне Первой мировой войны евреи “очутились в роли единственных публичных носителей и насаждателей русской культуры” и чествовали Пушкина “в полном одиночестве”. Нечто похожее происходило в Вене и Будапеште. К их собственному удивлению и тайной гордости, евреи вышли в первые ряды специалистов по исцелению вчерашних аполлонийцев. Способствуя распространению либерализма, они восприняли национальные каноны, а культивируя национальные каноны, они подрывали основы и либерализма, и собственного положения. Пушкин, Мицкевич, Гете, Шиллер, Петефи и их преемники преобразовали легендарное племенное прошлое в современные высокие культуры, жизненно необходимые законным наследникам этого прошлого. Евреи не могли претендовать на особое место в племенной генеалогии и потому казались самозванцами. Закончим цитату из Морица Гольдштейна: “Мы, евреи, управляем духовным достоянием народа, который не признает наше право на это”¹⁰⁹.

Чем категоричнее был отказ в признании, тем больше бросалось в глаза еврейское происхождение “управляющих”, многие из которых не собирались становиться немцами на немецких условиях. Как сказал в 1919 году Ойген Фукс, президент крупнейшей в Германии еврейской организации,

мы немцы и хотим остаться немцами и добиться здесь, в Германии, на немецкой земле, полного равноправия, независимо от наличия у нас особых еврейских черт... Кроме того, мы стремимся к внутреннему возрождению, к ренессансу иудаизма, а не к ассимиляции. И мы стремимся с гордостью хранить верность нашим особенностям и нашему историческому развитию¹¹⁰.

Слова Фукса проясняют парадокс, содержащийся в названии его организации: *Zentralverein für deutsche Staatsbürger jüdischen Glaubens*, или Центральная ассоциация немецких граждан еврейской веры. Быть немцем, не разделяя немецкого “исторического развития”, так же трудно, как быть иудеем, не будучи евреем.

Впрочем, неспособность или нежелание быть немцем в Германии или русским в России составляла лишь половину проблемы, поскольку большинство евреев Центральной и Восточной Европы жило не среди немцев или русских. На рубеже XX века большинство евреев Центральной и Восточной Европы были “носителями и пропагандистами” немецкой культуры среди чехов, латышей и румын; мадьярской – среди румын, словаков и украинцев; русской – среди украинцев, белорусов, литовцев и поляков; и польской – среди украинцев, литовцев и белорусов (и это сильно упрощенная схема). Евреи вступали в союзы с мощными государствами и сплоченными элитами, потому что таков был их путь к Прогрессу; большинство их соседей противились этим государствам и элитам – а значит, и евреям, – поскольку они

¹⁰⁹ Там же, 160; Гольдштейн цит. по: Friedlander, *Nazi Germany and the Jews*, 78.

¹¹⁰ Bolkosky, *The Distorted Image*, 13.

шли к Прогрессу другим путем. Пока евреи поклонялись Гете-Шиллеру и Пушкину, их давние аполлонийские клиенты учились любить Тараса Шевченко и мечтали о собственном государстве-избавителе. К традиционной неприязни аполлонийцев к меркурианцам добавилось возмущение еврейским союзом с чужим национальным государством и еврейской монополией на профессии, которыми все больше аполлонийцев хотели заниматься сами. Словаки, перебираясь в города, находили там евреев, занимающих завидные места и упорствующих в своем желании говорить по-немецки или по-венгерски. Тайный язык меркурианских ремесел сменился тайным языком враждебной современности. То, чего нельзя было добиться при помощи погромов, уговоров и конкуренции, должно было учредить “собственное” государство.

Еврейский век был также веком антисемитизма. Благодаря своей меркурианской выучке евреи преуспевали в профессиях, которые являлись источником статуса и власти в современном государстве; благодаря своему меркурианскому прошлому они были чужеземцами, которым не было места в центрах власти современного государства. Это был совершенно новый “еврейский вопрос”: в традиционном обществе аполлонийцы и меркурианцы жили в отдельных мирах, организованных в соответствии с их различными экономическими ролями; их взаимозависимость и взаимное презрение основывались на постоянном воспроизводстве этих различий. По мере того как все они перебирались в одно место, не становясь взаимозаменяемыми, презрение возрастало в обратной пропорции к взаимозависимости. Впрочем, симметрии не получилось: аполлонийцы желали занять места меркурианцев и “владели” национальным государством. Чем более успешным было превращение евреев в немцев и венгров, тем заметнее становилась их роль в элите и их чуждое происхождение (“скрытое” и оттого особенно вредоносное). Но даже когда это превращение – или маскировка – было безусловно удачным, нескончаемый приток иммигрантов с востока, с их тайным языком, характерной внешностью и традиционными занятиями, не позволял забыть о первородном грехе. Евреи ассоциировались с обеими сторонами современности – капитализмом и национализмом. Как капиталисты и профессионалы, они казались незримой рукой, которая правит враждебным миром; как “управляющие национальными культурами”, они казались самозванцами.

“Еврейский вопрос” был не просто вопросом, который (бывшие) христиане задавали евреям; он был вопросом, с которым (бывшие) евреи обращались к себе и к своему еврейству. Подобно другим новым интеллигенциям, не имевшим национального канона и собственного государства, “просвещенные” евреи с тоской смотрели на свое национальное прошлое. В 1829 году Чаадаев, пророк национального отчаяния, писал:

Мы... явившись на свет, как незаконнорожденные дети, лишенные наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из наставлений, вынесенных до нашего существования. Каждому из нас приходится самому искать путей для возобновления связи с нитью, оборванной в родной семье¹¹¹.

На рубеже XX века многие еврейские авторы думали о своем происхождении примерно так же. Согласно Отто Вейнингеру, у еврея нет ни “внятного свободного эго”, ни “подлинного знания самого себя”, ни “индивидуального чувства рода”, ни, в конечном счете, “души”¹¹². А в 1914 году Иосиф Хайим Бреннер писал:

У нас нет никакого наследства. Каждое поколение не оставляет своим преемникам ничего своего. А то, что передается – талмудистская литература, – лучше бы не передавалось вовсе... Мы живем без среды обитания, мы полностью оторваны от любой среды... Наша задача – осознать и признать

¹¹¹ Чаадаев, *Избранные сочинения*, 28.

¹¹² Otto Weininger. *Sex and Character*. London: William Heinemann, 1907, 308, 313.

наше убожество от сотворения мира до сегодняшнего дня, недостатки нашего характера, а затем воспрянуть и начать все сначала¹¹³.

“Ненависть к самому себе” есть низшая и первая стадия национальной гордости. Чаадаев, Вейнингер, Бреннер и многие им подобные, евреи и неевреи, были пророками, напомним своим народам об их избранности. “Вол знает владетеля своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не понимает” (Исайя 1: 3). Все трое были мучениками: Чаадаева объявили сумасшедшим, Вейнингер покончил с собой, Бреннер был убит в Палестине. Все трое пострадали во имя национального спасения – включая Вейнингера, чье отрицание казалось столь бескомпромиссным:

Христос был евреем именно в том, что преодолел в Себе иудаизм, ибо тот, кто торжествует над глубочайшими сомнениями, достигает наивысшей веры; тот, кто возвышается над самым безутешным отрицанием, добивается самого неколебимого утверждения¹¹⁴.

Но в чем спасение светского еврея? Через год после публикации “Первого философического письма” Пушкин был убит на дуэли, и Россия обрела национального поэта и культурную легитимность, а с ними богатое наследие и блестящее будущее. Большинству еврейских интеллигентов националистический выбор (предложенный сионистом Бреннером) не представлялся ни возможным, ни желательным. Не придется ли им идти вспять (прочь от прогресса)? И кому охота превращаться в тупых крестьян – тем более теперь, когда сами крестьяне готовы признать ошибочность своего образа жизни? Некоторые попробовали (поставив вопрос иначе), но большинство продолжало трагическую борьбу с различными версиями европейского Просвещения. Любовь евреев к Пушкину не стала взаимной: чем больше они его любили, тем меньше нравились ему.

Несмотря на свои успехи – по причине своих успехов, – светски образованные дети еврейских предпринимателей чувствовали себя в полном одиночестве. Поступая по-веберовски (“аскетически рациональным” образом), многие из них обнаружили, что попали в невозможное – и, возможно, уникальное – положение. Лишившись членства в собственном племени и не получив пропуска в новые аполлонийские клубы, они стали единственными подлинно современными людьми.

* * *

Евреи символизировали несовершенства современности наряду с ее достижениями. Еврейство и экзистенциальное одиночество стали синонимами или, по крайней мере, интеллектуальными союзниками. Модернизм был не более еврейским, чем “вырожденческим”, но еврейство стало одной из главных его тем и муз.

Модернизм был возрождением романтизма; следующей после него прометеевской, пророческой революцией. (Реализм не предложил радикально обновленного мира и не вышел из тени романтизма.) Кандидаты в бессмертие снова принялись преодолевать историю и изобретать человека посредством обновления Гомера и Библии. Но на этот раз речь шла о внутренней одиссее в поисках утраченного “я”: об исповеди и, быть может, спасении Вечного Жида как человека из подполья. Модернизм был бунтом против обеих ипостасей современности, и никто не изобразил его лучше еврейского сына, который отверг капитализм и клановость отца и остался совсем один в мире меркурианского изгнания и меркурианской рефлексии.

¹¹³ Joseph Hayyim Brenner, *Self-Criticism*, in Arthur Hertzberg, ed. *The Zionist Idea: A Historical Analysis and Reader*. New York: Atheneum, 1959, 307–312.

¹¹⁴ Weininger, *Sex and Character*, 328.

Из трех канонических голосов этой революции один принадлежит Францу Кафке, который определил – и проклял – своего отца-коммерсанта как члена “того переходного поколения евреев, которое переселилось из относительно еще набожных деревень в города” и не сумело сохранить, а тем более передать детям никакого осмысленного иудаизма за исключением “нескольких неубедительных телодвижений”. Согласно его Эдипову доносу (жанр, который другой современный еврейский пророк сделает обязательным), “часто овладевающее мною сознание собственного ничтожества (сознание, в другом отношении, безусловно, благородное и плодотворное) в значительной мере является результатом Твоего влияния”. Неумышленно, но “безвинно” отец создал идеального свидетеля грехопадения Человека.

Что у меня общего с евреями? – записал Кафка-младший в дневнике 8 января 1914 года. – У меня даже с самим собой мало общего, и я должен тихонько сидеть в углу, довольный тем, что еще могу дышать.

Ничего подобного он, разумеется, не сделал, потому что “чувство ничтожества” – то есть его еврейство – позволило ему “перенести этот мир в царство чистоты, истины и вечности”¹¹⁵.

Еще одним пророком одиночества и самолюбования был Марсель Пруст, внук еврейского финансиста и сын женщины, относившейся к своему либеральному образованию и утраченной религии с иронией, которую Марсель находил обаятельной. Обаятельной, но не неотразимой: в мире утраченного времени существуют две маргинальные “расы”, которые равным образом символизируют изменчивость и постоянство. Наделенные качествами, которые делают человеческую природу “понятной” и “самоочевидной”, евреи и “извращенцы” лучше других носят маски, потому что обладают более узнаваемыми лицами:

Они избегают друг друга, ищут общества людей, которые были бы им во всем противоположны и которые не желают с ними общаться; они прощают им их грубости и безмерно радуются их благосклонности; вместе с тем они окружают себя такими же, как они, потому что их преследуют, потому что их срамят, и в конце концов у них вырабатываются, как у евреев и тоже как следствие гонений, физические и душевные расовые особенности, причем некоторые из них прекрасны, но чаще всего это черты отвратительные; они (несмотря на насмешки, которыми те, кто ближе сошелся, ассимилировался с другой породой и на вид представляется менее извращенным, донимают тех, в ком ярче выражены черты их породы) отдыхают в обществе им подобных, им легче становится жить от мысли, что те существуют, и все же они отрицают свою принадлежность к этой породе (самое ее название является для них величайшим оскорблением), им нравится разоблачать тех, кто эту свою принадлежность скрывает¹¹⁶.

Когда Сван постарел и ослаб, его “чувство нравственной солидарности с другими евреями – солидарности, о которой Сван всю свою жизнь как будто бы забывал”, стало понятным и самоочевидным:

Нос Свана – нос Полишинеля – в течение долгого времени остававшийся незаметным на привлекательном лице, теперь казался огромным, распухшим, багровым – такой нос скорее мог быть у старого иудея, чем у любопытного Валуа.

¹¹⁵ См. *Letter to His Father* и *Selections from Diaries*, 1911–1923, в: *The Basic Kafka*. New York: Washington Square Books, 1979, 217, 191, 259, 261. См. также: Erich Heller's introduction, xviii.

¹¹⁶ Марсель Пруст. *Содом и Гоморра*. М.: Художественная литература, 1987, 35.

Нос Свана был его силой и проклятием. Как пишет Ханна Арендт в пассаже о прустовских поисках,

еврейство было для отдельного еврея и физическим пятном, и таинственной личной привилегией, причем и то и другое было частью “расового предопределения”¹¹⁷.

Но главным евангелистом модернизма обыкновенно называют панъевропейского воспитанника ирландских иезуитов. В качестве одиссеи изгнания и хитроумия “Улисс” спорит с Библией, “Гамлетом” и прочими божественными комедиями от “Дон Кихота” до “Фауста”, следуя по стопам странствующего еврея “половинка на половинку” Леопольда Блума, чей сын мертв, жена неверна, а бродяга-отец (торговец, шинкарь и, возможно, “мошенник” из венгерской деревни Субботица) сменил имя, перешел в протестантство и – чтобы не показалось мало – покончил с собой. Блум – “общечеловек”, потому что он – современный Улисс, а современный Улисс должен быть евреем: “Жидогрек – это грекожид”. Или, вернее, современный Улисс – это *современный* еврей, исполненный меланхолии, но не готовый извиняться за то, что предпочел Разум Иерусалиму и “относился без уважения” к таким “обычаям и верованиям”, как

запрет употреблять мясо и молоко за одной трапезой, еженедельные прения путано отвлеченных, неистово приземленных, расчетливых со-экс-единоверцев экс-соотечественников; обрезание младенцев мужского пола; сверхъестественный характер иудейского Писания; непроизносимость тетраграмматона; священность субботы¹¹⁸ (U17: 1894–1901).

Трижды обращенный, Блум остается меркурианцем среди аполлонийцев (Одиссеем среди чудовищ и полубогов). Он “не выносит свиней за столом”, порицает пьянство, “смывается” при виде разгула, осуждает смертную казнь, клеймит “насилие и нетерпимость в любом их виде”, ненавидит “патриотизм пропойц” и твердо знает, что “у кого слабое сердце, то ему силовые упражнения вредны”. Он “образец нового типа – женственного мужчины”: человек ненасытного красноречия и любопытства, странствующий в поисках просроченного времени, научного знания, личного обогащения и повсеместного внедрения “большей сердечности между людьми”. Он и хитроумный Одиссей Гомера, и трагический Улисс Данте – и Дон Кихот, и Фауст. Как говорит один из его друзей и мучителей, он – “отпавший еврей” (U8: 696, 979; U16: 1099–1100, U15: 1692; U12: 891–893; U15: 1798; U16: 1136–1137; U12: 1635).

Но Блум не единственный меркурианец в преисподней современного Дублина. Похоронив сына и предав отца, он обретает бессмертие, служа Вергилием будущему автору ирландского “национального эпоса”. Современный пророк как юный художник, Стивен Дедал знает, что Слово предшествует избранному народу:

Вы подразумеваете... что я приобретаю важность, оттого что принадлежу *faubourg Saint Patrice*, в кратком наименовании Ирландии... А я подразумеваю... что Ирландия приобретает важность, оттого что принадлежит мне (U16: 1160–1165).

Стивен и Ирландия (и Блум) обретут бессмертие, когда он напишет своего “Улисса”. Чтобы выполнить свою миссию, Стивен обязан отречься от матери, презреть Бога, уйти из дома и принять Блума как своего отца и спасителя. Они нуждаются друг в друге, а Ирландия нуждается в них обоих:

¹¹⁷ Там же, 104; Arendt, *The Origins of Totalitarianism*, 82.

¹¹⁸ *Ulysses* цитируется по изданию: James Joyce. *Ulysses*, ed. by Hans Walter Gabier with Wolfhard Steppe and Claus Melchior. New York: Vintage Books, 1986. Первая цифра обозначает главу, вторая – строку. Русский вариант – по пер.: С. Хоружий, В. Хинкис (М.: Терра, 1997).

Стивен открыто не соглашался с мнением Блума относительно важности диетического и гражданского самоусовершенствования, Блум же не соглашался молчаливо с мнением Стивена относительно вечного утверждения человеческого духа в литературе (U17: 28–30).

Оба были неправы, и оба знали это. В конце их Одиссеи Блум примирится со своей католической Пенелопой, а Стивен окажется миропомазанным в Одиссеи (“отпавшие евреи”). Каковы были, если свести их к простейшей обоюдной форме, мысли Блума относительно мыслей Стивена о Блуме и мысли Блума относительно мыслей Стивена относительно мыслей Блума о Стивене?

Он думал что он думал что он еврей и он знал что он знал что он знал что он не был им (U17: 527–532).

А может быть, он знал, что он знал, что они ими были. Стивен был усыновлен (и символически зачат) Блумом, а Блум имел (в качестве “эндемической особенности”) нос Свана – и знал, что Стивен знает, что он это знает. Строение его “назальной и фронтальной областей” отвечало прямой линии наследственности, которая, хотя и прерываемая, проявлялась в отдельных звеньях вплоть до самых отдаленных звеньев” (U17: 872–874).

Но сможет ли Стивен, сын Блума, создать ирландский национальный эпос? “Улисс” (его творец и творение, и тем самым тоже некоторым образом Блум) отвечает на этот вопрос вполне двусмысленно. Модернистская Библия Джойса признается таковой (см. метод цитирования и толкования), но кто ее избранный народ, помимо двух общечеловеков, не совершенно “глухих к художественным впечатлениям” и скептически настроенных в отношении “многих общепринятых религиозных, национальных, социальных и нравственных доктрин”? (U17: 20–25). Попытка Блума вступить в серьезный диалог со “свирепым троглодитом” народного патриотизма в трактате Барни Кирана была очевидным безумием, и ни Стивен Дедал, ни Джеймс Джойс не собирались повторять его ошибку. “Улисс” написан Одиссеем, а не Гомером.

И наконец, загадка *lingua Adamica*. “Улисс” (по большей части непереводимый) посвящен английскому языку в не меньшей степени, чем Улиссу. Глава о зачатии и созревании Стивена – одновременно история английской литературы, а Блум-отец – одновременно Шекспир или тень отца Гамлета. Библия абсолютной неприютности – в то же время страстная, двусмысленная и по большей части безответная ода ограниченному языковому сообществу:

“Нашим молодым ирландским бардам, – суровым цензором продолжал Джон Эглинтон, – еще предстоит создать такой образ, который мир поставил бы рядом с Гамлетом англосакса Шекспира, хоть я, как прежде старина Бен, восхищаюсь им, не доходя до идолопоклонства” (U9: 43).

Вполне возможно, что они его создали – и сами стали такими образами, – но что бы они ни делали, им суждено жить в мире, который сотворил и описал Шекспир. Гамлету, может быть, и пришлось потесниться, но идолопоклонники Пушкина и Сервантеса лишь пожалы плечами.

* * *

Национализм – главное утешение аполлонийской одиссеи и бич еврейской эмансипации – был не единственной современной религией. Существовали и две другие, имевшие по преимуществу еврейское происхождение: марксизм и фрейдизм. Обе вступили в бой с национализмом на его собственной территории, предложив способы преодоления нового меркурианского одиночества (и в конечном счете трагизма земной жизни); обе противопоставили дедовской клановости научный путь к искуплению; обе предлагали альтернативную легитими-

зацию современных государств (социалистическую и либеральную); и обе превзошли национализм в способности определить источник мирового зла и гарантировать спасение.

В теории марксизма первородный грех разделения труда приводит к отчуждению продукта, порабощению людей их собственными творениями и падению человечества в пучину страдания и ложного сознания. Однако само это падение и служит гарантией спасения, ибо История неизбежно порождает общественный класс, экзистенциальное одиночество которого ведет к жертвенному искуплению всего человечества. Свободная воля и историческое предназначение пролетариата сольются в апокалиптическом бунте против истории, чтобы породить коммунизм, то есть окончательное преодоление отчуждения, несправедливости и времени. Дракон современности освобождает свои жертвы, пожирая себя.

Фрейдизм помещает первородный грех в отдельную личность, постулируя демоническое, неуловимое и неуничтожимое “подсознание”. Спасение, или восстановление целостности, сводится к преодолению отчуждения между эго и либидо и достижению внутреннего покоя. “Разрегулированные” индивиды по определению одержимы бесом подсознательного и неспособны к самоисцелению. Только специально обученные профессионалы могут укротить (но не изгнать!) буйствующее подсознание, и только открытые анализу пациенты сохраняют надежду на исцеление. Терапевтический сеанс сочетает в себе черты христианской исповеди и врачебной консультации, но отличается от них обоих тем, что грешник/пациент не обладает ни свободой воли, ни разумом. “Недуг современности” является болезнью, от которой можно излечиться. И болезнь, и лечение суть иконы нового времени: больной – одинокая личность, а целитель – дипломированный специалист, обращение к которому – единственный неопровержимо рациональный поступок в жизни больного. Результатом является индивидуальное, рыночное, земное спасение¹¹⁹.

И марксизм, и фрейдизм были организованными религиями с собственными храмами и священными текстами, а оба пророка были истинными мессиями в том смысле, что пребывали вне времени и не уместались в рамки своих учений. Маркс познал Историю задолго до того, как История познала себя, а Фрейд стал единственным человеком, достигшим – подобно Будде – спонтанного самопознания (посредством героического акта самоисцеления, сделавшего дальнейшие исцеления возможными). И марксизм, и фрейдизм решали проблему современности, обращаясь к вечности; оба сочетали язык науки с обещанием спасения, и оба породили всеобъемлющие идеологии, гарантировавшие доступ к тайным пружинам человеческих поступков. Один предвидел и приветствовал кровавое самоубийство универсального меркурианства; другой учил одержимых, как к нему приспособиться (поскольку ничего другого не оставалось). Ни тот ни другой не выжили в Центральной Европе, где оба зародились: один отправился на восток, чтобы стать официальной религией атеистического государства; другой перебрался в Соединенные Штаты, чтобы укрепить шаткую демократическую гражданственность. Либерализм всегда использовал национализм, чтобы придать больше красок и легитимности своим бледным просвещенческим принципам; в Америке, где общенациональные племенные метафоры не могли опираться на теорию общности происхождения, фрейдизм пришелся очень кстати. Наряду с попытками примирить личный эгоизм с общими интересами посредством формальных сдержек и противовесов, государство взялось за исцеление душ граждан. Это не было радикальным нововведением (как объяснил, давась словами, Фуко), но дело много выиграло от психоаналитической революции. Терапевтическое государство, распределяющее духовные блага наряду с социальным обеспечением, родилось в то же время, что

¹¹⁹ Лучшие книги о марксизме и фрейдизме: Leszek Kolakowski. *Main Currents of Marxism: Its Rise, Growth, and Dissolution*. Oxford: Clarendon Press, 1978; Ernest Gellner. *The Psychoanalytic Movement, or The Cunning of Unreason*. London: Paladin Grafton Books, 1988.

и его два брата-урода: гитлеровское *Volksgemeinschaft* и сталинское “в основном построенное” социалистическое государство.

Марксизм и фрейдизм могли состязаться с национализмом, потому что оба скрепя сердце приветствовали универсальное меркурианство. Фрейд поставил Ницше с ног на голову, предположив возможность построения гладко функционирующего общества хорошо обученных суперменов. Это было не общество рабов или даже веберовских “специалистов без души”: это был мир “свободы как осознанной необходимости”. Что до Маркса, то коммунизм был не только отпрыском раскованного Прометея капитализма, зачатым во грехе и рожденным в муках, но и воплощением высшего буржуазного идеала и худшим кошмаром Ницше и Вебера – духом капитализма без капитализма, вечной работой ради нее самой. Маркс поставил с ног на голову традиционное аполлонийское представление о наказании и вознаграждении. Рай стал местом непрестанного, спонтанного, добровольного труда¹²⁰.

Подобно национализму (и христианству, объединившему Старый и Новый Заветы), марксизм и фрейдизм многим обязаны творческому потенциалу нравственного и эстетического дуализма. Марксистские режимы говорили на языке елисейской ностальгии, романтического бунтарства и вечной жизни, одновременно настаивая на жестком материализме и экономической обусловленности. Западные постиндустриальные государства пользуются фрейдистской номенклатурой во имя как цивилизации, так и ее издержек. С одной стороны, инстинкты всеильны и безжалостны (что плохо, потому что мы все их узники, или хорошо, потому что познать – значит обуздать и, возможно, получить удовольствие). С другой стороны, возможность лечения предполагает надежду на выздоровление (что хорошо, потому что разумная личность может словами победить несчастье, или плохо, поскольку дипломированные бюрократы могут лепить наши души на потребу бездушной цивилизации). Фрейдизм никогда не был официальной идеологией какого-либо государства, но наличие науки о душе очень помогло реальному капитализму победить своего социалистического конкурента.

И Фрейд, и Маркс вышли из буржуазных еврейских семей. Фрейд был немного более еврейским (его родители были *Ostjuden*, перебравшиеся из Галиции в Моравию), Маркс – немного более буржуазным (его отец, Гершель Леви, стал Генрихом Марксом, адвокатом, убежденным *Aufklärer* и номинальным христианином еще до рождения Карла). Каждый объясним в свете теории своего соперника: Фрейд стал великим спасителем буржуазии, а Маркс восстал против несовершенного мира, чтобы убить своего еврейского отца (и утверждал, что капитализм будет похоронен собственным детищем). “Какова мирская основа еврейства? – писал он, когда ему было 25 лет от роду. – *Практическая* потребность, корысть. Каков мирской культ еврея? *Торгашество*. Кто его мирской бог? *Деньги*. Отлично! Но в таком случае эмансипация от *торгашества* и *денег*, то есть от практического, реального еврейства, была бы самоэмансипацией нашего времени”. Иначе говоря,

еврей эмансипировал себя еврейским способом, он эмансипировал себя не только тем, что присвоил себе денежную власть, но и тем, что через него и помимо него *деньги* стали мировой властью, а практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов. Евреи настолько эмансипировали себя, насколько христиане стали евреями.

Следовательно:

Как только обществу удастся упразднить *эмпирическую* сущность еврейства, рынок и его предпосылки, еврей станет *невозможным*, ибо его сознание потеряет свой объект, субъективная основа еврейства, практическая

¹²⁰ Gellner, *Plough, Sword and Book*, 34–35.

потребность, очеловечится, и конфликт между индивидуально-чувственным бытием человека и его родовым бытием будет упразднен¹²¹.

Любое рассмотрение национальных истоков двух доктрин является по необходимости спекулятивным – как и различные теории, пытающиеся вывести их судьбы и особенности из иудейской традиции. Бесспорно, однако, что обе оказались чрезвычайно привлекательными для более или менее буржуазной еврейской аудитории: фрейдизм – для более буржуазной, марксизм – для более еврейской (т. е. говорившей на идише). Два пророчества наднационального спасения от современного одиночества были услышаны одинокими соплеменниками, не получившими прикрытия национализма.

Неудивительно, таким образом, что блуждающий еврейский вероотступник Леопольд Блум, который сражался с национализмом оружием расхожего либерализма (“Я бы желал, чтобы все люди, без различия вер и классов... имели бы скромный, но приличный доход” [U16: 1133–1134]), был в состоянии предвидеть “новый Блумсалим в Новой Гибернии будущего”:

Я стою за реформу городских нравов, за десять заповедей в их чистом виде. Старые горизонты сменяются новыми. Единение всех, евреев, мусульман и язычников. Три акра и корову каждому из детей природы. Катафалки-люкс на автомобилях. Физический труд, обязательный для всех. Парки должны быть открыты круглосуточно. Электрические посудомойки. Туберкулез, слабоумие, войны и нищенство воспрепятствуются. Всеобщая амнистия, еженедельный карнавал с разрешенными вольностями для масок, наградные для всех, всемирный язык эсперанто и всемирное братство. Довольно патриотизма пропойц и жуликов, раздутых водянойкой. Свободные финансы, свободная рента, свободная любовь и свободная гражданская церковь в свободном гражданском государстве (U15: 1685–1693).

Впрочем, по здравом размышлении – и в общей структуре “Улисса” – Блум отрекается от революции и ищет спасения в воссоединении со своей Пенелопой:

Оставались еще, как неотъемлемая часть человеческого целого, обстоятельства родовые, определяемые законами природы, кои отличны от человеческих: необходимость разрушения ради добычи пропитания; мучительный характер граничных актов индивидуального существования, агоний рождения и смерти; периодические менструации у самок приматов и (в частности) человека, происходящие в течение всего времени от достижения половой зрелости и до менопаузы (U17: 995–1000).

Фрейдовская наука была – согласно самому Фрейду – “еврейским семейным делом”; нееврей Юнг воспринимался как чужак и культивировался как *Paradegoy*¹²². Марксизм был намного более космополитичным, однако участие евреев в социалистическом и коммунистическом движениях (особенно в элите) было чрезвычайно значительным. Евреями были ведущие теоретики немецкой социал-демократии (Фердинанд Лассаль, Эдуард Бернштейн, Гуго Хаазе, Отто Ландсберг), а также практически все “австромарксисты” за исключением Карла Реннера (Рудольф Гильфердинг, Отто Бауэр, Макс Адлер, Густав Экштейн, Фридрих Адлер). Социалисты еврейского происхождения – в том числе создатель веймарской конституции Гуго Пройсс и премьер-министры Баварии (Курт Эйсер, 1918–1919), Пруссии (Пауль Гирш, 1918–1920) и Саксонии (Георг Граднауэр, 1919–1921) – были многочисленны в различных германских правительствах после поражения империи. То же справедливо в отношении коммунисти-

¹²¹ Marx, *On the Jewish Question*, 236, 237, 241. См. также: Cuddihy, *The Ordeal of Civility*, 119–120, 152–154 and passim; и Wistrich, *Socialism and the Jews*, 25–34 and passim.

¹²² Dennis B. Klein. *Jewish Origins of the Psychoanalytic Movement*. New York: Praeger, 1981, 93–94.

ческих восстаний 1919 года: среди “спартаковцев” выделялись Роза Люксембург, Лео Йогихес и Пауль Леви; баварскую “Советскую республику” возглавили Ойген Левине (после 13 апреля) и по меньшей мере семеро других комиссаров-евреев (включая Эрнста Толлера и Густава Ландауэра); а революционное правительство Белы Куна в Венгрии состояло почти полностью из молодых евреев (20 из 26 комиссаров или, если верить Р. У. Сетон-Уотсону, бывшему в то время в Будапеште, “все правительство за вычетом 2 человек и 28 из 36 специальных правительственных уполномоченных”)¹²³.

В период между двумя мировыми войнами еврейские теоретики, учителя, журналисты, пропагандисты и парламентарии продолжали играть важную роль в германской социал-демократии. Круг людей, сплотившихся вокруг *Die Weltbühne*, радикального журнала, клеймившего веймарские филистерство, милитаризм, шовинизм и общую тупость, был почти на 70 % еврейским. Как выразился Иштван Деак,

если оставить в стороне ортодоксальную коммунистическую литературу, большинство авторов которой были неевреями, то можно сказать, что за большую часть немецкой литературы левого толка отвечали евреи. *Die Weltbühne* не был в этом смысле исключением; евреи издавали и редактировали и другие левые интеллектуальные журналы и писали для них большую часть статей. Евреи играли решающую роль в пацифистском и феминистском движениях и в кампании за половое воспитание. Интеллектуалы левого крыла не просто “оказались в большинстве своем евреями”, как пытается уверить нас благонамеренная историография, – евреи создали левое интеллектуальное движение Германии¹²⁴.

Наиболее влиятельным (в конечном счете) левым интеллектуальным движением веймарской Германии была так называемая франкфуртская школа, все основные члены которой (Теодор В. Адорно, Вальтер Беньямин, Эрих Фромм, Макс Хоркхаймер, Лео Левенталь и Герберт Маркузе) вышли из буржуазных еврейских семей. Исполненные решимости сохранить надежду на спасение, но разочарованные нежеланием немецкого пролетариата хоронить капитализм (или, вернее, его желанием читать Маркса с самого начала и нападать непосредственно на евреев), они попытались объединить марксизм с фрейдизмом посредством психологизации нездоровых классов и коллективизации психоаналитической практики. “Критическая теория” родственна религии в том, что она постулирует наличие рокового разрыва между непредсказуемостью человеческого существования и возможностью полного самопознания и универсального совершенства; определяет первичный источник мирового зла (“реификация”, или порабощение человека псевдоприродными силами); предсказывает конечное преодоление истории через слияние свободы с необходимостью; и рождается как трансцендентное пророчество (поскольку критические теоретики не подлежат реификации).

Впрочем, само пророчество было лишено масштаба, мощи и пафоса его героических родителей: лидерство без толпы, фрейдизм без исцеления, марксизм без неотвратимости искупления. Критические теоретики не обещали изменить мир вместо того, чтобы объяснять его; они полагали, что мир можно изменить *посредством* его объяснения (при условии, что реи-

¹²³ Beller, *Vienna and the Jews*, 17; Niewyk, *The Jews in Weimar Germany*, 26–27; Friedländer, *Nazi Germany and the Jews*, 91–93; Kaznelson, *Juden im deutschen Kulturbereich*, 557–561; Mendelsohn, *The Jews of East Central Europe*, 95; István Deák, *Budapest and the Hungarian Revolutions of 1918–1919* // *Slavonic and East European Review* 46, № 106 (January 1968): 138–139; William O. McCagg, Jr. *Jews in Revolutions: The Hungarian Experience* // *Journal of Social History*, № 6 (Fall 1972): 78–105. Сетон-Уотсон цитируется по: Katzburg, *Hungary and the Jews*, 35.

¹²⁴ Deák, *Weimar Germany's Left-Wing Intellectuals*, 28–29. Полезную дискуссию, в т. ч. цитаты из Deák, см. в: Stanley Rothman and S. Robert Lichter. *Roots of Radicalism: Jews, Christians, and the New Left*. New York: Oxford University Press, 1982, 84–86. См. также: Niewyk, *The Jews in Weimar Germany*, 37–38; Kaznelson, *Juden im deutschen Kulturbereich*, 561–577, 677–686; Wistrich, *Socialism and the Jews*, 83–85 and passim.

фицированное сознание волшебным образом прозреет). В послевоенных американских университетах эта позиция оказалась продуктивной, но в Европе межвоенной поры она едва ли могла помочь осажденным противникам национализма.

Члены франкфуртской школы не желали обсуждать свои еврейские корни и не считали, что поразительное сходство их происхождения имеет отношение к истории их доктрин. Если их анализ антисемитизма является сколько-нибудь показательным, правильная процедура должна быть либо марксистской, либо фрейдистской, причем марксистские элементы (“буржуазный антисемитизм имеет конкретную экономическую причину: маскировку эксплуатации в производстве”) теснятся на заднем плане. Согласно Хоркхаймеру и Адорно, антисемитизм является “симптомом”, “галлюцинацией” и “ложной проекцией”, “относительно независимыми от своего объекта” и в конечном счете “несовместимыми с действительностью”. Это “средство не требующей усилий «ориентации» в холодном, чуждом и по преимуществу непостижимом мире”, используемое буржуазным “я” в качестве проекции собственных несчастий, “от реальных причин которого оно оторвано по причине отсутствия в нем способности к рефлексии”. Одной из причин этих несчастий является зависть к еврейскому носу – этому “физиогномическому *principium individuationis*, символу человеческой индивидуальности, начертанному на лице. Многообразные нюансы чувства обоняния воплощают архетипическую тоску по низшим формам существования, по непосредственному единению с окружающей природой, с землей и грязью. Из всех чувств обоняние – которое прельщается без объективизации – наиболее тесно связано с потребностью потеряться в «другом» и стать им”. Сам Марсель Пруст не сказал бы лучше¹²⁵.

Если использовать эту процедуру для рассмотрения борьбы Адорно и Хоркхаймера с их собственным еврейством, то лучшим симптомом представляется их анализ гомеровской “Одиссеи”, которую они (не упомянув “Улисса”) считали основополагающим мифом нового “я” – “схемой современной математики”, генезисом всепорабощающего Просвещения. Одиссей, писали они, является “прототипом буржуазной личности”, которая неизменно изменяет себе, обманывая других. Физически более слабый, чем мир, которому он противостоит, он “вычисляет степень самопожертвования” и олицетворяет обман, “возведенный в самосознание”. Герой “умеренности и здравого смысла” как высшей и последней стадии мифологического лукавства, он ограничивает себя, “чтобы продемонстрировать, что звание героя приобретает ценой унижения и укрощения инстинкта стремления к полному, универсальному и нераздельному счастью”. “Искаленный” собственной искусственностью, он преследует свои “атомистические интересы” в “абсолютном одиночестве” и “радикальной отчужденности”, не имея за душой ничего, кроме мифа об изгнании и семейного тепла. В нем (иначе говоря) чрезвычайно силен “семитский элемент”, а его поведение “схоже с поведением мелочного торговца”, который полагается на *ratio* в попытке разрушить “господствующую традиционную форму экономики”¹²⁶.

Лукавый одиночка – это уже *Homo oeconomicus*, для которого все приемлемые вещи одинаковы; следовательно, “Одиссея” – уже “Робинзонада”. И Одиссей, и Крузо, два потерпевших кораблекрушение мореплавателя, превращают свою слабость (слабость личности, оторванной от коллектива) в свою же социальную силу... Их бессилие в отношении природы уже играет роль идеологии социальной гегемонии. Беззащитность Одиссея

¹²⁵ Max Horkheimer and Theodor W. Adorno. *Dialectic of Enlightenment*. New York; Herder and Herder, 1927, 173, 187, 192, 197, 184; T. W. Adorno. *Prejudice in the Interview Material*, in Adorno et al., eds. *Authoritarian Personality*. New York: Harper and Brothers, 1950, 608, 618. О еврействе членов франкфуртской школы см. в: Martin Jay. *Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research 1923–1950*. Boston: Little, Brown and Company, 1973, 31–36.

¹²⁶ Horkheimer and Adorno, *Dialectic of Enlightenment*, 43–80, esp. 43, 50, 57, 61.

против морских валов – явление того же порядка, что и оправдание путешественником обогащения за счет туземных варваров¹²⁷.

Хитрый торговец Одиссей служит прототипом “иррационализма тоталитарного капитализма, чей способ удовлетворения потребностей обладает объективизированной формой, определяемой эксплуатацией, которая делает удовлетворение потребностей невозможным и ведет к истреблению человечества”. Маркс и Фрейд встречаются с Зомбартом (в который раз). Теоретики “буржуазной ненависти к себе” оказываются могильщиками слабости и лукавства своих отцов¹²⁸.

Но это еще не все. Являются нацисты, подобные Циклопу-людоеду, и Одиссей, “который называет себя Никто и подделывает приближение к природному состоянию для того, чтобы овладеть природой, падает жертвой *hubris*”. Неспособный умолкнуть, он навлекает на себя смерть, выбалтывая свою подлинную сущность слепому чудовищу и его гневному боже-ству-защитнику.

Такова диалектика красноречия. От античности до прихода фашизма Гомера обвиняли в пустословии как его героев, так и его повествовательных вставок. Есть, однако, нечто пророческое в том, что иониец Гомер показал свое превосходство над спартанцами прошлого и настоящего, изобразив участь, которую лукавый человек – посредник – навлекает на себя собственными словами. Речами, которые, хоть и вводят грубую силу в заблуждение, неспособны к самоограничению... Чрезмерная болтливость позволяет силе и несправедливости восторжествовать в качестве господствующего принципа, подталкивая тех, кого должно страшиться, к совершению самых страшных поступков. Мифическая непреодолимость слова в доисторические времена увековечена катастрофой, которую навлек на себя просвещенный мир. *Udeis* [Никто], который против собственной воли признается, что он – Одиссей, уже несет в себе особенности еврея, который, страшаясь смерти, тем не менее рассчитывает на собственное превосходство, которое страхом смерти и порождается; месть посредника осуществляется не только под конец буржуазного общества, но – как отрицательная утопия, к которой вечно клонится любая форма принудительной власти, – и в его начале¹²⁹.

Не вполне понятно, каким образом словоохотливые прародители “тоталитарного капитализма” навлекли на себя свое собственное уничтожение; насколько заслуженным – с учетом их склонности “к истреблению человечества” – было это уничтожение; и откуда мог взяться современный Циклоп, не ослепленный разумом Одиссея. Но, возможно, это и не задумывалось как история, антропология или нравственная философия. Возможно, это самокритическая теория. Возможно, их миссия состоит в том, чтобы “осознать и признать”, посредством речей, неспособных к самоограничению, “убожество” их предков, “а затем воспрянуть и начать все с начала”. Надеялись же они на то, что “еврейский вопрос может оказаться поворотным пунктом истории. Преодолев заболевание разума, проистекающее из самоутверждения, не сдерживаемого рефлексией, человечество могло бы развиваться из набора противостоящих друг другу рас в вид, который, оставаясь частью природы, является чем-то большим, нежели просто природа”.

Леопольд Блум не возражал:

¹²⁷ Там же, 61–62.

¹²⁸ Там же, 55.

¹²⁹ Там же, 68–69.

Все эти жалкие свары, по его скромному разумению, болезненно возбуждающие шишку воинственности или какую-то железу и совершенно ошибочно объясняемые мотивами чести и знамени, – на деле вопрос-то в них был чаще всего в денежном вопросе, который стоит за всем, в алчности и зависти, ведь люди ни в чем не знают предела (U16: 1111–1115)¹³⁰.

* * *

Чем бы ни были подобные заявления – видом самоутверждения или образцом рефлексии, – статистическая связь между “еврейским вопросом” и надеждой на превращение человечества в новый вид представляется довольно основательной. В Венгрии новые мадьяры еврейского происхождения были чрезвычайно многочисленны не только среди интеллектуалов социалистических убеждений, но и среди воинствующих коммунистов. В Польше “этнические” евреи составляли большинство основателей коммунистического движения (7 из примерно 10). В 1930-е годы от 22 до 26 % всех членов партии, 51 % коммунистической организации молодежи (1930), примерно 65 % всех коммунистов Варшавы (1937), 75 % членов пропагандистского аппарата партии, 90 % членов МОПР (Международной организации помощи революционерам) и большинство членов Центрального комитета были евреями. В Соединенных Штатах того же периода евреи (в основном иммигранты из Восточной Европы) составляли от 40 до 50 % членов Коммунистической партии и примерно такой же процент партийных вождей, журналистов, теоретиков и организаторов¹³¹.

Участие евреев в радикальных движениях начала XX века аналогично их участию в бизнесе и в свободных профессиях: большинство радикалов не были евреями, и большинство евреев не были радикалами, но доля радикалов среди евреев была в среднем намного выше, чем среди их нееврейских соседей. Одно из объяснений состоит в том, что никакие объяснения не нужны: в век универсального меркурианства традиционные меркурианцы обладают очевидными преимуществами перед аполлонийцами; интеллектуализм (“одаренность” и “рефлексия”) – такая же неотъемлемая часть меркурианства, как ремесленничество и ростовщичество; а в Центральной и Восточной Европе XIX и начала XX века большинство интеллектуалов (“интеллигентов”) были радикалами, потому что ни экономика, ни государство не могли вместить их в качестве профессионалов. Согласно Стивену Дж. Уитфилду, “если евреи были непропорционально радикальными, то, возможно, потому, что они были непропорционально интеллектуальными” – по причине либо традиционной чуждости, либо недавней маргинальности. Сам Уитфилд предпочитает “тезис Веблена” в формулировке Никоса Казандзакиса (автора среди прочего новых версий Библии и “Одиссеи”): “«Век революций» – это также «Еврейский век», поскольку евреи обладают замечательным качеством: неуспокоенностью, нежеланием прилаживаться к реальностям времени, умением бороться за избавление; восприятием каждого *status quo* и каждой идеи как душевной тюрьмы”. Иначе говоря, Маркс и Троцкий для политики – то же, что Шенберг и Эйнштейн для искусства и науки (“возмутители спокойствия” в терминологии Веблена). Как сказал Фрейд, “для того чтобы исповедовать веру в новую теорию, требуется готовность оказаться в положении одинокого оппозиционера – положении, с которым никто не знаком лучше еврея”¹³².

¹³⁰ Там же, 200.

¹³¹ Janos, *The Politics of Backwardness*, 177; Andrew Janos. *East Central Europe in the Modern World: The Politics of the Borderlands from Pre- to Postcommunism*. Stanford: Stanford University Press, 2000, 150–151; Jaff Schatz. *The Generation: The Rise and Fall of the Jewish Communists of Poland*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1991, 76, 96–97; Arthur Liebman. *Jews and the Left*. New York: John Wiley and Sons, 1979, 46–66.

¹³² Stephen J. Whitfield. *American Space, Jewish Time*. Hamden, Conn: Archon Books, 1988, 125; Grunfeld, *Prophets without*

“Маргинальность” – не единственное объяснение, равно приложимое к предпринимательству и революционности. Большинство теорий о склонности евреев к социализму ничем не отличались от теорий о склонности евреев к капитализму. Школа Ницше – Зомбарта была хорошо представлена самим Зомбартом (с особым упором на *ressentiment* [ревность и обиду]), а гипотезы о роли клановости и мессианства в истории еврейского предпринимательства были успешно пересажены на новую почву Николаем Бердяевым. Социализм, по Бердяеву, есть одна из форм “еврейского религиозного хилиазма, обращенного к будущему со страстным требованием и ожиданием осуществления тысячелетнего царства Божия на земле, наступления судного дня, когда зло будет окончательно побеждено добром, когда прекратятся несправедливость и страдания в земных судьбах человечества”. Никакой другой народ, по мнению Бердяева, не мог создать – и тем более принять в качестве руководства к жизни – видение, подобное тому, что явилось Исаяе:

Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи (Исаия 11: 6–8).

А если учесть, что для евреев свобода и бессмертие – понятия коллективные, а коллективное избавление (в этом мире!) должно стать следствием сознательных усилий в сочетании с божественным предопределением, то в происхождении марксизма не остается сомнений:

К. Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения все той же древней библейской темы: в поте лица своего добывай хлеб свой... Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский, как избранный народ Божий, К. Маркс переносит на класс, на пролетариат¹³³.

Или наоборот. Дело не в том, – утверждает Соня Марголина, ориентируясь на генеалогию “нееврейских евреев” Исаака Дойчера, – что Маркс сохранил иудаизм в новом обличье, а в том, что он порвал с еврейской религиозной традицией точно так же, как сделал это самый известный и самый еврейский из всех еврейских пророков:

Имя его – Иисус Христос. Отошедший от ортодоксальных евреев и опасный для правителей, он отобрал Бога у евреев и отдал Его всему человечеству, независимо от расы и крови. В новое время интернационализация Бога была осуществлена в светской форме новым поколением еврейских вероотступников. В этом смысле Маркс был современным Христом, а Троцкий – самым верным его апостолом. Оба – Христос и Маркс – попытались изгнать торгующих из храма, и оба потерпели неудачу¹³⁴.

Многие еврейские революционеры – что бы они ни думали о христианстве как еврейской революции – соглашались с тем, что стали революционерами, потому что были евреями (в бердяевском смысле). Густав Ландауэр, анархист, философ и пострадавший за веру комиссар культуры Баварской советской республики, полагал, что еврейский бог – бунтарь и буян

Honor, 153.

¹³³ Werner Sombart. *Der proletarische Sozialismus*. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1924, 1: 75–76, 2: 298–303; Николай Бердяев. *Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы*. Paris: YMCA-PRESS, 1969, 116–117, 109.

¹³⁴ Sonja Margolina. *Das Ende der Lügen: Russland und die Juden im 20. Jahrhundert*. Berlin: Siedler Verlag, 1992, 101. Cf. Isaac Deutscher. *The Non-Jewish Jew and Other Essays*. London: Oxford University Press, 1968.

(*Auführer* и *Aufriittler*), что еврейская религия – выражение “священного недовольства народа самим собой” и что “ожидать Мессию, будучи изгнанным и рассеянным, и быть Мессией народов – одно и то же”. Франц Розенцвейг, считавший “отказ от разгула рынка” предвестием Царства Божия, радовался тому, что “каноны веры – свобода, равенство и братство – стали ныне лозунгами столетия”. А Лев Штернберг, народоволец, ссыльный – и до своей смерти в 1927 году глава советских этнографов, заключил, что социализм есть достижение специфически еврейское:

Словно из забытых гробниц своих снова восстали тысячи израильских пророков со своими пламенными проклятиями против тех, кто “прибавляет дом к дому, поле к полю”, с их властными призывами к социальной справедливости, с их идеалами единого человечества, вечного мира, братства народов, царства божия на земле!..

Пусть антисемиты используют это в своих аргументах – “антисемиты всегда найдут для себя аргументы”. Самое главное – сберечь и воспеть

то, что есть лучшего в нас: наши идеалы социальной справедливости и нашу социальную активность. Мы не можем отказаться от себя самих в угоду антисемитам, не можем, если бы мы даже этого хотели. И будем помнить, что будущее – за нас, а не за издыхающую гидру старого варварства¹³⁵.

Чемберлен и Зомбарт были правы, когда описывали иудаизм как уникальное сочетание неумолимого рационализма и страстного мессианства. Именно это сочетание, согласно Штернбергу, гарантирует окончательное освобождение человечества:

Первыми глашатаями социализма в XIX столетии были неевреи, французы Сен-Симон и Фурье. Но то был социализм утопический... Но вот назрел момент для наступления социализма *научного*. Тогда-то явился на сцену *рационалистический* гений еврейства в лице Карла Маркса, которому одному удалось возвести все здание нового учения, от основания до вершины, увенчав его грандиозной *монистической* системой исторического материализма. Но что особенно удивительно в еврейских представителях социализма, это яркое сочетание рационалистического мышления с социальной эмоциональностью и активностью – тех именно психических особенностей еврейского типа, которые мы видели так ярко выраженными во все прежние периоды еврейской истории, и особенно ярко – в пророках. Лучше всего мы видим это на Марксе и Лассале. Маркс сочетал в себе гений теоретического, почти математического мышления с бурным темпераментом фанатического борца и историческим чутьем подлинного провидца. Сочинения Маркса – не только новая Библия нашего времени, но и книга нового вида социальных предсказаний! Одна экзегетика учения и социальных предсказаний Маркса уже теперь по размерам не уступит всем томам Талмуда. Другого калибра, но того же психического типа был и Лассаль, соединявший в себе еще к тому великий талант народного трибуна и политического организатора¹³⁶.

Талантливым политическим организатором был и сталинский “железный нарком” Лазарь Каганович, который в детстве читал русских поэтов и еврейских пророков. Согласно его

¹³⁵ Löwy, *Redemption and Utopia*, 136, 59–60; Лев Штернберг. *Проблема еврейской национальной психологии* // Еврейская старина 11 (1924): 36, 44.

¹³⁶ Штернберг, “Проблема”, 37.

“Памятным запискам рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника”,

мы, изучавшие тогда в детстве Библию, чувствовали, что Амос костит царей и богачей, и нам это очень нравилось. Но мы, конечно, тогда некритически относились к этим пророкам, которые, отражая недовольство народных масс и критикуя угнетателей, призывали к терпеливому ожиданию спасения от бога и его мессии, а не звали к борьбе с угнетателями бедного народа. В детстве я, естественно, этот последний вывод не понимал, зато я помню, как в 1912 году в Киеве, когда мне пришлось выступать против сионистов, я хорошо и удачно использовал и привел вновь слова Амоса с соответствующими большевистскими выводами¹³⁷.

Еврейское происхождение коммунистических формул и ритуалов широко обсуждалось современниками, многие из которых были евреями, коммунистами или и тем и другим одновременно. В “Бурной жизни Лазики Ройтшванца” Илья Эренбург посмеялся над советской ортодоксией, сравнив ее с талмудическими толкованиями. Обе доктрины строились на разделении мира на “чистый” и “нечистый”, и, как предстояло обнаружить Вечному Жиду Лазику, обе боролись со скверной, умножая бессмысленные правила и тщетно пытаясь увязать их друг с другом и с бурной жизнью реальных людей.

Теперь я вижу, что талмудисты были самыми смешными щенками. Что они придумали? Еврею, например, нельзя кушать осетрину. Потому что осетрина – это дорого? Нет. Потому что это невкусно? Тоже нет. Потому что осетрина плавает без подходящей чешуи, и значит, она вполне нечистая, и еврей, скушав ее, осквернит свой избранный желудок. Пусть это едят другие, низкие народы. Я вам говорю, товарищ Минчик, эти щенки разговаривали о каких-то блюдах. Но вот пришел наконец настоящий двадцатый век, и люди поумнели, и вместо глупой осетрины перед нами стоит какой-нибудь Кант, а с ним тысяча семьдесят одно преступление. Пусть французы на вулкане читают все эти нечистые штучки, у нас избранные мозги, и мы не можем пачкать их разными нахальными заблуждениями¹³⁸.

В своей книге о польских коммунистах, родившихся в еврейских семьях около 1910 года, Джафф Шатц пишет, что многие из них считали свое марксистское образование продолжением еврейского. “Основным методом было самообразование, дополняемое наставлениями тех, кто продвинулся дальше. Члены кружков читали и обсуждали тексты и, если им не удавалось прийти к согласию относительно их значения или когда тема оказывалась слишком сложной, просили помощи у знатоков, чье авторитетное мнение, как правило, принималось всеми”. Наставниками были более опытные, начитанные и изобретательные толкователи текстов. “Наибольшим уважением пользовались те, кто знал большие куски классических текстов практически наизусть. Кроме того, многие из них могли перечислять по памяти статистические данные, касающиеся, скажем, производства хлеба, сахара или стали до и после Октябрьской революции, используя их в своих выводах и обобщениях... «Мы вели себя как студенты ешибота, а они – как раввины», – подвел итог один из респондентов”¹³⁹. Истинное знание надлежало искать в священных текстах, а степень “сознательности” определялась способностью примирить содержащиеся в них предписания, предсказания и запрещения:

¹³⁷ Лазарь Каганович. *Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника*. М.: Вагриус, 1996, 41.

¹³⁸ *Бурная жизнь Лазики Ройтшванца*, в: И. Эренбург. *Старый скорняк и другие произведения* (нет изд., 1983), 115.

¹³⁹ Schatz, *The Generation*, 138

К текстам классиков они относились с чрезвычайным благоговением, видя в них высшие авторитеты, содержащие ответы на все без исключения вопросы. Практическое затруднение состояло в том, чтобы подыскать наиболее подходящий фрагмент и правильно его истолковать – так, чтобы скрытый в нем ответ стал явным. В обсуждении таких текстов, равно как в спорах по общественным или политическим вопросам, присутствовал характерный элемент казуистического анализа, который многие из респондентов называют теперь “талмудистским”¹⁴⁰.

“Талмудизм” был ярлыком, который восточноевропейские коммунисты вешали на бесплодных теоретиков всех стран и народов, но вполне вероятно, что непропорционально высокое представительство евреев среди коммунистических авторов и идеологов объясняется тем, что евреи были лучше других подготовлены к работе по интерпретации канонических текстов (нееврейские рабочие кружки походили по стилю на еврейские, но произвели на свет гораздо меньше профессиональных интеллектуалов).

Возможно также, что люди, пользовавшиеся плодами еврейского просвещения, могли привнести элементы этого просвещения в строительство социализма (и практику журнализма). Тем более замечательно, что многие еврейские радикалы связывали свое революционное “пробуждение” с юношеским восстанием против родителей. Мир отцов казался им олицетворением связи между торгашеством и клановостью¹⁴¹.

Все революционеры – отцеубийцы, но мало кто может сравниться с еврейскими радикалами конца XIX – начала XX века. Дьёрдь Лукач, сын одного из самых видных банкиров Венгрии, Йозефа Левингера, достойно представлял свое поколение:

Я вырос в капиталистической семье из Липотвароша [богатый район Пешта]... С самого детства жизнь в Липотвароше вызывала во мне отвращение. Поскольку отец, занимаясь своими делами, регулярно общался с представителями городского патрициата и чиновничества, мое неприятие распространилось и на них. Таким образом, с самого раннего возраста мною владели бурные оппозиционные чувства в отношении всей официальной Венгрии... Конечно, сегодня я считаю детской наивностью то, что некритически обобщил это чувство отвращения, без разбора распространив его на всю мадьярскую жизнь, мадьярскую историю и мадьярскую литературу (сделав исключение для Петефи). Но факт остается фактом, что это отношение преобладало в те дни в моей душе и мыслях. А единственным серьезным противовесом – твердой почвой, на которую я мог опереться, – была иностранная литература модернизма, с которой я познакомился в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет¹⁴².

Со временем Лукач перейдет от модернизма к социалистическому реализму и от бесформенного отвращения к членству в Коммунистической партии; только любовь к Петефи сохранится на всю жизнь. Что тоже типично: национальные боги, даже те, что охранялись наиболее ревностно, были могущественнее всех остальных. Настолько могущественны, что их культы воспринимались как должное и оставались незамеченными, даже когда разного рода универсальные доктрины царили, казалось, самовластно. Коммунисты среди прочих не ассоциировали Петефи с “буржуазным национализмом”, против которого они боролись, и не видели

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ См. в особенности: Lewis S. Feuer. *Generations and the Theory of Revolution* // Survey 18, № 3 (Summer 1972): 161–188; Lewis S. Feuer. *The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements*. New York: Basic Books, 1969.

¹⁴² Цитируется в: McCagg, *Jewish Nobles and Geniuses*, 106–107.

серьезного противоречия между преклонением перед его поэзией и пролетарским интернационализмом. Петефи – подобно Гете-Шиллеру, Мицкевичу и прочим – символизировал местный вариант “мировой культуры”, а мировая культура (“высокая” ее разновидность, которую символизировал Петефи) была важным оружием пролетариата. Всякий коммунизм начинается как национальный коммунизм (и кончается как обыкновенный национализм). Бела Кун, глава коммунистического правительства Венгрии в 1919 году, организатор красного террора в Крыму и один из руководителей Коммунистического Интернационала, начал свою писательскую карьеру со школьного сочинения “Патриотическая поэзия Шандора Петефи и Яноша Ороня”, а закончил, в ожидании ареста сотрудниками НКВД, предисловием к русским переводам стихов Петефи. Лазарь Каганович, который подписал смертный приговор Куна, впитывал начатки культуры, “самостоятельно” читая “имевшиеся отдельные сочинения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого, Тургенева”¹⁴³.

Сила национальных пантеонов состояла в их ненавязчивой повсеместности; важность семейных бунтов заключалась в их роли актов прозрения. Франц Боас вспоминает “незабываемый миг”, когда он впервые усомнился в авторитете традиции; с тех пор “все мои взгляды на жизнь общества определяются вопросом; как можем мы распознать оковы, в которых держит нас традиция? Ибо, только распознав их, мы сможем от них избавиться”.

¹⁴³ McCagg, “Jews in Revolutions”, 96; Rudolf L. Tóké. *Bela Kun and the Hungarian Soviet Republic*. New York: Frederick A. Praeger, 1967, 53; Gyorgy Borsányi. *The Life of a Communist Revolutionary, Bela Kun*. New York: Columbia University Press, 1993, 431; Каганович, *Памятные записки*, 40.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.